

К 785-летию победы русских войск под командованием князя Александра Ярославича над шведами в Невской битве

15 июля 1240 года, 785 лет назад, молодой новгородский князь Александр Ярославич у впадения реки Ижоры в Неву одержал блестящую победу над шведами в битве, не только имевшей большое военно-политическое значение, но и давшей полководцу имя, с которым он вошёл в историю России, — Александр Невский.

Молодость князя Александра пришлась на нелёгкое для Руси время. «Вся Западная Европа в XII и XIII веках превращается в огромный вооруженный лагерь, высылающий на православный Восток многочисленные армии. Александр Ярославич во всем объеме сознавал всю опасность, всю ответственность своего положения. Он знал, что он должен быть щитом, прикрывающим родину, уже обесиленную татарами, от других более опасных врагов», — говорится в жизнеописании «Святой благоверный великий князь Александр Ярославич Невский» историка протоиерея Михаила Хитрова.

Швеция и раньше представляла для нашей страны угрозу. «Распространяя свое владычество и католическую веру в Финляндии, шведы становились все более и более опасными для Новгорода, — продолжает Михаил Хитров. — Царствовавший в то время в Швеции король Эрих Эрихсон мало занимался делами, и все управление страной находилось в руках знаменитого Биргера. Надеясь на многочисленность войска, Биргер рассчитывал прежде всего

Потомже поиде скоро и срътеего кнѣзе
дниси левсандъ и рослапчъ . онѣже
пидѣхъ етордо спныи мѣчнма . и
не поспѣдемоу единомуу сее же шдѣ
ислыша . онѣже речемоу . сего не пошѣ
никомуужебратѣ . доиде же гыи коже
хощеть согнворити .

Итакосиѣшнеепоѣшасяпрїи деи
нишестыи частюми . и бысть брѣ

напасть на Ладогу и, ставши здесь твердой ногой, ударить на Новгород». Такова была обстановка на западных границах Руси к 1240 году, предшествовавшая Невской битве.

Когда весть о наступлении неприятеля достигла Новгорода, войска шведов, в состав которых также входили норвежцы и представители финно-угорских племён, под командованием Биргера Магнуссона уже дошли по Неве до устья Ижоры и расположились лагерем более чем в ста верстах от Новгорода.

«Вслед за тем сам Биргер прислал послов своих в Новгород с дерзким, по своему тону, известием: "аще можеша противитися мне, то есмь zde уже пленю землю твою". Нечаянность нападения давала врагу смелость сказать это Новгородцам, не приготовленным к брани», — писал епископ Кирилл (Василий) Наумов в книге «Жизнь святого благоверного великого князя Александра Невского, в иночестве Алексия».

Медлить было нельзя, ждать помощи от князя Ярослава или собирать ратников с новгородских земель не было времени. Александр решает выступить в бой со своей небольшой дружиной, новгородским ополчением, а также дружиной ладожан.

По принятию обычая Александр, как сказано в историческом очерке Сергея Кроткова «Невская битва и Ледовое побоище», «поспешил в новгородскую церковь св. Софии и в ней на коленах со слезами молился Богу об избавлении земли русской от врагов; затем, приняв благословение от новгородского архиепископа Спиридона, вышел к своей малочисленной дружине и сказал: «Нас немного, а враг силен, но Бог не в силе, а в правде: идите с вашим князем»».

Русская дружина под предводительством Александра выступила в поход. Молодой князь со своим войском двинулся вниз по реке Волхов к Ладоге и 15 июля в 11 ч утра внезапно атаковал не охранявшийся лагерь шведов. Битва продолжалась до самой ночи. Михаил Хитров в уже упомянутом жизнеописании князя Александра так рассказывает о ходе сражения: «Прежде чем враги успели опомниться, русские дружным натиском ударили на них. Как Божия гроза, впереди всех пронесся в средину врагов юный князь и... увидал своего страшного врага. С неукротимой отвагой бросившись на Биргера, он нанес ему тяжелый удар по лицу — “возложил ему печать на лицо”, по выражению летописи. Русская дружина прошла, избивая смятенных неприятелей, через весь стан. Вражеское полчище бросилось к берегу и спешило укрыться на корабли. Однако лучшая часть ополчения успела оправиться от внезапного удара, и в разных концах обширного лагеря закипел упорный бой, продолжавшийся до ночи. Но дело врагов было уже проиграно безвозвратно. Новгородцы овладели боем. Искусно распоряжался молодой вожьд, среди увлечения боем сумевший сохранить ясность соображения, направляя отряды своей дружины...»

К утру остатки шведских войск бежали на уцелевших кораблях. В цитируемом очерке Сергея Кроткова рассказывается, что «у шведов так много было убитых, что трупами одних только знатных воинов нагроузили они две шнеки, трупы же простых воинов зарыли в яму, вырытую здесь... У русских было убито, как считают летописцы, только человек двадцать».

Столь ошеломительная победа настолько поражала и восхищала современников, что о ней даже слагали легенды. Одну из них пересказывает историк профессор Иван Беляев в книге «Великий князь Александр Ярославич Невский»: «Победа Новгородцов так была велика и необычайна, что они, в чувстве благочестиваго истинно Христианскаго смиренія, даже не осмеливались приписать ее себе и, зная малочисленность своей дружины и великую силу врагов, говорили, что за них и с ними вместе сражались Ангелы Божии, и, указывая на противоположный берег Ижеры, покрытый неприятельскими трупами, утверждали, что полки Александровы там не были и даже не могли пройти туда, что силы небесныя поражали здесь неприятелей».

Победа в Невской битве сохранила для Новгорода берега Невы и Финского залива и возможность торгового обмена Руси с Западом. Новгородский князь Александр Ярославич за проявленные в битве на Неве искусство полководца и мужество был прозван Невским. За своё самоотверженное служение на благо Отечества в 1547 году он был канонизирован Русской православной церковью.

Публикация Н.Л. Крыловой

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

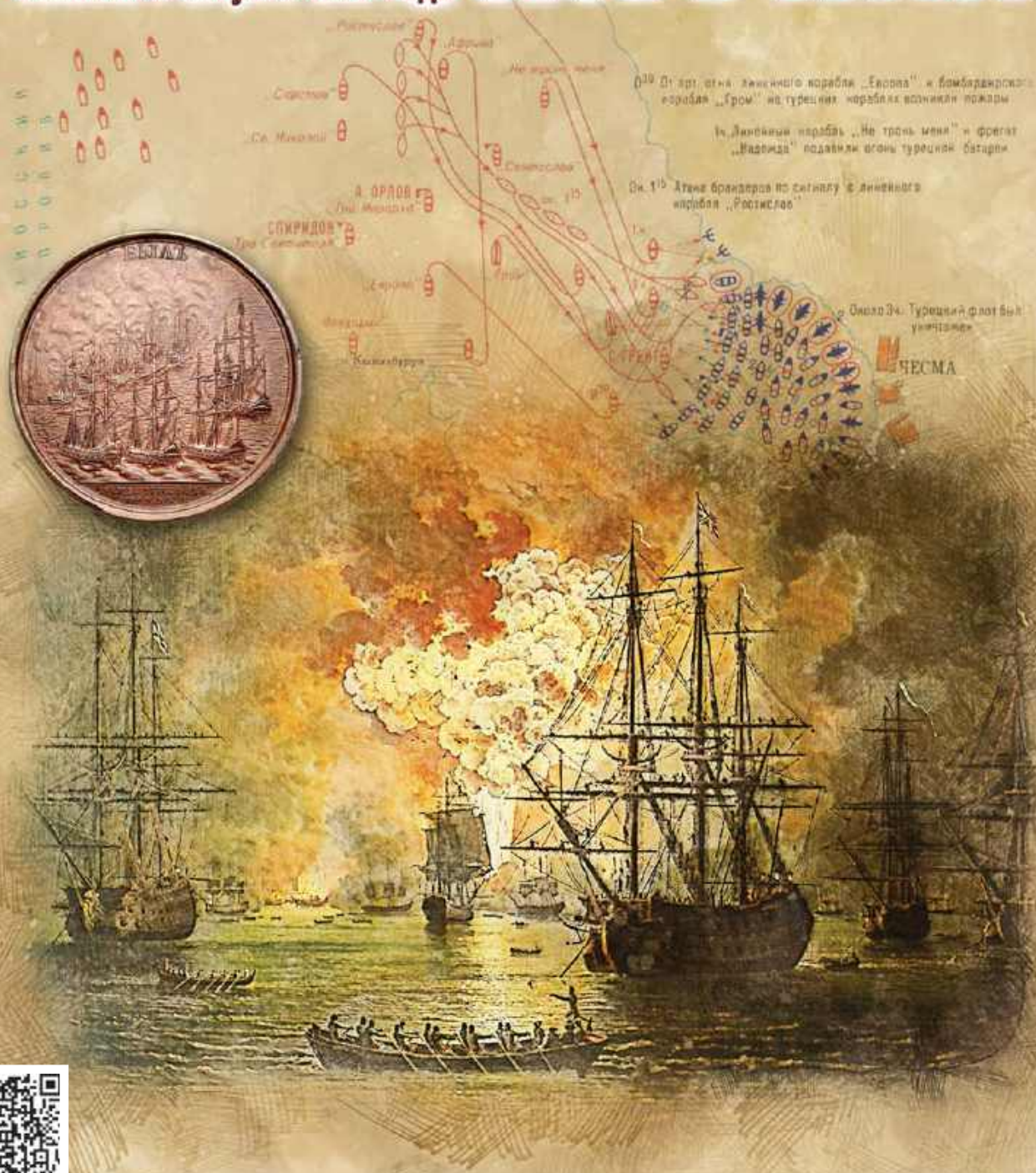
ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

7/2025

ISSN-0321-0626

Основан в августе 1939 года

Военно-исторический журнал 2025 7 июля

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

«...НИКОГДА В ТОЛИКОМ ПОРЯДКЕ... НЕ ДЕЙСТВОВАЛ НАШ ФРОНТ, КАК ПРИ СЕЙЩАСТЛИВОЙ АТАКЕ»

К 255-летию победы русской армии под командованием генерал-аншефа П.А. Румянцева над турецкой армией при Ларге

255 лет назад, 7(18) июля 1770 года, у реки Ларга в ходе Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. произошло сражение между русской армией генерал-аншефа П.А. Румянцева и османскими войсками крымского хана Каплан-Гирея. Несмотря на числен-ный перевес, турки и крымские татары были разбиты и бежали.

Весной 1770 года турецкая армия при поддержке крымской конницы перешла в наступление. Малочисленный корпус ге-нерал-поручика Н.В. Репнина, расположенный в Молдавии, понёсший серьёзные потери от эпидемии чумы, не мог противо-стоять врагу и отступал. Русские войска отошли под давлением превосходивших сил противника и закрепились на позициях у Рябой Могилы. Вражеская конница блокировала отряд Репнина.

На помощь передовому корпусу выступил с 1-й армией П.А. Румянцев. 17 июня 1770 года русские войска разбили большую татарско-турецкую армию у Рябой Могилы. Враг бежал. Однако вскоре войска крымского хана были усилены турецким корпусом. Турки и татары заняли позицию у реки Ларга (левый приток Прута). Численность османской армии доходила до 80 тыс. человек (65 тыс. конницы и 15 тыс. пехоты) при 33 орудиях. Османское командование выбрало удобную позицию. Турецкие войска располагались за рекой Ларга на высоком плато. С севера (фронта) турок прикрывала непро-ходимая вброд река Ларга, с запада — реки Балахи и Прут, с юга и юго-востока — река Бабикул. С северо-востока и востока серьёзных естественных препятствий не было, и это было самое уязвимое место турецкого лагеря.

Турки укрепили позицию четырьмя ретраншементами (фортификационное сооружение в виде вала со рвом впе-реди). Наиболее опасное направление было укреплено мощным подковообразным ретраншементом, чтобы противник не смог обойти позицию справа. Все полевые укрепления были заня-ты турецкой пехотой. Конница была расположена за правым флангом.

После боя у Рябой Могилы русские войска два дня отдыхали. 19 июня 1770 года армия снова пошла вперёд. 4 июля войска Румянцева расположились на высотах у реки Ларга: дивизия Н.В. Репнина — на левом фланге, дивизия генерал-квартир-мейстера Ф.В. Баура — на правом, за ними были основные силы. Русская армия насчитывала около 38 тыс. человек при 115 орудиях. Татарская конница пыталась атаковать русский лагерь, но безуспешно.

Румянцеву необходимо было разгромить войска Каплан-Гирея до соединения его со 150-тысячной армией великого визиря. 5 июля состоялся военный совет. Решение было единогласным — атаковать, несмотря на превосходство противника в силах и крепкую позицию. Русский главнокомандующий приказал провести демонстративную атаку с фронта и нанести главный удар по наиболее слабому правому крылу неприятеля. С се-верного направления наступала дивизия генерал-поручика

П.Г. Племянникова (6000 солдат при 25 орудиях). Она должна была отвлечь на себя внимание врага, а затем, во время атаки главных сил, нанести вспомогательный удар.

По правому крылу вражеской армии наносили удар аван-гард Ф.В. Баура (около 4000 солдат при 14 пушках) и дивизия Н.В. Репнина (11 тыс. человек при 30 орудиях). За ними рас-полагались главные силы под началом самого П.А. Румянцева — около 19 тыс. человек (11 тыс. пехоты и 8000 конницы). Чтобы скрыть свои планы, русские построились в боевые порядки в 8 км от вражеского лагеря. Пехота образовала несколько каре по 2000—4000 солдат каждое. Кавалерия разместилась между каре, а также прикрывала фланги и тыл. Артиллерия прида-валась дивизиям, часть была в резерве.

5 июля турки и татары под началом Абды-паши атаковали русские позиции. Сначала навалились на дивизию Репнина, затем — на Баура. Атака была отражена. Получив подкрепления из лагеря, османы ударили по правому флангу русских войск. Ситуация стала опасной. Но контратака отряда генерал-майора О.А. Вейсмана исправила положение.

В ночь на 7 июля основные силы русской армии форсиро-вали реку Ларга по заранее наведённым переправам и вышли к вражескому лагерю. Впереди каре густой цепью шли егеря. В первой линии были каре Репнина, Потёмкина и Баура. Во второй — силы Румянцева, в третьей — кавалерия. Лёгкая кон-ница располагалась за левым флангом. Артиллерия (7 батарей) двигалась между каре в первой линии.

К 4 ч утра русские войска, сбив передовые посты непри-ятеля, вышли к правому флангу турецкой позиции и при поддержке артиллерийского огня начали атаку. Наступление с этого направления оказалось неожиданным для османов. Они стали спешно перебрасывать войска и артиллерию на атакованный участок. Это было использовано русскими для удара с фронта. Дивизия Племянникова прорвалась во вра-жеский лагерь с северного направления. Татарская конница пыталась контратаковать вдоль реки Бабикул, чтобы обойти левый фланг русской армии и выйти ей в тыл, но безуспешно. Русская тяжёлая кавалерия графа И.П. Салтыкова, артиллерия и егерские батальоны сильным огнём остановили неприятеля.

В целях усиления удара Румянцев бросил в сражение войска второй линии. Части были выдвинуты из-за флангов первой линии. К полудню четыре вражеских укрепления были захва-чены. Турки и татары, не выдержав хорошо организованной атаки, бежали из лагеря. Противник бросил всю артиллерию (33 пушки), знамёна и обоз. Османское войско потеряло свыше 1000 человек убитыми и 2000 пленными. Потери русской армии были незначительными — 90 человек убитыми и ранеными.

В сражении были использованы новые тактические приёмы. Русская армия наступала несколькими походными колонна-ми, которые становились частями будущего боевого порядка. Этим облегчалось боевое развёртывание. Войска были разбиты на дивизионные и полковые каре (ранее они выстраивались в одно большое каре), что позволяло одновременно наступать и маневрировать силами. Успеху способствовало использование рассыпного строя егерей перед главными силами, что препятство-вало точному в них попаданию. Генерал-аншеф П.А. Румянцев в своей реляции императрице Екатерине II о сражении при Ларге писал: «Я осмеливаюсь ваше императорское величество удостоверить, что еще с толиким ударом не был от наших войск рассыпан неприятель и никогда в толиком порядке и предпри-ятии не действовал наш фронт, как при сей щастливой атаке».

Публикация Н.Л. Крыловой

ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ ПУБЛИКАЦИИ СТАТЕЙ В «ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ»

Правила публикации статей в журнале

- Представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), оценку степени их научной разработанности (историографический обзор), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы, а также соответствовать правилам оформления.
- Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не публиковавшимся ранее в других печатных и сетевых научных (научно-популярных) изданиях. При отправке рукописи в редакцию журнала автор автоматически принимает на себя обя-зательство не публиковать её ни полностью, ни частично в каком-либо издании без согласия редакции.
- Рекомендованный объём статьи — 20–30 тыс. знаков с пробелами.
- Список литературы, оформляемый концевыми ссылками, должен составлять не менее 20 источников, не менее 30% которых должны представлять современные (не старше 10 лет) публикации, в том числе в международных изданиях. Оптимальный уровень самоцитирования автора — не выше 10% от списка использованных источников.
- Материал должен обязательно содержать иллюстрации (цветные и чёрно-белые) с указанием источников заимствования и ав-торских прав.
- Все поступившие в редакцию работы проходят внутреннее и внешнее рецензирование, а также проверку системой «Антиплагиат» (рекомендуемая оригинальность — 80%), по результатам которых принимается решение о возможности включения статьи в журнал. Информацию о результатах предварительной экспертизы рукописи авторы могут получить не ранее чем через 15 дней с момента её поступления в редакцию. Редакция имеет право не вступать с авторами в переписку.
- Статьи направляются в редакцию журнала по e-mail: *mil_hist_magazin@mail.ru* или *ric_vig_1@mail.ru*.
- Позиция редакции не обязательно совпадает с точкой зрения авторов.
- Плата за публикацию рукописей не взимается.

Комплектность и форма представления авторских материалов

Статья должна содержать следующие элементы:

- название статьи на русском и английском языках (до 12 слов);
- аннотацию на русском и английском языках (100—150 слов), оформленную в соответствии с международными стандартами и включающую: вступительное слово о теме исследования; цель научного исследования; основные результаты, выводы исследователь-ской работы. В аннотации не должны повторяться текст самой статьи (нельзя брать предложения из статьи и переносить их в аннотацию), а также её название;
- ключевые слова на русском и английском языках (4—8 слов);
- рукопись должна быть иллюстрирована как чёрно-белыми, так и в обязательном порядке цветными портретами или фотографиями упоминаемых персоналий, сканами исторических документов, картами, диаграммами, схемами, батальной живописью, фото музейных экспозиций, изображениями военной символики и др. из расчёта не менее одной иллюстрации на три страницы текста;
- текст публикации должен содержать автоматические концевые ссылки на источники и литературу, примечания научно-спра-вочного характера;
- примечания должны содержать список литературы (от 20 источников) с полными библиографическими сведениями, который оформляется на русском языке в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5. — 2008, архивные и другие исторические источники, сведения научно-справочного характера (краткие биографические сведения, определения терминов и т.д.), которые нумеруются в порядке упоминания в тексте;
- сведения об авторах на русском и английском языках: Ф. И. О. полностью, учёная степень, учёное звание, должность, место работы (название организации), город, страна, почтовый адрес, e-mail.

Общие правила оформления текста

- Авторские материалы должны быть подготовлены в электронной форме в формате листа А4 (210 x 297 мм).
- Все текстовые авторские материалы принимаются исключительно в форматах doc и docx (Microsoft Office).
- Шрифт текста — Arial, кегль (размер шрифта) — 13.
- Текст набирается с соблюдением следующих правил: поля — верхнее и нижнее — 2,54 см, левое и правое — 3,17 см; межстрочный интервал — полуторный; абзац — автоматический: отступ первой строки на 1,25 см (недопустимо делать отступы (левые, правые) пробелами); перенос слов — отключён; инициалы между собой пробелами не отделяются; при наборе должны различаться тире (—) и дефисы (-); кавычки типографские, внешние — ёлочки « », внутренние — лапки “ ”.
- Таблицы нумеруются и ссылками отражаются в тексте. Оформление заголовков таблицы должно быть единообразным. Шрифты в таблице должны быть на один пункт меньше основного текста. Ширина таблицы — не более 16,5 см, высота — до 20 см.
- Все физические величины, встречающиеся в тексте, должны быть выражены в Международной системе единиц (СИ) согласно ГОСТ 8.417 — 2002 «Единицы физических величин».
- Иллюстрации:
 - векторные — схемы, графики, созданные средствами Microsoft Word, должны быть сгруппированы и помещаться в печатное поле;
 - растровые — рисунки, фотографии должны быть с разрешением не менее 300 dpi, каждая присылается отдельным файлом в форматах jpg и jpeg.
- Фон рисунков желательно сделать белым, сами рисунки должны быть чёткими, надписи и обозначения — хорошо читаться;
- все иллюстрации в тексте должны быть пронумерованы и иметь подрисуночные подписи, которые оформляются на отдельном файле в форматах doc и docx (Microsoft Office).

Адрес редакции для переписки: 119160, г. Москва, Хорошёвское шоссе, 38, редакция «Военно-исторического журнала». Тел.: (495) 941-26-50, (495) 941-26-12 E-mail: ric_vig_1@mail.ru Подписку на «Военно-исторический журнал» можно оформить: по каталогу АО «Почта России» по индексу П5905 в любом почтовом отделении, кроме Республики Крым и г. Севастополя;	- Объединённому каталогу «Пресса России» через ОАО «АРЗи» по индексу 39887 в почтовых отделениях Республики Крым и г. Севастополя; - интернет-каталогу «Пресса России», индекс 339887 для подписчиков всех регионов; - интернет-каталогам агентств на сайтах: www.podpiska.pochta.ru www.akc.ru www.ppressa-rr.ru;	заявке на e-mail: kr_zvezda@mail.ru с личным получением в АО «Красная Звезда», г. Москва, или доставкой бандеролью. Сдано в набор 19.05.2025 Подписано к печати 19.06.2025 Формат 60x84/8. Тираж экз. 0000 Зак. № 2653-2025 Регистрац. № 01978 от 30.12.1992
Журнал издаётся ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» Минобороны России 125284, г. Москва, Хорошёвское шоссе, д. 38 Тел.: (495) 941-23-80 E-mail: ricmorrf@yandex.ru	Отдел рекламы (495) 941-28-46 E-mail: reklama@korrnet.ru Отпечатано в АО «Красная Звезда» 117342, г. Москва, Севастопольский проспект, д. 56/40 Цена свободная © «Военно-исторический журнал», 2025	Отдел распространения периодической печати — 8(495) 941-39-52 E-mail: kr_zvezda@mail.ru, Web-сервер: http://www.redstarprint.ru Секретариат — 8(495) 191-15-51

РЕДАКЦИЯ
Главный редактор

ЧАЧУХ

Игорь Мадинович,
заслуженный
журналист РФ,
полковник запаса

**Заместитель
главного редактора**

КИКНАДЗЕ

Владимир Георгиевич,
доктор исторических наук,
доцент, член-корреспондент
РАН, полковник запаса

Научные редакторы

П.А. АФАНАСЬЕВ,
полковник в отставке;

Е.В. ДОБЫЧИНА,
кандидат
исторических наук;

В.А. ЕВДОКИМОВ,
подполковник в отставке;

Н.Л. КРЫЛОВА;

А.Л. КУРСОВА;

С.В. МАНИУКОВ,
полковник в отставке;

А.Н. ОВЧИННИКОВ,
подполковник в отставке;

А.В. ПЕТРОЧИНИН;

А.А. ПИМЕНОВ,
полковник в отставке;

О.А. ТВИРОВА

**Ответственный
секретарь**

М.В. ЗАБРОДИНА

Секретариат

А.А. ЛАНЦОВА

(заместитель
ответственного секретаря);

Ю.В. СНЕГОВА

Литературная редакция

Н.И. ВАХРОМЕЕВА;

А.И. ПАВЕЛКОВСКАЯ;

А.М. ПЕТРОВ,

полковник в отставке

Заведующий редакцией

Е.С. ЛЕБЕДИНСКИЙ

Перевод

А.М. БОРОВИК

Компьютерная вёрстка

Е.Н. ПЛЕТНЁВА

Обложка номера

И.В. НИКОЛАЕВ

капитан 1 ранга запаса

В оформлении обложки номера
использована картина Якоба Филиппа
Хаккерта «Разгром турецкого флота
под Чесмой»

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**
УЧРЕДИТЕЛЬ:
МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ИЮЛЬ

№ 7 (783)

2025

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

И.И. БАСИК — начальник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, полковник запаса, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник (Москва)

I.I. BASIK — the Chief of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.), Senior Researcher (Moscow)

А.А. БУДКО — директор Военно-медицинского музея МО РФ, полковник медицинской службы в отставке, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург)

A.A. BUDKO — the Director of the Military Medical Museum of the Russian Defence Ministry, Colonel (med. service, ret.), D. Sc. (Medicine), Professor, Honoured Doctor of Russia (St. Petersburg)

Е.Ю. ГУСЬКОВА — руководитель Центра по изучению современного балканского кризиса Института славноведения Российской академии наук, доктор исторических наук (Москва)

Ye.Yu. GUSKOVA — the Director of the Centre for the Studying the Balkans crisis of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.А. ЗДАНОВИЧ — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, генерал-лейтенант, доктор исторических наук (Москва)

A.A. ZDANOVICH — Senior Researcher of the Research Institute (of Military History) of the Military Academy of the General Staff of the RF Armed Forces, Lieutenant-General, D. Sc. (Hist.) (Moscow)

А.В. КИРИЛИН — декан факультета специальных исторических, гуманитарных дисциплин и военно-мемориальной работы Российского государственного социального университета, генерал-майор, кандидат исторических наук (Москва)

A.V. KIRILIN — Dean of the Faculty of Special Historical, Humanitarian Disciplines and Military Memorial Work of the Russian State Social University, Major-General, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

В.М. КРЫЛОВ — директор Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, полковник в отставке, доктор исторических наук, профессор, действительный член РАН, заслуженный работник культуры РФ (Санкт-Петербург)

V.M. KRYLOV — the Director of the Military Historical Museum of Artillery, Engineer and Signal Communications Troops, Colonel (ret.), D. Sc. (Hist.), Professor, Full Member of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences (RAMAS), RF Honoured Worker of Culture (St. Petersburg)

В.Н. ЛОБОВ — генеральный инспектор Министерства обороны РФ, генерал армии, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор (Москва)

V.N. LOBOV — General Inspector of the Ministry of Defence of the Russian Federation, General of the Army, D. Sc. (Mil.), Cand. Sc. (Hist.), Professor (Moscow)

С.В. МИРОНЕНКО — научный руководитель Государственного архива Российской Федерации, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

S.V. MIRONENKO — Scientific leader of the State Archives of the Russian Federation, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.К. НИКОНОВ — директор Центрального музея Вооружённых сил, полковник в отставке, кандидат исторических наук (Москва)

A.K. NIKONOV — the Director of the Central Museum of the Armed Forces, Colonel (ret.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Э.А. ПАДЕРИН — начальник Архивной службы Вооружённых сил Российской Федерации, полковник (Москва)

E.A. PADERIN — Head of the Archival service of the Russian Armed Forces, Colonel (Moscow)

И.А. ПЕРМЯКОВ — директор Российского государственного архива новейшей истории, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва)

I.A. PERMYAKOV — The Director of the Russian State archive of Modern History, Colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow)

Ю.А. ПЕТРОВ — директор Института российской истории Российской академии наук, доктор исторических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

Yu.A. PETROV — the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Hist.), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

В.С. ХРИСТОФОРОВ — главный научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук, генерал-лейтенант, доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Москва)

V.S. KHRISTOFOROV — Chief Researcher of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Lieutenant-General, D. Sc. (Law), Corresponding Member of the RAS (Moscow)

А.О. ЧУБАРЬЯН — научный руководитель Института всеобщей истории Российской академии наук, академик РАН, профессор (Москва)

A.O. CHUBARYAN — Scientific leader of the Institute of Global History of the Russian Academy of Sciences, Academician of the RAS, Professor (Moscow)

«Военно-исторический журнал» включён в Перечень российских рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук; в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

2-я стр. обл.	«...Никогда в толиком порядке... не действовал наш фронт, как при сей щастливой атаке». К 255-летию победы русской армии под командованием генерал-аншефа П.А. Румянцева над турецкой армией при Ларге (Публикация Н.Л. Крыловой)
---------------	---

ВОЕННОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

4	А.А. КОРЯКОВЦЕВ, С.Л. ТАШЛЫКОВ — «Продолжение этой программы чревато серьёзными негативными последствиями». От противолодочного авианесущего крейсера к полноценному авианосцу: тернистый путь создания
---	--

ЛОКАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ И ВООРУЖЁННЫЕ КОНФЛИКТЫ XX—XXI вв.

12	В.И. БЕЗРУЧЕНКО — «Североатлантический альянс... присвоил себе роль и судьи, и судебного исполнителя». Операция НАТО против Республики Сербской в 1995 году
----	--

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941—1945 гг.

24	С.М. АВРАМЕНКО — «Мы должны быть готовы к тому, чтобы действовать беспощадно с классовой ненавистью». Деятельность специальной школы при 246-й стрелковой дивизии 29-й армии Западного фронта
32	Е.Ю. КОЛОБОВ — «Час мужества прѣбил на наших часах, и мужество нас не покинет». Советские писатели в первые месяцы войны на фронте и в тылу

ИЗ ИСТОРИИ ВООРУЖЕНИЯ И ТЕХНИКИ

40	М.Э. МОРОЗОВ — «Мы сосредоточили особые усилия именно на строительстве подводного флота». Строительство подлодок в СССР по программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг.
50	В.Н. ПРЯМИЦЫН — «Как это глупо умереть, разбившись в тумане!». Влияние метеорологических условий на аварийность в Военно-воздушных силах Красной армии в годы Великой Отечественной и Советско-японской войн (1941—1945 гг.)
58	А.В. КРАМОРЕНКО, Л.А. СОЛОВЬЁВ, Д.Е. ФАДЕЕВ — «Весь личный состав отряда в операции работал хорошо». Опыт работы отряда Аварийно-спасательной службы ВМФ СССР в соответствии с «Техническим отчётом по подъѣму крейсера “Червона Украина”» в 1946—1948 гг.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

66	М.И. ЯКУШЕВ — «...Доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия никак не перестанут». Фокшаны — Бухарест — Кючук-Кайнарджа: этапы большого пути
----	--

ЭКОНОМИКА И ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ

76	К.А. НАСОНОВ — «При такой ничтожной норме, разумеется, трудно предъявлять суровые требования к нашему комсоставу...». Формирование системы денежного довольствия военнослужащих РККА (январь 1918 — июнь 1941 г.)
----	--

ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ

84	И.В. ОСТРОВСКАЯ — «...Спектакли проходили с большим подъѣмом». О деятельности театрально-концертных бригад театра Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны
----	---

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ

90	М.М. ФРОЛОВА — «Несколько дней, проведенных в Плевне, напомнили мне живо Севастополь». Неизвестные письма лазутчика К.Н. Фаврикодорова, посланные из Софии и осаждённой Плевны в 1877 году
----	---

ИСТОРИЯ ВОЕННОЙ МЕДИЦИНЫ

98	А.А. БУДКО, И.М. ЧИЖ, Н.Ю. БРИНЮК, С.Л. СПИРИДОНОВ — В борьбе за «здоровье» воинских эшелонов. Организация противоэпидемической защиты на железнодорожных коммуникациях в годы Великой Отечественной войны
----	---

ЗАБЫТОЕ ИМЯ

106	С.С. БЛИЗНИЧЕНКО — «Образец воинской чѣткости, подтянутости и дисциплины». Судьба инженер-капитана 1 ранга Ю.Ю. Кимбара
-----	--

ИМЕНА И СУДЬБЫ

112	Р.Ш. НЕХАЙ, С.Д. КЛИМОВСКИЙ — «От коего проситель показывает свое происхождение назначить». Древняя родословная адмирала Ф.Ф. Ушакова
-----	--

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

4-я стр. обл.	«Как Божия гроза, впереди всех пронесся в средину врагов юный князь...». К 785-летию победы русских войск под командованием князя Александра Ярославича над шведами в Невской битве (Публикация Н.Л. Крыловой)
---------------	--

CONTENTS

MEMORABLE DATES	
«...Never in such an order... did our front line act as in this successful attack». On the 255th anniversary of the victory of the Russian army under the command of general en chef P.A. Rumyantsev over the Turkish army at Larga (<i>Publication by N.L. Krylova</i>)	p. 2 of the cover
MILITARY CONSTRUCTION	
A.A. KORYAKOVTSSEV, S.L. TASHLYKOV — «Continuation of this program is fraught with serious negative consequences». From an anti-submarine aircraft carrier cruiser to a full-fledged aircraft carrier: the thorny path of creation	4
LOCAL WARS AND WAR CONFLICTS OF THE 20th—21st CENTURIES	
V.I. BEZRUCHENKO — «The North Atlantic Alliance has arrogated to itself the role of judge and bailiff». NATO operation against Republika Srpska in 1995	12
THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941—1945	
S.M. AVRAMENKO — «We must be ready to act ruthlessly with class hatred». Activity of the special school at the 246th Rifle Division of the 29th Army of the Western Front	24
Ye.Yu. KOLOBOV — «The hour of courage has come, and we will never falter». Soviet writers in the first months of the war at the front and in the rear	32
FROM THE HISTORY OF ARMAMENTS AND EQUIPMENT	
M.E. MOROZOV — «We concentrated special efforts precisely on the construction of the submarine fleet». Construction of submarines in the USSR under the naval shipbuilding program for 1933—1938	40
V.N. PRYAMITSYN — «It is unwise to perish in a foggy environment». Influence of meteorological conditions on accidents in the Red Army Air Force during the Great Patriotic War and the Soviet-Japanese War (1941—1945)	50
A.V. KRAMORENKO, L.A. SOLOVYOV, D.Ye. FADEYEV — «All personnel of the detachment in the operation performed admirably». The work experience of the Emergency Rescue Service detachment of the USSR Navy is documented in the technical report on the lifting of the cruiser Chervona Ukraina in 1946—1948	58
FROM THE HISTORY OF POLITICAL-MILITARY RELATIONS	
M.I. YAKUSHEV — «As long as these main articles are not approved, the action of arms will not cease in any way». Focşani — Bucharest — Küçük Kaynarca: stages of the Great Road	66
ECONOMY AND ARMED FORCES	
K.A. NASONOV — «Given the negligible norm, it is challenging to impose significant demands on our command staff». The formation of the system of monetary allowances for Red Army servicemen (January 1918 to June 1941)	76
MILITARY-PATRIOTIC EDUCATION	
I.V. OSTROVSKAYA — «The performances were met with great enthusiasm». On the activities of theater and concert brigades of the Black Sea Fleet theater during the Great Patriotic War	84
MILITARY INTELLIGENCE HISTORY	
M.M. FROLOVA — «A few days spent in Pleven evoked memories of Sevastopol». The following is an excerpt from the letters of the infiltrator K.N. Favrikodorov, sent from Sofia and besieged Pleven in 1877	90
HISTORY OF MILITARY MEDICINE	
A.A. BUDKO, I.M. CHIZH, N.Yu. BRINYUK, S.L. SPIRIDONOV — In the struggle for the «health» of military trains. Organization of epidemic protection of railway communications during the Great Patriotic War	98
FORGOTTEN NAME	
S.S. BLIZNICHENKO — «A model of military precision, rigor and discipline». Fate of the engineer captain 1st rank Yu.Yu. Kimbar	106
NAMES AND DESTINIES	
R.Sh. NEKHAY, S.D. KLIMOVSKY — «From whom the petitioner shows his origin to appoint». Ancient genealogy of Admiral F.F. Ushakov	112
MEMORABLE DATES	
«Like God's thunderstorm, the young prince swept into the midst of the enemies...». On the 785th anniversary of the victory of the Russian troops under the command of Prince Alexander Yaroslavich over the Swedes in the battle of the Neva (<i>Publication by N.L. Krylova</i>)	p. 4 of the cover

«ПРОДОЛЖЕНИЕ ЭТОЙ ПРОГРАММЫ ЧРЕВАТО СЕРЬЁЗНЫМИ НЕГАТИВНЫМИ ПОСЛЕДСТВИЯМИ»

От противолодочного авианесущего крейсера к полноценному авианосцу:
тернистый путь создания

Сведения об авторах. Коряковцев Алексей Анатольевич — профессор кафедры строительства и применения ВМФ Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга, доктор исторических наук (Москва. E-mail: rtm6711989@yandex.ru);

Ташлыков Сергей Леонидович — профессор кафедры истории войн и военного искусства Военной академии Генерального штаба ВС РФ, капитан 1 ранга, доктор исторических наук (Москва. E-mail: stashlykov@yandex.ru).

Аннотация. В статье изложена краткая история создания советских кораблей — носителей самолётов. Во второй половине 1960-х годов у руководства советского ВМФ появилась реальная возможность для осуществления давних планов по строительству авианосцев. Однако, так же как и в предыдущие годы, нашлись противники создания кораблей этого класса. В статью вошли материалы из фондов Государственного архива Российской Федерации и научных работ отечественных и зарубежных авторов.

Ключевые слова: противолодочный корабль-вертолётносец; самолёт вертикального взлёта и посадки; противолодочный крейсер с авиационным вооружением; большой крейсер с авиационным вооружением; тяжёлый авианесущий крейсер.

В 2023 и 2024 гг. в «Военно-историческом журнале» были опубликованы статьи, посвящённые проблемам строительства в СССР авианесущих кораблей¹. Данный материал завершает эту тему.

С началом постоянного несения боевой службы в оперативно важных районах Мирового океана возможности советского ВМФ по обеспечению военной безопасности государства значительно возросли. Боевые надводные корабли и подводные лодки, находившиеся в районах действий ВМС США и НАТО в готовности к нане-

сению ракетных и торпедных ударов по кораблям и подводным лодкам вероятного противника в случае начала военных действий, были способны нанести значительный ущерб группировкам ВМС США и НАТО и существенно ослабить удары по территории СССР с океанских и морских направлений. Однако боевая устойчивость группировок сил боевой службы отечественного ВМФ была невысокой ввиду отсутствия в их составе авианосцев, что лишало их возможности авиационного прикрытия.

Создание первых советских противолодочных кораблей-вертолётносец проекта 1123 «Москва» и «Ленинград» не решало эту проблему. К тому же с первых месяцев эксплуатации выявилась неудовлетворительная мореходность этих кораблей в штормовых условиях. Но главный их недостаток заключался в ограниченной численности авиаотряда, что не позволяло в полном объёме обеспечивать выполнение задач по поиску

и обнаружению атомных подводных лодок противника. В этой связи в 1967 году Невское проектно-конструкторское бюро (ПКБ) (бывшее ЦКБ-17) получило задание разработать усовершенствованный проект 1123М. Однако войти в состав ВМФ СССР третьему кораблю этого класса было не суждено.

Период конца 1960-х — начала 1980-х годов стал одним из самых ярких в истории строительства советского флота. Отчасти этому способствовало то, что в

1967 году Министерство обороны СССР возглавил Маршал Советского Союза А.А. Гречко, который с пониманием относился к нуждам Военно-морского флота. К тому же с главнокомандующим ВМФ Адмиралом Флота Советского Союза С.Г. Горшковым его связывала старая дружба по совместному участию в обороне Новороссийска в 1942—1943 гг. В деле создания сбалансированного флота главком ВМФ имел в то время ещё одного твёрдого единомышленника в лице

министра судостроительной промышленности Б.Е. Бутомы.

9 июля 1967 года произошло знаковое событие, открывшее новое направление в строительстве отечественного флота. На воздушном параде в Домодедове был продемонстрирован самолёт вертикального взлёта и посадки (СВВП) ОКБ А.С. Яковлева Як-36. Руководство ВВС весьма скептически оценивало перспективы использования СВВП в составе штурмовой авиации, встретило новую машину прохладно и не спешило её заказывать, а вот главкома ВМФ она заинтересовала. Возникла идея посадить самолёт на корабль, поскольку данный способ взлёта и посадки не требовал принятия кардинально новых проектных решений в области корабельной архитектуры².

По предложению С.Г. Горшкова 2 сентября 1968 года правительство приняло решение о прекращении строительства корабля проекта 1123М и постройке вместо него «противолодочного крейсера с авиационным вооружением» проекта 1143. Одно-

временно были утверждены его основные тактико-технические элементы: 20–22 летательных аппарата, скорость не менее 27 узлов, дальность плавания 8000 миль, стандартное водоизмещение до 25 тыс. т.

Эскизный проект 1143 (условное наименование «Кречет») в апреле 1969 года был одобрен руководством ВМФ и Минсудпрома. После проработки нескольких вариантов размещения противокорабельного ракетного комплекса «Базальт» и другого вооружения, а также поиска возможностей для увеличения парка летательных аппаратов до 24–32 СВВП и вертолётов проект был доведён до этапа утверждения, но полное проектное водоизмещение корабля превысило 40 тыс. т.

Головной авианесущий крейсер, получивший название «Киев», был заложен 21 июля 1970 года в Николаеве на Черноморском судостроительном заводе, который являлся единственным заводом в СССР, осуществлявшим авианосное строительство. Главным от-

личием «Киева» от кораблей предшествующего проекта 1123 было авиационное вооружение, включавшее помимо противолодочных вертолётов и самолёты.

Следует сказать, что командование ВМФ трезво оценивало невысокие лётно-тактические характеристики СВВП. Вместе с тем, не видя возможностей для приобретения флотом корабельных самолётов горизонтального взлёта и посадки в обозримой перспективе, С.Г. Горшков рассчитывал, что этот самолёт станет первым шагом на пути к созданию палубной истребительной авиации. Этому имелись серьёзные основания. Так, постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР о создании лёгкого штурмовика вертикального взлёта и посадки Як-36М (после принятия на вооружение — Як-38) вышло 27 декабря 1967 года, а через два с половиной года самолёт «стал на крыло»³. Этим же постановлением предусматривалась разработка сверхзвукового палубного истребителя (впоследствии Як-41), что давало надежду на его по-

Тяжёлый авианесущий крейсер «Киев»

ступление в ближайшие пять лет на вооружение авианесущих крейсеров следующих поколений. Вновь, как и в первые послевоенные десятилетия, главком ВМФ пытался решить проблему обеспечения воздушного прикрытия кораблей и судов в дальней морской зоне.

Профессионалы, занятые разработкой перспектив развития корабельного состава, с самого начала создания авианесущих кораблей понимали, что ориентация на корабли с СВВП явилась в значительной степени вынужденным шагом и рассматривать её следует как временную. В этой связи параллельно с разработкой проекта 1143 в Невском ПКБ развернулись исследования путей создания перспективных авианесущих кораблей с самолётами катапультного взлёта и посадкой на аэрофинишёр.

По воспоминаниям А.Б. Морина⁴, эти работы выполнялись в порядке подготовки проекта плана военного судостроения на 1971—1980 гг. Их необходимость вызывалась невозможностью решения проблемы обеспечения боевой устойчивости сил флота в удалённых районах путём применения СВВП, имевших ограниченные боевые возможности⁵.

После выполнения ВМФ и промышленностью ряда совместных комплексных научно-исследовательских работ в план судостроения включили разработку аванпроекта⁶ авианосца и авиационного вооружения для него. В отличие от предыдущих работ по авианосцам в межотраслевой НИР, проведённой в 1970—1972 гг. для обоснования нескольких вариантов аванпроектов, участвовало бес-

прецедентное число ведущих институтов Военно-морского флота, Военно-воздушных сил и промышленности, конструкторских бюро министерств судостроительной, авиационной промышленности и среднего машиностроения⁷. Параллельно выполнялась разработка палубных самолётов: истребителя, штурмовика и противолодочного, в процессе которой Невское ПКБ установило непосредственные контакты с генеральными конструкторами А.И. Микояном и П.О. Сухим, главным конструктором А.К. Константиновым и ведущими специалистами конструкторских бюро, что обеспечило полное взаимопонимание в ходе совместной работы.

Тем временем 26 декабря 1972 года «Киев» был спущен на воду, а на освободившемся стапеле через два дня началась сборка

Тяжёлый авианесущий крейсер «Минск»

корпусных конструкций второго корабля серии, получившего наименование «Минск».

В июле 1973 года объединённый Научно-технический совет (НТС) Минсудпрома и Авиапрома с участием представителей Минобороны принял решение одобрить один из вариантов авианосца (проект 1160, условное наименование «Орёл») с ядерной энергетической установкой, водоизмещением около 80 тыс. т с 60—70 летательными аппаратами (истребители МиГ-23К и Су-27К, противолодочные самолёты П-42 и вертолёты Ка-27). Для взлёта самолётов предусматривались четыре паровые катапульты. Решением НТС подтверждалась возможность постройки к 1986 году трёх авианосцев⁸.

Примечательно, что при докладе главным конструктором

А.Б. Мориным аванпроекта «Орла» министру обороны СССР А.А. Гречко тот решительно поддержал создание авианосцев и сказал: «Да чего вы тут мудрите! Сделайте как у американцев, вот с таким авиапарком» и лично набросал на бумаге его примерный состав, близкий к составу авиакрыла американского авианосца «Нимиц»⁹. Решительным сторонником строительства этого корабля был и министр судостроительной промышленности Б.Е. Бутома.

Казалось, что столь авторитетное коллегиальное решение НТС и представителей Министерства обороны не подлежит сомнению и вопрос о строительстве первого советского авианосца окончательно решён. Дальше всё должно было идти по отлаженной схеме: разработка эскизного, технического, затем рабочего

проектов, постройка корабля и сдача его ВМФ. Реализация этих планов могла бы существенно сократить значительное военнотехническое отставание нашего флота от ВМС США в области создания авианесущих кораблей и палубной авиации. Вместе с тем по установленному в Советском Союзе правилу требовалось ещё получить одобрение в центральном органе политической власти — ЦК КПСС.

В тот период секретарём ЦК КПСС по оборонным отраслям промышленности был Д.Ф. Устинов. Обладая высоким авторитетом, он фактически монополизировал руководство военно-промышленным комплексом, от его мнения зависело очень многое, в т.ч. принятие решения о начале строительства таких дорогостоящих кораблей, как авианосцы.

Тяжёлый авианесущий крейсер «Новороссийск»

Осенью 1973 года, рассмотрев совместный доклад министров судостроительной и авиационной промышленности, главнокомандующих ВМФ и ВВС, а также заместителя министра обороны по вооружению с рекомендациями дальнейшего проектирования атомного многоцелевого авианосца, Д.Ф. Устинов отрицательного заключения не дал, однако предложил как альтернативу строительству авианосца проекта 1160 создание модернизированных противолодочных авианесущих крейсеров типа «Киев» с самолётами катапультного взлёта МиГ-23К.

Его предложение было рассмотрено коллегией Совета министров СССР совместно с Министерством обороны и Минсудпромом. Спорить с «директивными органами» не стали, и было принято компромиссное решение: в целях обеспечения непрерывности строительства

тяжёлых авианесущих крейсеров с 1975 года приступить к постройке третьего корабля серии по проекту 1143 с базированием на нём сверхзвуковых СВВП.

Разработка нового проекта 1153, сохранившего условное наименование «Орёл», требовала времени. К тому же у конструкторов и членов аппарата ЦК КПСС имелись разногласия по поводу водоизмещения корабля и численности авиапарка. Для обеспечения непрерывности строительства авианесущих кораблей было решено построить третий противолодочный крейсер по проекту 1143.3, а проектирование следующих двух кораблей проводить с учётом возможности размещения на них самолётов катапультного взлёта МиГ-23К и Су-25К.

30 сентября 1975 года был спущен на воду «Минск». В тот же день произошла закладка третьего авианесущего противоло-

дочного крейсера, получившего название «Новороссийск». При разработке проекта корабля Невское ПКБ (главный конструктор В.Ф. Аникеев¹⁰) предусматривало возможность базирования на нём перспективных сверхзвуковых истребителей вертикального взлёта и посадки Як-41, однако создание этих самолётов настолько затянулось, что ни «Новороссийск», ни последующие авианесущие корабли новый СВВП так и не получили¹¹. Тем не менее корректировка проекта 1143.3 выразилась в увеличении парка летательных аппаратов с 24 до 36 единиц и увеличении в полтора раза запаса авиационного топлива.

В том же году в состав ВМС США вошёл первый серийный атомный авианосец «Нимиц». Примечательно, что его строительство началось практически одновременно с закладкой «Киева».

Тяжёлый авианесущий крейсер «Баку»

В начале 1976 года работы конструкторов по проекту «Орёл» были завершены, а в апреле вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о создании этих кораблей, которые были классифицированы как «большие крейсеры с авиационным вооружением». Постановлением предусматривалось строительство двух единиц в период 1978—1985 гг.

В августе 1976 года главком ВМФ утвердил новое ТТЗ на корабль, поскольку первое, пока проходили формальные согласования, уже устарело. В нём задавался корабль стандартным водоизмещением около 60 тыс. т с авиапарком в 50 летательных аппаратов (преимущественно корабельных истребителей), с двумя катапультами, с атомной энергоустановкой и, конечно, с противокорабельными ракетами.

Из пяти вариантов, которые предлагались на стадии аванпроекта, был избран самый меньший по водоизмещению, следовательно, наименее эффективный в боевом отношении. Одной из причин такого решения было то, что строительство большого авианосца тогда сдерживали ограничения по размерам построечных мест и отсутствие достаточно вместительных доков на судостроительных предприятиях.

Одновременно с разработкой эскизного проекта корабля в соответствующих конструкторских бюро начались работы по созданию катапульти, аэрофинишёра и другого авиатехнического оборудования. В целях ускорения отработки корабельных самолётов, катапульти и аэрофинишёров, обучения и тренировки лётного состава предусматривалось создание наземного испытательно-тренировочного комплекса в Крыму, на аэродроме Ново-Фёдоровка. Впоследствии этот комплекс получил название «Нитка».

К концу 1976 года эскизное проектирование «Орла», в котором принимали участие 66 организаций и 13 министерств

и ведомств, было завершено. Однако последующее решение военно-политического руководства страны явилось для всех неожиданным и нелогичным, поскольку вместе с утверждением эскизного проекта «Орла» было отдано распоряжение о прекращении дальнейших работ по созданию этого корабля. Авторы статьи считают, что на судьбе проекта «большого крейсера» сказалась смерть в 1976 году его сторонников — министров А.А. Гречко и Б.Е. Бутомы, после чего С.Г. Горшков лишился необходимой поддержки.

В итоге советское военное судостроение после почти 10 лет продвижения вперёд в создании отечественных авианосцев с ядерной энергетической установкой и с боевыми возможностями, не уступавшими американским кораблям этого класса, вернулось к началу пути. Вместо этого 13 сентября 1978 года вышло в свет постановление правительства, которым предусматривалось продолжение строительства тяжёлых авианесущих крейсеров — ТАВКР (по новой классификации) проекта 1143.

Уступкой Военно-морскому флоту стало разрешение разработать этот проект, что позволяло бы на последующих кораблях серии разместить самолёты-истребители традиционной аэродинамической схемы (Су-27К и МиГ-29К) и довести численность авиагруппы до 52 единиц. Проект крейсера (для третьего и четвёртого кораблей этого типа) откорректировали в связи с планировавшейся заменой Як-38 на Як-41.

Четвёртый авианесущий корабль — «Баку» проекта 1143.4 был заложен в декабре 1978 года. По своим размерениям, водоизмещению, типу главной энергетической установки он почти не отличался от кораблей этой серии, построенных ранее. Вместе с тем «Баку» должен был стать наиболее совершенным из четырёх кораблей типа «Киев», предназначенных для базирования СВВП. В нём был

сконцентрирован весь положительный опыт, накопленный отечественным судостроением, авиапромышленностью и личным составом Военно-морского флота в строительстве и эксплуатации авианесущих кораблей и корабельных летательных аппаратов.

Если бы «Баку» получил авиагруппу, состоявшую из самолётов Як-41 и вертолётов Ка-27, он мог бы стать самым эффективным носителем СВВП и играть роль боевого ядра и флагмана группировки ВМФ, развёрнутой на боевой службе в дальней морской или океанской зоне. К сожалению, темпы строительства корабля, которому при закладке присвоили заводской номер 104, с самого начала стали значительно отставать от плановых сроков. Чаще всего задержки происходили из-за срыва поставок нового радиоэлектронного вооружения и комплексов оружия, которые разработчики никак не могли довести до серийного выпуска. Наконец, на заключительном этапе строительства обнаружилось, что ОКБ А.С. Яковлева так и не смогло завершить к установленному сроку разработку сверхзвукового истребителя ВВП Як-41. Спуск «Баку» на воду состоялся в 1982 году, но в боевой состав ВМФ он вошёл лишь 11 декабря 1987 года. К этому времени серийный выпуск штурмовиков Як-38 прекратился. 4 октября 1990 года ТАВКР переименовали в «Адмирал Флота Советского Союза Горшков».

В январе 1979 года во исполнение постановления правительства о продолжении строительства тяжёлых авианесущих крейсеров типа «Киев» Невскому ПКБ было выдано задание на разработку ТАВКР проекта 1143.5, в котором предусматривалось создание корабля с котлотурбинной главной энергетической установкой и авиагруппой, состоящей из самолётов Су-27К или МиГ-29К и Як-41. Специалисты ВМФ оценили этот вариант как «худший по

сравнению с предыдущим на 30%». Проектирование пятого ТАВКР возглавил В.Ф. Аникиев. После трёх лет работы тактико-технические элементы проекта 1143.5 были утверждены постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР от 7 мая 1982 года¹².

1 сентября 1982 года закладная секция ТАВКР проекта 1143.5 была установлена на стапеле. При закладке корабль получил наименование «Рига», но в ноябре его перезаложили, дав новое наименование — «Леонид Брежнев». В августе 1987 года корабль, очевидно, в связи с корректированием политического курса, переименовали в «Тбилиси». 4 октября 1990 года он получил новое, уже четвёртое по счёту название — «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов» в честь Николая Герасимовича Кузнецова, ратовавшего за создание авианосцев для флота СССР. По конструкции корабль принципиально отличался от первых четырёх тяжёлых авианесущих крейсеров, хотя номер его проекта (1143) остался прежним. В 1985 году началось строительство шестого ТАВКР, который получил название своего предшественника — «Рига».

После смерти Д.Ф. Устинова и смены руководства Генштаба в 1984 году Невскому ПКБ поручили проектирование седьмого, на этот раз атомного, ТАВКР. В декабре 1984 года Адмирал Флота Советского Союза С.Г. Горшков утвердил задание на проектирование атомного авианосца проекта 1143.7. Однако ему не довелось довести до конца дело всей своей жизни, поскольку в декабре 1985 года он был уволен с занимаемой должности и назначен в Группу генеральных инспекторов МО СССР. В этой связи эскизный и технический проекты авианосца утверждал уже новый главнокомандующий ВМФ адмирал флота В.Н. Чернавин совместно с министром судостроительной промышленности И.С. Белоусовым. Главным конструктором был назначен

Л.В. Белов. В октябре 1987 года постановлением правительства были утверждены основные элементы авианосца проекта 1143.7 и меры по обеспечению его строительства, а 25 ноября 1988 года на Черноморском судостроительном заводе по этому проекту был заложен атомный авианосец, получивший наименование «Ульяновск». Шестью месяцами ранее не стало С.Г. Горшкова.

Анализ основных тактико-технических элементов корабля, утверждённых постановлением ЦК КПСС и Совета министров СССР, показывает, что по боевой устойчивости он не уступал атомному многоцелевому авианосцу (авма) «Нимиц», а по средствам ПВО в 1,5 раза превышал возможности новейшего авма «Дж. Вашингтон» (шестой корабль серии «Нимиц»). С его разработкой и строительством мы вышли на технический уровень, достигнутый фирмой «Ньюпорт Ньюс», хотя могли сделать это на 10 лет раньше¹³.

Между тем с началом 1990-х годов отношение военно-политического руководства страны к строительству авианосцев изменилось в отрицательную сторону. Показательным в этом отношении является письмо Э.А. Шеварднадзе М.С. Горбачёву, в котором он советовал доработать (свернуть) программу строительства авианосцев, «основанную на концепции конфронтационного мышления» и не соответствовавшую текущей обстановке. По мнению Э.А. Шеварднадзе, «продолжение этой программы чревато серьёзными негативными последствиями»¹⁴.

В результате 1 ноября 1991 года, за пять недель до встречи в Беловежской пуще лидеров РСФСР, Белорусской и Украинской ССР, договорившихся о ликвидации СССР, командование ВМФ официально отказалось от продолжения строительства атомного авианосца «Ульяновск», готовность которого составляла около 20 проц.

Власти «суверенной» Украины поторопились как можно скорее избавиться от этого корабля — разделка его на металл началась уже в феврале 1992 года.

Не завершивший государственных испытаний тяжёлый авианесущий крейсер «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов» было решено срочно перевести на Северный флот, к месту постоянного базирования. В конце 1991 года корабль совершил переход из Севастополя в Североморск. Его испытания и освоение авиационного комплекса прервались почти на год. А комплекс «Нитка» после «украинизации» Центра корабельной авиации в г. Саки едва не разделил судьбу других уникальных военных объектов, которые, оказавшись за пределами Российской Федерации, были уничтожены.

Драма корабля проекта 1143.6 («Рига») на закате перестройки, так же как «Баку» и «Тбилиси», получившего новое имя «Варяг», разыгрывалась в течение нескольких лет. Он уже находился в такой степени готовности, что его разделка на металл стоила бы дороже, чем завершение строительства. Но Украине корабль был не нужен, а новое российское руководство, для которого в то время важнейшей задачей стало удержание власти и проведение так называемых структурных реформ по переходу к экономике рыночного типа, отказалось от дальнейшего финансирования работ по созданию сбалансированного океанского флота. В результате в 1998 году корабль был куплен КНР, прошёл достройку и в 2012 году вошёл в состав ВМС НОАК под именем «Ляонин».

Вместе с тем судьба других ТАВКР, оставшихся на территории России, сложилась не лучше. Из-за слаборазвитой инфраструктуры берегового базирования Россия преждевременно лишилась тяжёлых авианесущих крейсеров «Киев», «Минск» и «Новороссийск», каждый из которых, выработав

моторесурс своих механизмов, без достаточного обеспечения, не прослужив и 20 лет, был выведен из состава флотов¹⁵.

«Киев», прослуживший около 18 лет, был исключён из состава ВМФ 30 июня 1993 года. В тот же день из списков корабельного состава ВМФ были вычеркнуты «Минск» и «Новороссийск», сроки их службы составили соответственно 15 и 11 лет. В конце 1995 года «Минск» был отбуксирован в Южную Корею для разделки его корпуса на металл. Позднее

он был перекуплен КНР и в настоящее время используется как музей в тематическом парке. «Новороссийск» был продан в Южную Корею, где его разрезали на металлолом. В 2000 году «Киев» был продан в КНР. Там его, как было официально объявлено, переоборудовали в корабль-музей. Четвёртый корабль, «Адмирал Флота Советского Союза Горшков», 20 января 2004 года был продан ВМС Индии, перестроен в полноценный авианосец и служит под именем «Викрамадитья».

В России в те годы на спасение кораблей не нашлось ни денег, ни политической воли. Роковую роль в судьбе отечественных тяжёлых авианесущих крейсеров сыграло прежде всего обвальное сокращение расходов на строительство и содержание Вооружённых сил, точнее, почти полное прекращение их финансирования.

Вместе с тем в составе ВМФ России остаётся пятый корабль — «Адмирал Флота Советского Союза Кузнецов», что, по нашему мнению, символично.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коряковцев А.А., Ташлыков С.Л. «Качества аэропланов позволяют думать о возможности применения их к морскому делу». Создание первых авианесущих кораблей для российского и советского ВМФ (1909—1941 гг.) // Военно-исторический журнал. 2023. № 7. С. 16—25; *они же*. «В результате крупной... ошибки в послевоенной судостроительной программе у нас нет авианосцев». На пути к созданию первого авианесущего корабля для советского ВМФ (1941—1969 гг.) // Там же. 2024. № 7. С. 4—13.

² Балакин С.А., Заблоцкий В.П. Советские авианосцы. Авианесущие крейсера адмирала Горшкова. М., 2007. С. 64, 65.

³ Якубович Н. Первая «вертикаль». О самолёте вертикального взлёта и посадки Як-36 // Крылья Родины. 1999. № 3. С. 1—6.

⁴ Морин Аркадий Борисович (1927—2015) — главный конструктор аванпроекта атомного авианосца, заместитель главного конструктора тяжёлых авианесущих крейсеров // Словарь биографический морской. СПб., 2000. С. 266.

⁵ Морин А.Б. Корабельная авиация и авианесущие корабли отечественного флота // Мир авиации. Специальный выпуск. Крылья над морем. 1994. № 6. С. 35—52.

⁶ Аванпроект — итоговый документ предварительного этапа разработки корабля, определяющий в общем виде возможные варианты конструктивного облика изделия, состав основных элементов. Утверждение аванпроекта служит необходимым основанием для начала разработки эскизного проекта.

⁷ Предприятия министерства занимались разработкой и изготовлением ядерного оружия, проектированием и строительством транспортных средств с атомными двигательными установками: ледоколов, подводных лодок, кораблей.

⁸ История отечественного судостроения в 5 т. Т. 5: Судостроение в послевоенный период (1946—1991 гг.). СПб., 1996. С. 319.

⁹ Цит. по: Кузин В. Авианесущие крейсера: мы знали, что делали // Морской сборник. 1992. № 2. С. 34.

¹⁰ Аникиев Василий Фёдорович (1918—1988) — главный конструктор больших противолодочных кораблей проекта 1134 и их модификаций, тяжёлого авианесущего крейсера проекта 1143.4 «Адмирал Флота Советского Союза Горшков», Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии СССР, доктор технических наук.

¹¹ Первый полёт Як-41 совершил лишь в 1987 г., а первую посадку на палубу авианесущего корабля — в 1991 г. Наступивший после распада СССР кризис, случившаяся с одним из опытных образцов авария, а также негативное отношение военных к СВВП привели к прекращению финансирования и закрытию проекта в 1992 г. (Балакин С.А., Заблоцкий В.П. Указ. соч. С. 102, 124, 127, 173.).

¹² Государственный архив Российской Федерации. Ф. 10206. Оп. 1. Д. 621. Л. 6, 7.

¹³ Там же. Д. 734. Л. 134.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Макеев Б.Н. Военно-политические и методологические проблемы ВМФ в системе национальной безопасности России. М., 1998. С. 135.

A.A. Koryakovtsev, S.L. Tashlykov

«CONTINUATION OF THIS PROGRAM IS FRAUGHT WITH SERIOUS NEGATIVE CONSEQUENCES»

From an anti-submarine aircraft carrier to a full-fledged aircraft carrier: the thorny path of creation

Information about authors. Aleksey Koryakovtsev — professor of the department of construction and application of the Navy, Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, captain 1st rank, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: rtm6711989@yandex.ru);

Sergey Tashlykov — professor of the department of history of wars and military art of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, captain 1st rank, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: stashlykov@yandex.ru).

Summary. The paper provides a concise overview of the development of Soviet aircraft carrier ships. In the second half of the 1960s, the Soviet Navy leadership had an actual opportunity to implement long-standing plans to build aircraft carriers. However, as in previous years, there were opponents to the creation of ships of this class. The paper draws from the records of the State Archive of the Russian Federation and scholarly works by both domestic and foreign experts.

Keywords: anti-submarine helicopter carrier; vertical takeoff and landing aircraft; anti-submarine cruiser with aircraft armament; large cruiser with aircraft armament; heavy aircraft carrier.

«СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС... ПРИСВОИЛ СЕБЕ РОЛЬ И СУДЬИ, И СУДЕБНОГО ИСПОЛНИТЕЛЯ»

Операция НАТО против Республики Сербской в 1995 году

Сведения об авторе. Безрученко Виктор Иванович — полковник в отставке, кандидат политических наук (Санкт-Петербург. E-mail: victor-bezru4enko@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлены результаты проведённого на основе обобщения информации российских, сербских и англоязычных источников анализа хода и результатов воздушной операции НАТО «Намеренная сила» в Боснии и Герцеговине в августе—сентябре 1995 года. В ней участвовали представители ВВС восьми стран — членов НАТО: США, Великобритания, Нидерландов, Франции, Турции, Германии, Италии, Испании. Соединённые Штаты и их союзники занимали антисербскую позицию, вмешались в ход Боснийской войны 1992—1995 гг. без резолюции Совбеза ООН и сыграли определяющую роль в её исходе, ослабили позиции боснийских сербов, координировали действия своей авиации с мусульманско-хорватскими силами, которые использовали результаты натовских бомбардировок для широкомасштабного наступления. В ходе боевых действий натовская авиация применяла новые вооружения, боеприпасы с обеднённым ураном, вызвавшие заражение значительной территории. Операция способствовала продвижению НАТО на восток, усилению американских позиций и влияния США на Балканах.

Ключевые слова: Босния и Герцеговина; Республика Сербская; Боснийская война 1992—1995 гг.; США; НАТО; миротворческие силы ООН; воздушная операция «Намеренная сила»; бомбардировки; Силы быстрого реагирования; ПВО.

30 лет назад, в августе—сентябре 1995 года, США и другие страны НАТО воздушной операцией «Намеренная сила» (англ. Deliberate Force, в ряде источников — «Преднамеренная сила», «Обдуманная сила», «Освобождённая сила») против Республики Сербской во главе с её президентом Р. Караджичем определили исход вооружённого конфликта сербов, хорватов и мусульман в гражданской войне в Боснии и Герцеговине (БиГ) 1992—1995 гг.¹ В ней к началу операции противоборствовали армия Республики Сербской (АРС) под командованием генерал-полковника Р. Младича и армия Республики Босния и Герцеговина (АРБиГ), которую возглавлял её президент А. Изетбегович, мусульманско-хорватских сил, объединившихся в 1994 году в Федерацию БиГ.

Режим Изетбеговича поддерживали НАТО и воору-

жённые силы соседней Хорватии. В 1992 году в БиГ были введены миротворческие контингенты войск ООН — United Nations Protection Force (UNPROFOR, официальный ооновский перевод — Силы Организации Объединённых Наций по охране, СООНО).

Предпосылки для силового вмешательства НАТО во главе с США в межэтническую гражданскую войну на стороне противников сербов были заложены в 1993 году резолюциями Совбеза ООН 819 от 16 апреля и 824 от 6 мая. Они требовали от всех участников конфликта рассматривать города Сараево, Тузла, Жепа, Горажде, Бихач, Сребреница и прилегавшие к ним районы в качестве безопасных районов («зон безопасности»), немедленно прекратить любое приобретение территории силой, вооружённые нападения или любые враждебные действия против безопасных районов,

вывести из указанных городов все военные и военизированные формирования боснийских сербов и отвести на такое расстояние, на котором они перестанут представлять угрозу их безопасности, обеспечить уважение всеми сторонами прав СООНО и соблюдение режима безопасных районов.

«Пусковой механизм» силового вмешательства НАТО на стороне противников сербов был создан резолюцией Совбеза ООН 836 от 4 июня 1993 года, которой он постановил, что государства — члены ООН, «действуя на национальном уровне или через региональные организации или соглашения, могут принимать под руководством Совета Безопасности и при условии тесной координации с генеральным секретарём и СООНО все необходимые меры путём применения военно-воздушных сил

в безопасных районах в Республике Боснии и Герцеговине и вокруг них, для того чтобы содействовать СООНО в осуществлении их мандата»². На этом основании НАТО могла наносить воздушные удары по сербским войскам в случае обстрелов или атак ими «зон безопасности».

3 июня 1995 года совещание 16 министров обороны стран — участниц НАТО и Западно-европейского союза (ЗЕС), посвященное обстановке в БиГ, решило создать Силы быстрого реагирования (СБР)³.

После ряда инцидентов между силами ООН и серб-

скими войсками 16 июня 1995 года Совбез ООН резолюцией 998 санкционировал увеличение численности персонала СООНО «в пределах 12 500 человек»⁴. При голосовании по данной резолюции Россия и Китай воздержались. Но это не могло изменить ситуацию.

Под давлением США генсек ООН Б. Бутрос-Гали отказался от своего права давать согласие на воздушные операции НАТО, что автоматически лишило такого права Совбез ООН и спецпредставителя генсека ООН на Балканах Я. Акаси. 25 июля Б. Бутрос-Гали направил письмо генсе-

ку НАТО В. Клаасу, в котором дал «зелёный свет» воздушной операции НАТО и утвердил список целей для воздушных ударов⁵.

Процедура принятия решений по воздушным операциям в БиГ была зафиксирована в «Меморандуме о взаимопонимании между главнокомандующим объединёнными силами НАТО в Южной зоне Европы и командующим силами ООН по охране в бывшей Югославии» от 10 августа 1995 года, в котором шла речь о порядке проведения военно-воздушных операций против сербов. Меморандум подпи-

Карта. Районы Боснии и Герцеговины под контролем сербов, хорватов и мусульман 20 октября 1995 г.

Обозначения. *Serb-controlled area* — территория под контролем сербов. *Croat-controlled area* — территория под контролем хорватов. *Muslim-controlled area* — территория под контролем мусульман. *UN-declared «Safe area»* — объявленная ООН «безопасная зона». *20-kilometer zone* — 20-километровая зона.

Источник: *Areas of control, 20 October 1995: Bosnia and Herzegovina with Croatia* / Washington D.C.: United States Central Intelligence Agency. Repository: Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/2009584259>.

сали: от миротворческих сил ООН в бывшей Югославии их командующий французский корпусной генерал (звание, равное генерал-лейтенанту) Б. Жанвье, от НАТО — командующий силами альянса на Южноевропейском ТВД американский адмирал Л. Смит. Поводом для начала операции мог стать любой инцидент в любой из «зон безопасности» ООН, ответственность за который теоретически могла нести АРС. Постоянный представитель России при ООН С.В. Лавров потребовал предоставить этот документ членам Совета Безопасности. Представитель генсека ООН Ф. Экхард на требование С. Лаврова цинично заметил, что «меморандум о взаимопонимании» по своей природе «является секретным документом» и не подлежит огласке⁶.

СБР включали британские, французские и голландские части и подразделения, которые вошли в СООНО, подчинялись командующему

Р. Младич

СООНО в БиГ британскому генерал-лейтенанту Р. Смит. К 24 июля развернули артиллерию СБР (14 155-мм и 105-мм гаубиц, 15 120-мм миномётов) на горе Игман, с которой просматривались окрестно-

сти Сараево. Управление огнём артиллерии сосредоточили в Центре координации огневой поддержки, который получал информацию от 8 постов визуальной разведки и 11 РЛС Symbelype и AN/TPQ-36. К середине августа он зарегистрировал около 200 целей АРС в районе Сараево.

Операцию против боснийских сербов разрабатывали в условиях повышенной секретности. Российских офицеров, работавших в штабе СООНО в Сараево, считали настроенными просербски и не посвящали в оперативные планы. Их разработали два: «Мёртвый глаз» (англ. Dead Eye) — выведение из строя системы ПВО АРС ракетно-бомбовыми ударами — и «Вулкан» (англ. Vulkan) — воздушные удары по другим войскам и объектам инфраструктуры Республики Сербской. В список целей включили 155 объектов АРС трёх категорий. Первая — военные объекты и боевая техника сербских войск в не-

Истребитель ВВС США F-16 приземляется на итальянской авиабазе Авиано после натовской бомбардировки Республики Сербской

посредственной близости от «зон безопасности». Вторая — объекты АРС оперативного и стратегического значения. Третья — гидросооружения, мосты, электростанции и др.

Целями операции были нанесение максимального ущерба военной инфраструктуре Республики Сербской, нейтрализация АРС в районах «зон безопасности» ООН, уничтожение сербских командных пунктов и узлов связи, артиллерии, танков, складов боеприпасов и создание благоприятных условий для наземного наступления мусульманско-хорватских войск.

28 августа 1995 года взрыв миномётной мины в Сараево на центральной рыночной площади Маркале убил 39 человек и около 100 ранил⁷. Начальник штаба международного миротворческого контингента «сектора Сараево» БиГ российский полковник А.В. Демуренко провёл расследование и заявил, что сербская сторона не несёт

Р. Караджич

ответственности за взрыв⁸. Начальник отдела G-2 (разведка) того же штаба американский полковник Дж. Срей дал понять, что именно мусульмане ответственны за взрыв на Маркале⁹. Британ-

ский Объединённый комитет по разведке (Joint Intelligence Committee, JIC) пришёл к выводу, что взрыв, вероятно, организовал режим А. Изетбеговича¹⁰. Сербская пресса сообщила, что взрыв был результатом тайной операции «Циклон-2» западных спецслужб¹¹. Российский телеканал НТВ сообщил, что российская разведка за 7 дней предупредила штаб миссии ООН в Загребе о готовившемся взрыве на площади Маркале, но эту информацию проигнорировали¹².

К слову, взрыв на Маркале 28 августа 1995 года был не первым. 5 февраля 1994 года там же от взрыва погибли 68 человек и около 200 получили ранения. В этом инциденте НАТО обвинила сербскую сторону. Но благодаря российской дипломатии — замминистра иностранных дел РФ, спецпредставителю Президента России по урегулированию в бывшей Югославии В.И. Чуркину, при участии которого

Американский палубный самолёт радиоэлектронной борьбы и разведки EA-6 Prowler над Боснией и Герцеговиной

боснийские сербы согласились вывести из-под Сараево и передать под контроль ООН тяжёлую артиллерию¹³, а также прибытию в Сараево и размещению в буферной зоне российского батальона миротворцев Республике Сербской удалось избежать воздушных ударов НАТО. Через 21 год после трагического инцидента на площади Маркале на процессе по делу генерала Р. Младича в Международном трибунале по бывшей Югославии один из свидетелей под присягой подтвердил, что взрыв на рынке Маркале 5 февраля 1994 года был организован президентом А. Изетбеговичем и реис-улема — главой Исламского содружества Боснии и Герцеговины М. Церичем. Этот свидетель во время войны служил в специальном подразделении полиции «Бисеры» (оно обеспечивало личную охрану президента А. Изетбеговича) и присутствовал на совещаниях военно-политического руководства БиГ. Он показал, что

А. Изетбегович

М. Церич убедил А. Изетбеговича организовать инцидент в Сараево с большим количеством жертв и, возложив вину за него на сербов, спровоцировать военную интервенцию НАТО на стороне АРБиГ.

После второго взрыва на Маркале 28 августа 1995 года, не дожидаясь окончания официального расследования СООНО, НАТО обвинила в инциденте боснийских сербов и сделала его поводом для проведения воздушной операции. После её начала правительство Республики Сербской в письме спецпредставителю генсека ООН в бывшей Югославии Я. Акаси подчеркнуло: «Вы, конечно, хорошо понимаете, что для нас неприемлемо то, что НАТО вмешалась в гражданскую войну и встала на сторону нашего противника. Совершенно ясно, что воздушные удары НАТО не имеют ничего общего с обстрелом Сараево в понедельник, за который в любом случае сербы не несут ответственности. Никто и не скрывает того, что эти воздушные удары против нас имеют целью ослабление нашей военной мощи для смягчения нашей позиции перед переговорами»¹⁴.

Американский авианосец «Теодор Рузвельт»

Россия настойчиво требовала немедленно прекратить натовские бомбардировки, срочно созвать заседание Совбеза ООН, чтобы рассмотреть ситуацию в БиГ. «Продолжающиеся удары авиации и артиллерии НАТО по боснийским сербам подрывают усилия по политическому урегулированию. Они выходят за рамки решений Совета Безопасности ООН, втягивают международное сообщество в конфликт против одной из сторон конфликта в Боснии, — констатировал Президент России Б.Н. Ельцин в заявлении, препровождённом 7 сентября постоянным представителем России при ООН С.В. Лавровым генсеку ООН с предложением распространить его в качестве документа Совбеза ООН. — Североатлантический альянс, заявляя о своей “миротворческой миссии”, фактически присвоил себе роль и судьи, и судебного исполнителя»¹⁵.

На следующий день С.В. Лавров на заседании Совбеза ООН, посвящённом ситуации в БиГ, подтвердил не раз изложенное партнёрам настойчивое требование России немедленно прекратить силовые акции и заявил, что «удары авиации НАТО и артиллерии Сил быстрого реагирования по боснийским сербам не подкрепляют, а подрывают усилия по политическому урегулированию. Эти удары выходят за рамки решений» Совбеза, изменяют характер операции ООН «в Боснии, втягивая международное сообщество в конфликт против одной из сторон. За действиями НАТО не просматривается какой-либо иной логики, кроме как карательной. Разве можно назвать “сдерживанием”... многодневное планомерное уничтожение военного потенциала боснийских сербов? Ведь целями бомбардировок являются не только военные объекты, но

Б. Жанвье

и сооружения инфраструктуры, мосты, линии коммуникаций, в том числе гражданских», активное участие Сил быстрого реагирования «в подавлении сербских позиций явно выходит за рамки их мандата, определённые резолюцией 998 (1995) Совета Безопасности. Речь уже не идёт о защите персонала ООН и гуманитарных конвоев, а о фактическом участии в боевых действиях против одной из сторон». Такой подход «явно свидетельствует об утрате беспристрастности Силами быстрого реагирования, являющимися, между тем, составной частью миротворческой операции» ООН в Боснии¹⁶.

Командующий силами альянса на Южноевропейском ТВД американский адмирал Л. Смит координировал их действия с АРБиГ. Он начал операцию «Намеренная сила» в ночь на 30 августа 1995 года только после того, как получил подтверждение, что мусульманско-хорватские войска готовы к наступлению.

В операции участвовали более 400 самолётов (истребители-бомбардировщики, бомбардировщики, развед-

чики, РЭБ, заправщики) и вертолётов восьми стран НАТО. Из них к нанесению ударов привлекали 141 американский, 47 французских, 28 британских, 20 итальянских, 18 голландских и столько же турецких, 14 немецких и 11 испанских¹⁷.

Эта воздушная армада находилась на 18 авиабазах в странах НАТО и трёх авианосцах в Адриатическом море. Наземный и лётный состав включал до 5 000 человек из 15 стран. Операцию возглавил генерал-лейтенант ВВС США М. Райан, командующий объединёнными военно-воздушными силами НАТО в Южной Европе (commander, allied air forces, south — COMAIRSOUTH, дословный перевод: командующий союзными ВВС на юге).

Авиация НАТО обладала абсолютным превосходством в воздухе. Республике Сербской было нечего ей противопоставить. ВВС боснийских сербов насчитывали 21 боевой самолёт (13 J-22 «Орао», семь J-21 «Ястреб», один G-4 «Супер Галелб») и 28 вертолётов (Ми-8 и «Газель»).

В ПВО АРС входили десятки 20-мм, 30-мм, 40-мм зенитных орудий и зенитно-ракетные комплексы советского производства — четыре дивизиона ЗРК С-75, три батареи ЗРК «Квадрат» (экспортное название ЗРК «Куб»), некоторое количество ЗРК «Стрела-1», «Стрела-10» и ПЗРК¹⁸.

30 августа через час после полуночи с аэродромов в Италии, американского авианосца «Теодор Рузвельт» в первой волне натовской авиации вылетели 57 самолётов (43 ударных F/A-18 и EA-6B, 14 РЭБ EF-11A, EC-130H и EA-6B Prowler). Входившие в группу SEAD (Suppression of Enemy Air Defense — подавление ПВО противника) истребители-бомбардировщики F/A-18 Hornet и F-16 Fighting Falcon несли противорадиолокационные ракеты AGM-88

ЗРК С-75 ПВО армии боснийских сербов

ЗРК «Квадрат» ПВО Республики Сербской

20-мм зенитное орудие армии боснийских сербов ведёт огонь по позициям противника

НАРМ и бомбы Paveway с лазерным наведением. Мониторинг работы радиотехнических систем сербов вёл барражировавший над Адриатикой самолёт радиоэлектронной разведки RC-135. Первый удар нанесли по 15 объектам в Восточной Боснии — командному пункту главного штаба АРС в городе Хан-Пиеасак и объектам ПВО, командным пунктам, центрам связи и управления, РЛС, пусковым установкам ЗРК, в т.ч. по позиции ЗРК «Куб» в районе города Соколац. Но полностью нейтрализовать ПВО АРС не смогли. 33 выпущенные противорадиолокационные ракеты AGM-88 HARM не поразили ни одной сербской РЛС. Одну и центр связи ПВО уничтожили другим оружием. Разбили ложные цели — макеты пусковых установок ЗРК. Погибли семь сербских солдат. По приказу Младича сербские войска предприняли все возможные меры для сохранения ПВО, активно применяли помехи¹⁹.

В течение ночи и дня пять ударных групп авиации НАТО наносили удары в районе Сараево по более чем 90 объектам АРС. Совершили 209 самолёто-вылетов²⁰.

Сербы ракетой ПЗРК сбили французский истребитель Mirage-2000. Оба лётчика катапультировались и попали в сербский плен²¹. Благодаря помощи России их передали французским властям 12 декабря 1995 года²².

НАТО наращивала интенсивность ударов. За 61 час до приостановки операции авиация НАТО совершила 635 самолёто-вылетов²³. Ракетно-бомбовые удары наносили ударные группы, как правило, 10 американских F-16C и F-18C, два голландских F-16A и столько же британских Harrier. Результаты ударов оценивали с помощью беспилотников Predator, вылетающих с баз ВВС США в Албании и Турции.

Натовцы координировали удары авиации с широко-масштабным наступлением мусульманско-хорватских войск, использовавших результаты бомбардировок и огня артиллерии СБР, которая за время операции выпустила около 1500 снарядов, уничтожив 23 из 300 огневых позиций сербской артиллерии вокруг Сараево²⁴.

Вечером 31 августа командующий миротворческими силами ООН в бывшей Югославии французский корпусной генерал Б. Жанвье предложил генерал-полковнику Р. Младичу встретиться и обсудить ситуацию. Младич согласился. В 14 ч 1 сентября натовцы приостановили авиаудары на сутки для встречи, состоявшейся в ночь с 1 на 2 сентября в городе Мали-Зворник на границе БиГ и Сербии²⁵. Жанвье сообщил Младичу условия прекращения авиаударов НАТО: устранить угрозы «зонам безопасности», отвести артиллерию на 20 км от центра Сараево и снять блокаду города. После 14 часов переговоров Младич согласился отвести сербскую артиллерию от Сараево и предложил подписать соглашение о полном прекращении боевых действий, включавшее обязательства: НАТО и СБР — немедленно прекратить боевые действия в Республике Сербской; сербским силам, АРС — до начала переговоров о мире не вести боевых операций в районах Сараево, Бихача, Тузлы и Горажде за исключением самообороны; командующим миротворческими силами ООН в Загребе и Сараево организовать встречу представителей воевавших сторон с целью достичь соглашения о прекращении боевых действий, взаимных обязательствах, статусе «зон безопасности», защите гражданского населения и тяжёлом оружии в районе Сараево; военным экспертам стран — членов Совбеза ООН и пред-

Л. Смит

ставителям сторон конфликта провести расследование взрыва на площади Маркале²⁶. Жанвье и Младич пришли к устному соглашению, что после выполнения этих условий авиаудары НАТО будут прекращены.

Была создана основа договорённости о полном прекращении боевых действий во всей Боснии в обмен на отвод сербской артиллерии от Сараево. Но генсек НАТО В. Клаас по телефону грубо отчитал Жанвье за договорённость с Младичем. По свидетельству очевидца разговора, «Клаас просто орал»²⁷. И 3 сентября НАТО выдвинула ультиматум Республике Сербской: вывести её тяжёлые вооружения из 20-километровой зоны вокруг Сараево, снять его блокаду, обеспечить полную свободу передвижения СООНО, гуманитарных организаций и беспрепятственное использование аэропорта Сараево, соблюдать режим других «зон безопасности», пригрозив в случае невыполнения этих требований возобновить бомбардировки²⁸.

Младич ответил на ультиматум в прессе, выразив возмущение тем, что Жанвье

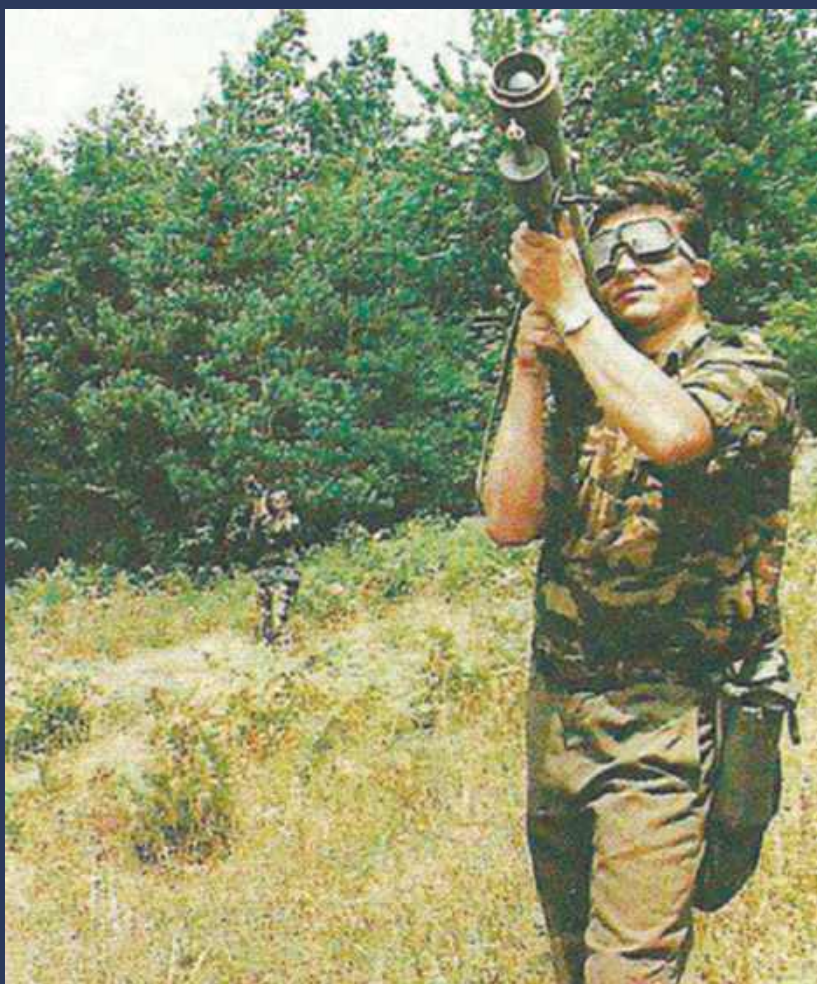
отказался от соглашения, достигнутого устно при их встрече. Заявил: «НАТО ещё более жестоко, чем Гитлер». Расценил авиаудары НАТО как более жестокие, чем бомбардировки Белграда немецкой авиацией 6–10 апреля 1941 года. Обвинил НАТО в нарушении Женевских конвенций 1949 года, а также режима безопасных районов («зон безопасности»), определённых в 1993 году резолюциями Совбеза ООН 819 от 16 апреля и 824 от 6 мая. Обратил внимание на то, что в «зоне безопасности» Сараево наряду с населением находились части 1-го корпуса АРБиГ — 8 бригад и 5 отдельных батальонов общей численностью до 25 тыс. человек и 865 орудий. Их наступление вызвало вал сербских беженцев. Младич предложил срочно сформировать смешанную комиссию из экспертов стран — членов Совбеза ООН и сторон конфликта с целью расследования взрыва на Маркале²⁹. Ответа НАТО не последовало.

Через день после объявления ультиматума генсек НАТО заявил, что самолёты альянса 5 сентября в 13.08 по местному времени возобновили авиаудары после того, как командующие миротворческими силами ООН и объединёнными силами НАТО в Южной Европе пришли к выводу, что боснийские сербы не продемонстрировали своего намерения выполнить требования ООН по устранению военных угроз против Сараево³⁰.

Авиаудары НАТО не оказали серьёзного влияния на боевые возможности армии Республики Сербской. Её система управления войсками показала высокую устойчивость, несмотря на разрушение инфраструктуры связи. Бригады и батальоны АРС давно создали запасы боеприпасов в многочисленных небольших складах по всей линии фронта для сниже-

Взрыв склада боеприпасов боснийских сербов в городе Пале к востоку от Сараево в результате удара авиации НАТО
30 августа 1995 г.

Сербские зенитчики с ПЗРК

ния уязвимости от ударов авиации НАТО. Командование и личный состав были настроены на продолжение боевых действий. 4 сентября на совещании командования АРС Младич отдал приказ продолжать «решительную и активную борьбу любой ценой»³¹.

На втором этапе операции НАТО, с 5 сентября, основными целями авиаударов стали мосты и гражданская инфраструктура Республики Сербской. 5 и 6 сентября погибли шесть сербских солдат и семь были ранены³². 7 сентября погибли 15 сербских солдат и 25 мирных жителей, в т.ч. четверо детей³³. Около 20 мирных жителей получили ранения. С 5 по 11 сентября авиация НАТО совершила 40 групповых налётов, разрушила 12 стратегически важных мостов, серьёзно затруднив манёвр силами и средствами АРС.

Для психологического давления на генерала Младича самолёты НАТО постоянно бомбили цели в районе его родного города Калиновик, в котором жили его мать и друзья детства. Порученец генерала Р. Смита подполковник Р. Бакстер позже вспоминал: «В штабе возникла идея постоянно бомбить объекты в районе Калиновика, чтобы дать понять знакомым и друзьям Р. Младича, что они бессильны остановить наступление НАТО»³⁴.

Наряду с авианалётами продолжались артобстрелы СБР. 8 сентября 105-мм снаряд британской батареи СБР разорвался на автобусной остановке в Блажее, сербском пригороде Сараево. Несколько снарядов попали в близлежащий госпиталь. Были убиты 10 человек и 22 ранены³⁵. В тот же день самолёты НАТО бомбили город Фоча в Восточной Боснии и село Змияне в окрестностях города Мостар, убили 11 и ранили 17 мирных жителей³⁶.

Ранним утром 9 сентября 30 американских самолётов F-16C Fighting Falcon, EA-6B Prowler и F/A-18C Hornet нанесли удары по позициям сербской ПВО в районах городов Дони-Вакуф, Шипово и Баня-Лука. Впервые применили 900-килограммовые планирующие авиабомбы и крылатые ракеты SLAM (Standoff Land Attack Missiles) для поражения наземных целей, запущавшиеся с дистанций вне зоны действия средств ПВО противника³⁷.

10 сентября авиация НАТО продолжала наносить удары по инфраструктуре Республики Сербской. В тот день президент Сербии С. Милошевич по телефону предложил Б. Жанвье своё посредничество для организации его встречи с Р. Младичем в Белграде. Она состоялась вечером в присутствии Милошевича. Несмотря на попытки уговорить Младича принять ультиматум НАТО, он был непреклонен. Речь шла о существовании Республики Сербской, выполнение ультиматума сделало бы положение АРС на фронтах очень тяжёлым и позволило бы АРБиГ нанести сербам поражение. Жанвье позвонил в штаб южного командования НАТО и сообщил, что переговоры с Младичем не дали результатов, необходимо продолжить бомбардировки³⁸.

Крейсер ВМС США «Нормандия» выпустил 13 крылатых ракет «Томагавк» (англ. Tomahawk) по целям ПВО АРС в районе города Баня-Лука. 10 из них поразили комплекс РЛС на горе Лисинац³⁹.

12 сентября обстрелом миротворческих сил в районе Тузлы сербская артиллерия дала НАТО повод для авиаударов. Пиком воздушной операции стал налёт 70 самолётов на объекты в Восточной Боснии. Взрывом крупного склада боеприпасов в городе Добое выбило все стекла в домах. Облако поднялось на

несколько сотен метров. Сербь решили, что НАТО применило тактическое ядерное оружие⁴⁰.

14 сентября после того, как авиация НАТО уничтожила почти все военные объекты и боевую технику сербов вблизи от «зон безопасности», а также объекты АРС оперативного и стратегического значения, руководство альянса приняло решение о паузе в операции, и в Белграде при посредничестве президента Сербии С. Милошевича состоялась встреча помощника госсекретаря США по вопросам Европы и Канады Р. Холбрука и американского генерал-лейтенанта У. Кларка с руководством Республики Сербской — президентом Р. Караджичем, председателем Скупщины М. Краишником и командующим АРС генерал-полковником Р. Младичем.

Под давлением США, НАТО и Милошевича Караджич и Младич после десятичасовых переговоров согласились подписать предложенные им условия прекращения бомбардировок НАТО: прекращение нападений на «зоны безопасности» Сараево и другие, отвод сербской артиллерии от Сараево, открытие двух автомагистралей в него и сараевского аэропорта для гуманитарных полётов. В ответ НАТО брала на себя обязательства прекратить удары авиации на 72 часа для выполнения сербами условий ультиматума. И подчеркнула, что возобновит их в случае невыполнения условий ультиматума. Сербский политик Н. Колевич писал: «Мы выдержали всё — и надменность Холбрука, и соглашательство Милошевича»⁴¹.

Согласие на навязанные НАТО условия далось руководству Республики Сербской нелегко. Особенно эмоциональной была реакция Младича. Он заявил Холбруку: «НАТО поддерживает регулярную хорватскую армию в

нашей стране. Они хуже нацистов. Но ни они, ни США не могут убить дух сербского народа, а бомбардировки являются преступлением. Никому не будет позволено отнять хотя бы пядь нашей священной сербской земли»⁴².

За три следующих дня АРС вывела из районов вокруг Сараево все свои тяжёлые вооружения: 45 танков, 11 реактивных установок залпового огня, 52 артиллерийских орудия, 105 миномётов⁴³.

20 сентября НАТО официально заявила, что задачи операции «Намеренная сила» выполнены и угрозы «зонам безопасности» ООН Сараево и Горажде нет⁴⁴. В ходе развёрнутого при поддержке авиации НАТО наступления АРБиГ армия Республики Сербской потерпела ряд поражений и потеряла значительную территорию. Районы Боснии и Герцеговины, которые 20 октября 1995 года контролировали сербы, хорваты и мусульмане, отображены на карте.

14 декабря 1995 года в Париже было подписано общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, получившее с протоколами к нему неофициальное название Дейтонских соглашений по месту переговоров и парирования 21 ноября на базе ВВС США Райт-Паттерсон близ американского города Дейтон. 15 декабря его одобрил Совбез ООН.

В соответствии с Дейтонскими соглашениями для урегулирования военного конфликта в Боснию и Герцеговину вводились многонациональные Силы по выполнению соглашений (СВС) из воинских контингентов 14 стран НАТО и 10 не входивших в альянс общей численностью 83,5 тыс. человек, в т.ч. 37 тыс. американцев, 14 тыс. британцев, 4000 германских военнослужащих. В СВС вошла и российская бригада численностью 1500 человек⁴⁵.

В ходе воздушной операции в Боснии авиация НАТО совершила 3535 самолёто-вылетов. Из них 2470 в воздушном пространстве БиГ. В том числе 785 на подавление ПВО, 1372 для ударов по другим наземным целям, остальные для выполнения других задач. Израсходовала около 10 тыс. т боеприпасов⁴⁶, 1026 бомб и ракет, в число которых входили 708 (69 проц.) управляемых, включая 56 противорадиолокационных ракет и 13 крылатых ракет «Томагавк», а также 10 486 20-мм и 30-мм авиационных пушечных снарядов с обеднённым ураном, около 20 70-мм неуправляемых ракет⁴⁷. Поразила 232 из 357 целей⁴⁸. Артиллерия СБР 5 раз открывала огонь по целям АРС в районе Сараево, но не нанесла им значительного ущерба. По данным НАТО, из 250—300 артиллерийских орудий вокруг Сараево сербы сохранили 238⁴⁹.

В ходе операции впервые были применены новые элементы авиакомплексов, бомбы GBU-15 с электронно-оптической системой наведения, беспилотные разведчики Predator, а также впервые в Европе — крылатые ракеты «Томагавк». Массово использовались бомбы с лазерным наведением GBU-10, GBU-12, GBU-16 и GBU-24.

Силы НАТО совершили в БиГ многочисленные военные пре-

ступления. Хотя в заявлениях для прессы представители альянса сообщали, что силы НАТО стремились максимально ограничить сопутствующий ущерб (жертвы среди мирного населения), они в нарушение международного гуманитарного права наносили удары по населённым пунктам и объектам гражданской инфраструктуры. Авиация НАТО убила 152 гражданских жителя БиГ и 273 ранила⁵⁰. Пострадали 66 населённых пунктов. Были разрушены 13 мостов, 20 телекоммуникационных объектов, 5 больниц, 6 школ и факультетов, 28 промышленных и сельскохозяйственных предприятий, 20 объектов частной собственности⁵¹.

Боевые потери АРС составили 64 солдата и офицера⁵². Её военной инфраструктуре был нанесён громадный ущерб, уничтожены 60 объектов системы управления войсками и логистики. Это обеспечило мусульманско-хорватским силам преимущество в боевых действиях⁵³. Но, как признало ЦРУ, «несмотря на серьёзные разрушения военных складов и хранилищ», воздушные удары НАТО нанесли системе управления, логистике и ПВО АРС «ущерб средней тяжести» и не подорвали боевой потенциал армии боснийских сербов⁵⁴. Она сохранила бое-

зисте наступление сил мусульман и хорватов.

Бомбардировки НАТО нанесли существенный ущерб окружающей среде Республики Сербской. Применение более 10 тыс. авиационных снарядов с обеднённым ураном привело к заражению радиоактивной урановой пылью почвы и грунтовых вод на значительной территории, особенно в районе Сараево. Почти 300 очагов заражения обнаружили в БиГ эксперты ООН по окружающей среде⁵⁵. Число смертей от злокачественных новообразований в Республике Сербской увеличилось в 2014 году по сравнению с 1998-м на 1518 (92 проц.)⁵⁶. По данным международного агентства по изучению рака, в БиГ ежегодно регистрируют 12 тыс. случаев онкологических заболеваний⁵⁷.

Воздушная операция против Республики Сербской усилила позиции и влияние США на Балканах, способствовала продвижению НАТО на восток и стала репетицией операции альянса «Союзная сила» — агрессии против Югославии в 1999 году.

Фото с сайтов: balkanist.ru; ruskline.ru; e-news.su; media.un.org; originalpeople.org; theaviationgeekclub.com; topwar.ru; stranatur.ru; airspace-review.com.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Большое влияние на ход Боснийской войны 1992—1995 гг. оказывала позиция США и Запада. 10 марта 1992 г. США и ЕС приняли декларацию о признании независимости югославских республик, в т.ч. Боснии и Герцеговины. Её политическое руководство во главе с лидером боснийских мусульман А. Изетбеговичем провозгласило независимость этой бывшей союзной республики. Она 8 апреля создала штаб Территориальной обороны Республики БиГ, а хорваты — свой Хорватский совет обороны. С мая 1992 г. командование войском Республики сербского народа Боснии и Герцеговины (с августа того же года — Республика Сербская), провозглашённой 9 января 1992 г., принял

генерал-лейтенант (с июня 1994 г. генерал-полковник) Р. Младич. 22 мая БиГ стала членом ООН, что не устраивало местных сербов и хорватов, противоречило их стремлению к самоопределению. 3 июля было провозглашено создание Хорватского содружества Герцег-Босна (28 августа 1993 г. преобразовано в Хорватскую Республику Герцег-Босна). Весной 1992 г. разгорелся конфликт между армией Республики БиГ, состоявшей преимущественно из боснийских мусульман (босняков, бошняков), Хорватским советом обороны и вооружёнными силами Республики Сербской. В 1994 г. с созданием Федерации БиГ мусульмане и хорваты объединились против Республики Сербской. Подробнее см.: Бос-

нийская война 1992—1995 гг. // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (БРЭ ЭВ). URL: <https://bigenc.ru>; Босния и Герцеговина // Там же.

² Резолюция 836 (1993), принятая Советом Безопасности на его 3228-м заседании 4 июня 1993 г. // Веб-сайт ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/836\(1993\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/836(1993)).

³ Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990—2000). М.: Русское право; Русский национальный фонд, 2001. С. 432.

⁴ Резолюция 998 (1995), принятая Советом Безопасности на его 3543-м заседании 16 июня 1995 г. // Веб-сайт ООН. URL: [https://docs.un.org/ru/S/RES/998\(1995\)](https://docs.un.org/ru/S/RES/998(1995)).

- ⁵ Ripley T. Operation Deliberate Force: The UN and NATO Campaign in Bosnia. 1995. United Kingdom: CDISS, 1999. P. 65.
- ⁶ Никифоров К. Между Кремлём и Республикой Сербской. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1999. С. 172, 173.
- ⁷ Kovacević S., Dajić P. Chronology of the Yugoslav Crisis 1994. Belgrade: Institute for European Studies, 1995. S. 184.
- ⁸ Srebrenica: Reconstruction, background, consequences, and analyses of the fall of a «safe area». Amsterdam: NIOD, 2002. P. 3838.
- ⁹ Gray J. Selling the Bosnian Myth: Foreign Military Studies. Fort Leavenworth, Kansas. October 1995.
- ¹⁰ Wiebes C. NIOD Report. Srebrenica: A «Safe» Area. Appendix II: Intelligence and the War in Bosnia 1992—1995. P. 62.
- ¹¹ Циклон-2 убио Маркале // Српска војска. 03.11.1995.
- ¹² Kojić M., Vranješ N., Nuždić V., Novković D. Deliberate Force Against the Republika Srpska. Banja Luka: RCIRZ, 2007. P. 197.
- ¹³ Победа российской дипломатии в Боснии // Коммерсантъ. 19 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/71731>.
- ¹⁴ Хронологија догађаја на простору бивше СФРЈ 1989—1995 // Из колекции материјалов Републичанског центра Републике Сербской по истраживањима војне преступлений и појску пропавших без вести.
- ¹⁵ Приложение. Заявление Президента Российской Федерации от 7 сентября 1995 г. // Письмо постоянного представителя Российской Федерации при Организации Объединённых Наций от 7 сентября 1995 г. на имя генерального секретаря // Веб-сайт ООН: https://digitallibrary.un.org/record/186073/files/S_1995_776-RU.pdf.
- ¹⁶ Совет Безопасности ООН. 3575-е заседание. 8 сентября 1995 г. Веб-сайт ООН. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/pro/n95/859/59/pdf/n9585959.pdf>.
- ¹⁷ Operation «Deliberate Force» Summary Data. 2018. 14 December. URL: <https://web.archive.org/web/20081110153404/http://www.afsouth.nato.int/factsheets/DeliberateForceFactSheet.htm>.
- ¹⁸ Kojić M., Vranješ N., Nuždić V., Novković D. Op. cit. P. 74.
- ¹⁹ Сепреев П.Н. Балканы 1991—2000. ВВС НАТО против Югославии // Война в воздухе. 2000. №10. С.24; Dimitrijević B. Vazdušni rat nad Republikom Srpskom i Republikom Srpskom Krajinom. Beograd: Društvo istoričara Srbije, 2017. S. 291; Боројевић Д., Ивић Д. Војска Републике Српске. Рума: Штампa, 2014. С. 310, 311.
- ²⁰ Dimitrijević B. Vazdušni rat nad Republikom Srpskom i Republikom Srpskom Krajinom. Beograd: Društvo istoričara Srbije, 2017. S. 285.
- ²¹ Kojić M., Vranješ N., Nuždić V., Novković D. Op. cit. P. 293.
- ²² Kovacević S., Dajić P. Op. cit. S. 258.
- ²³ Dimitrijević B. Op. cit. S. 289.
- ²⁴ Balkan Battlegrounds: A Military History of Yugoslav Conflicts 1990—1995. Vol. 1. Washington D.C: Central Intelligence Agency, 2002. P. 378.
- ²⁵ НАТО против срба: Ритам злочина. Српско Сарајево: Ослобођење, 1995. С. 75.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Ripley T. Op. cit. P. 263.
- ²⁸ Cohen R. NATO Demands Serbs Withdraw Guns Near Sarajevo // The New York Times. 1995. September 4. URL: <https://www.nytimes.com/1995/09/04/world/nato-demands-serbs-withdraw-guns-near-sarajevo.html>; Press Release (95)79. Statement by the Secretary General of NATO. 1995. 5 September. URL: <https://www.nato.int/docu/pr/1995/p95-079.htm>.
- ²⁹ Stojadinović L. Ratko Mladić: Heroj ili Zločinac. Beograd: Evro, 2001. S. 190—197.
- ³⁰ Cohen R. Op. cit.; Press Release (95)79. Statement by the Secretary General of NATO. 1995.
- ³¹ Записки генерала Р. Младича. Цит. по: Димитријевић Б. Командант. Београд: Vukotić, 2018. С. 258.
- ³² Kojić M., Vranješ N., Nuždić V., Novković D. Op. cit. P. 147.
- ³³ Ibid. P. 147—150, 156, 157.
- ³⁴ Ripley T. Op. cit. P. 269.
- ³⁵ Безрученко В.И. Война в Боснии и Герцеговине 1992—1995. Политическая, военная и дипломатическая история. СПб.: Нестор история, 2024. С. 808.
- ³⁶ Kojić M., Vranješ N., Nuždić V., Novković D. Op. cit. P. 118, 119.
- ³⁷ Balkan Battlegrounds. A Military History... P. 379.
- ³⁸ Ripley T. Op. cit. P. 276—284.
- ³⁹ Kojić M., Vranješ N., Nuždić V., Novković D. Op. cit. P. 327.
- ⁴⁰ Сепреев П.Н. Указ. соч. С. 29.
- ⁴¹ Кољевич Н. Стварање Републике Српске: Дневник 1993—1995. Књига 2. Бања Лука: Службени Гласник Републике Српске. 2008. С. 310—312. Ричард Холбрук. Биографическая справка // РИА «Новости» URL: <https://ria.ru/20101214/308341500.html>.
- ⁴² Holbrooke R. To End a War. New York: Random House, 2008. P. 150.
- ⁴³ Ripley T. Op. cit. P. 300.
- ⁴⁴ Ibid.
- ⁴⁵ Дейтонские соглашения // БРЭ ЭВ.
- ⁴⁶ Kojić M., Vranješ N., Nuždić V., Novković D. Op. cit. P. 70.
- ⁴⁷ Bombs Without Boots: The Limits of Air Power. Washington D.C.: Brookings Institution Press, 2019. P. 37.
- ⁴⁸ Owen R. Deliberate Force. A Case study in Effective Campaigning. Maxwell Air Force Base: Air University Press, 2000. P. 342.
- ⁴⁹ Bombs Without Boots... P. 38.
- ⁵⁰ НАТО против срба: Ритам злочина. С. 179.
- ⁵¹ Kojić M., Vranješ N., Nuždić V., Novković D. Op. cit. P. 163—177.
- ⁵² Ibid. P. 346—351.
- ⁵³ Боројевић Д., Ивић Д. Војска Републике Српске. Рума: Штампa, 2014. С. 312.
- ⁵⁴ Impact of the NATO air campaign on Bosnia. DCI Interagency Balkan Task Force. 1995. 19 September. URL: <https://clinton.presidentiallibraries.us/items/show/12539>.
- ⁵⁵ Depleted Uranium in Bosnia Herzegovina. Post-Conflict Environmental assessment. (2003). Revised Edition. P. 43. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/502851?v=pdf>.
- ⁵⁶ Kojić M., Vranješ N., Nuždić V., Novković D. Op. cit. P. 396.
- ⁵⁷ Милашиновић С., Кешетовић Ж., Бурић С. Проблем осиромашеног уранијума као еколошко-безбедносно питање. // Косово и Метохија у цивилизацијским токовима. Међународни тематски зборник. Косовска Митровица: Филозофски факултет, 2010. С. 530.

V.I. Bezruchenko

«THE NORTH ATLANTIC ALLIANCE HAS ARROGATED TO ITSELF THE ROLE OF JUDGE AND BAILIFF»

NATO operation against Republika Srpska in 1995

Information about author. Viktor Bezruchenko — colonel (ret.), Cand. Sc. (Pol.) (St. Petersburg. E-mail: victor-bezru4enko@yandex.ru).

Summary. The paper presents the results of an analysis of the course and results of the NATO air operation Deliberate Force in Bosnia and Herzegovina in August–September 1995. This analysis was based on the generalization of information from Russian, Serbian, and English-language sources. The operation involved representatives of the air forces of eight NATO member countries: the United States, the United Kingdom, the Netherlands, France, Turkey, Germany, Italy, and Spain. The United States and its allies adopted an anti-Serb stance, intervened in the Bosnian War of 1992—1995 without a UN Security Council resolution, and played a decisive role in its outcome. This intervention weakened the Bosnian Serbs, and the United States and its allies coordinated the actions of its aviation with Muslim-Croatian forces, which used the results of NATO bombardments for a large-scale offensive. During the combat operations, NATO aviation utilized advanced weaponry, including depleted uranium munitions, which led to significant contamination in a large area. This operation contributed to NATO's eastward advance, strengthening U.S. positions and U.S. influence in the Balkans.

Keywords: Bosnia and Herzegovina; Republika Srpska; Bosnian War 1992—1995; U.S.; NATO; UN peacekeeping forces; Deliberate Force air operation; bombing; Rapid Reaction Force; air defense.

«МЫ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ГОТОВЫ К ТОМУ, ЧТОБЫ ДЕЙСТВОВАТЬ БЕСПОЩАДНО С КЛАССОВОЙ НЕНАВИСТЬЮ»

Деятельность специальной школы
при 246-й стрелковой дивизии 29-й армии Западного фронта

Сведения об авторе. Авраменко Сергей Михайлович — заместитель командира поискового отряда, майор внутренней службы в отставке, краевед (г. Сафоново, Смоленская обл. E-mail: monster.81@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена малоизученной странице истории организации диверсионных групп в тылу противника в годы Великой Отечественной войны. В качестве примера автором рассматривается деятельность специальной школы при войсковой части № 00129 (246-я стрелковая дивизия 29-й армии Западного фронта) по подготовке руководящего состава партизанских отрядов. С опорой на архивные материалы, другие документы раскрываются её структура, организация деятельности. Особое внимание уделено подбору и воспитанию кадров: смелых, мужественных воинов, способных выполнять задачи в самых сложных условиях как в составе подразделений, мелких групп, так и индивидуально. Автор, анализируя деятельность данной школы, других спецшкол, привлекая ранее малоизученные материалы, подчёркивает их огромный вклад в победу над фашистской Германией и её сателлитами.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Вторая мировая война; партизанское движение; НКВД; 29-я армия; партизаны; Западный фронт; специальная диверсионная школа; 246-я стрелковая дивизия.

В годы Великой Отечественной войны в тылу противника действовали тысячи партизанских отрядов, бригад и соединений, подпольных групп, оперативных отрядов и групп НКВД СССР, разведывательно-диверсионных групп Главного разведыватель-

ного управления Генштаба РККА и разведотделов штабов фронтов. Одно из основных мест среди них занимала специальная школа, созданная при войсковой части 00129 (246-я стрелковая дивизия 29-й армии Западного фронта).

Следует отметить, что ещё в 1930-х годах в Советском Союзе активно разрабатывались операции на коммуникациях противника, а также в его глубоком тылу. Основными задачами диверсионных групп, предназначенных для таких рейдов, были дезорганизация управления и снабжения вражеских войск. Подготовка к действиям диверсионных групп на случай начала боевых действий осуществлялась двумя главными ведомствами — Разведывательным управлением Генерального штаба РККА и органами Народного ко-

миссариата внутренних дел СССР (НКВД СССР).

18 июня 1941 года, накануне Великой Отечественной войны, когда неизбежность нападения Германии на Советский Союз была очевидна, народный комиссар внутренних дел СССР Л.П. Берия поручил заместителю начальника 1-го (разведывательного) управления НКВД СССР майору государственной безопасности П.А. Судоплатову приступить к формированию специального соединения из числа сотрудников разведки в его непосредственном подчинении.

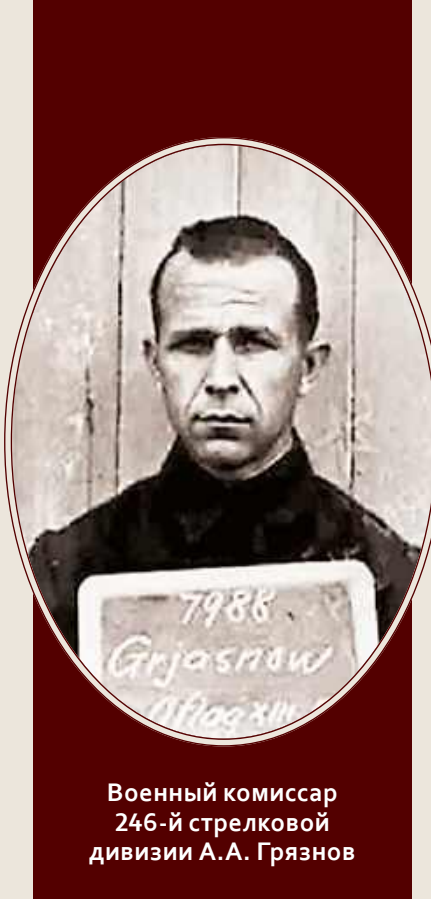
Оно должно было осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны. Однако нападение фашистской Германии на Советский Союз потребовало ускорить формирование специального соединения, способного действовать как на линии фронта, так и в районах, оккупированных войсками противника.

Для реализации соответствующего постановления Политбюро ЦК ВКП(б) 25 июня 1941 года НКВД СССР издал приказ № 00804 «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами

противника в прифронтовой полосе»¹. Начальников истребительных батальонов предполагалось назначать из числа «надёжных и боевых оперативных работников НКВД, преимущественно из пограничных и внутренних войск и оперативных работников милиции, личный состав батальонов комплектовать из числа проверенных, смелых, самоотверженных коммунистов, комсомольцев, советских активистов, способных владеть оружием, без отрыва их от постоянной работы».

Но уже 29 июня эта общая задача была конкретизирована директивой Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б), адресованной партийным и советским организациям прифронтовых областей: действуя отдельными подразделениями, мелкими группами и индивидуально, вести разведывательные и диверсионные действия на важнейших коммуникациях противника, а также ликвидировать вражескую агентуру. Впоследствии добавилась ещё одна миссия — участие в развитии и расширении партизанского движения, создании подполья, сплочения патриотов в тылу врага².

Важным направлением работы НКВД в годы Великой Отечественной войны стала разведывательная и диверсионная деятельность. Приказом НКВД СССР от 5 июля 1941 года для выполнения специальных заданий была сформирована Особая группа НКВД СССР, подчинявшаяся непосредственно наркому внутренних дел. Задачами группы являлись организация разведывательно-диверсионной работы против Германии и её союзников, подпольной и партизанской борьбы, создание агентуры на оккупированной территории и др.

Военный комиссар
246-й стрелковой
дивизии А.А. Грязнов

Приказом НКВД СССР от 25 августа 1941 года оперативные группы местных органов госбезопасности, призванные бороться с немецкими парашютными десантами и диверсантами, были преобразованы в 4-е отделы НКВД — УНКВД прифронтовых республик, краёв и областей, оперативно подчинённые Особой группе. На вновь созданные подразделения были возложены задачи каждодневного руководства истребительными батальонами, партизанскими отрядами и диверсионными группами, их боевой деятельностью.

Всем особым отрядам и группам присваивались кодовые наименования, они были самостоятельны в течение всего времени пребывания в тылу врага. В зависимости от характера основного задания отряды или сохраняли свой первоначальный состав, избегая его расширения (преимущественно отряды, имевшие особые разведывательные задачи), или вырастали в бригады и соединения. Кузницей кадров для партизан-

ских отрядов стали специальные школы при воинских частях.

В качестве примера можно рассмотреть специальную школу при войсковой части 00129 (246-я стрелковая дивизия (сд) 29-й армии Западного фронта). Она была третьей из 10 регулярных стрелковых дивизий, сформированных из кадров Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), пограничных и внутренних войск в качестве стандартных стрелковых дивизий Красной армии вскоре после вторжения Германии.

Согласно приказу командующего Западным фронтом № 0470 от 19 августа 1941 года и приказу командующего войсками 29-й армией № 056 от 20 августа 1941 года на базе 246 сд началась подготовка трёх диверсионных отрядов к действиям в тылу противника. Отбор в данные отряды проводился аппаратом политотдела 29-й армии и политотделами соединений в период с 25 по 27 августа 1941 года в добровольном порядке из числа смелых, находчивых и мужественных военнослужащих.

По штатам отряды были укомплектованы полностью (по 93 человека)³: средний начальствующий состав — 7 человек; младший начальствующий состав — 84; рядовых — 188. Всего — 279 человек.

Отряд № 16: членов ВКП(б) — 5 человек; кандидатов ВКП(б) — 6; комсомольцев — 19; беспартийных — 63. Всего — 93 человека.

Отряд № 17: членов ВКП(б) — 6 человек; кандидатов ВКП(б) — 7; комсомольцев — 19; беспартийных — 61. Всего — 93 человека.

Отряд № 18: членов ВКП(б) — 3 человека; кандидатов ВКП(б) — 5; комсомольцев — 56; беспартийных — 29. Всего — 93 человека.

Наши диверсанты минируют железнодорожное полотно

ТРИ ДНЯ В ТЫЛУ У ФАШИСТОВ

Наше подразделение выполняло специальное задание. Когда работа была закончена, несколько бойцов оставили для охраны участка. В их задачу входило указывать частям, переходящим на новый рубеж, направление движения.

Вот уже вдалеке скрылись последние подразделения наших частей. Через несколько минут, послышалась жесткая стрельба по частям, занимающим новый участок обороны. Мы не отходили, так как нам сообщили, что еще осталось много бойцов, которым также надо указать направление движения. Немцы стреляли ускоренными темпами, несмотря на то, что было уже светло и ясно было видно все происходящее в этом районе.

Здесь особенно отличился боец тов. Кузнецов, который не покинул своего поста, несмотря на интенсивный обстрел врага из пулеметов и автоматов. Когда мы узнали, что больше никого не осталось, то покинули свой участок.

Группа бойцов в количестве 10 человек под командованием сержанта тов. Саловалера направилась в расположение своих частей. Мы хотели выйти на шоссе. Но, приближаясь к нему, увидели 12 немецких танков, которые отрезали путь. Тогда решили пройти по деревне Д., но и это оказалось невозможным, так как она была объята пламенем пожара.

Пришлось опять вернуться на-

правление. Мы пошли на деревню З. Она с трех сторон была окружена неприятелем, который, видимо обнаружив нас, открыл сильный артиллерийский огонь. Под жестоким артиллерийским огнем врага наша группа отходила около километра.

Затем мы уже шли по лесу, полям, старательно маскируясь, ничем не выдавая своего присутствия. Карты не было, пришлось полностью ориентироваться только по компасу. Боец нашей группы тов. Москаленко точно вел нас в нужном направлении и несколько не отклонился с пути.

С трудом мы передвигались по лесу, топким болотам, торфяникам. Мы берегли питание, так как не знали, сколько нам придется еще бродить в тылу врага пока придем в расположение своих частей.

Передвигалась группа высылая вперед разведку, в составе которой отлично действовали тт. Паверник и Новиков С.

За три дня пути по тылам противника мы прошли около 100 километров. Наша группа вышла южнее г. Казня, где мы и встретились со своим подразделением.

Товарищеская помощь, крепкая сплоченность обеспечивала нашей группе успех всей операции. У нас не было ни одного отставшего и, несмотря на трудность всего похода, все бойцы чувствовали себя хорошо.

Сержанты А. САХОВАЛЕР,
О. ЧЕРНИЙ.

Всего по отрядам: членов ВКП(б) — 14 человек; кандидатов ВКП(б) — 18; комсомольцев — 94; беспартийных — 153 человека.

Незначительная прослойка коммунистов и комсомольцев объяснялась тем, что в частях их соотношение к беспартийным было и так незначительным, и полное укомплектование отрядов коммунистами и комсомольцами ещё больше ослабило бы партийные и комсомольские организации частей.

Все отряды, исходя из имеющейся информации, были укомплектованы людьми, отвечавшими требованиям, необходимым для решения поставленных задач. В каждом отряде были подобраны и утверждены парторги и комсорги, имевшие опыт партийно-комсомольской работы, которые в ходе боёв показали себя исключительно с положительной стороны.

Так, например, служебная характеристика на лейтенанта А.М. Михайлова гласила, что за период обучения в спецшколе он показал себя дисциплинированным и грамотным командиром. Успеваемость по всем дисциплинам — «хорошо» и «отлично». Командирские навыки и организаторские способности имел. Политически был развит. Вполне мог быть организатором партизанского движения⁴.

В ходе подготовки отрядов обратно в части были откомандированы 16 человек рядового состава, главным образом из 71-го и 72-го инженерных батальонов, которые были направлены в отряды без их личного согласия на действия в тылу противника⁵.

Обучение осуществлялось в соответствии с программой подготовки отрядов для действий в тылу врага и включало в себя следующие мероприятия:

а) 3—4 занятия с каждым взводом по подрывному делу (минирование дорог, мостов, железнодорожных линий и путей подхода противника, способы применения подрывных материалов);

б) пристрелка закреплённого за каждым оружия;

в) два занятия по стрелковому делу. В результате первая задача по стрельбе из винтовки выполнена на «хорошо» и «отлично». Вторую задачу — стрельба по появляющимся мишеням — большинство бойцов выполнили также на «хорошо» и «отлично»;

г) два занятия по метанию учебных гранат;

д) показательные занятия по метанию боевых гранат;

е) проработка постановления «Партизанские отряды и их тактика»;

ж) 8-часовые занятия по топографии.

Следует отметить, что по прибытии в школу с каждым кандидатом проводила беседу отборочная комиссия. Целью беседы было выяснить настроение, семейное положение, готовность действовать в тылу противника и т.д. В результате было выявлено, что 10 человек рядового состава были направлены комиссаром 71-го инженерного батальона политруком Малковым в штаб армии без отбора и предварительной беседы и непригодны для выполнения специальных заданий в тылу. Они были немедленно возвращены в часть и вместо них набраны другие кандидаты. Или, например, красноармеец первого года службы из полка связи рядовой Васенков, назначенный в отряд радистом, заявил о том, что он долго думал и пришёл к выводу, что действовать в тылу противника он боится, кроме того, состояние здоровья у него плохое. Васенков также

Именной список

лиц, отобранных в школу организаторов партизанского движения из 265 зап. стр. тыла

№ п/п	Фамилия, имя, отчество	Возраст, лет	Место рождения	Партизанский отряд	Звание, должность
1	Васильев Алексей Васильевич	1915	Челябинская обл.	Беломорский	Секретарь
2	Алексеев Николай Иванович	1904	—	—	Старшина
3	Белов Алексей Иванович	1916	—	Беломорский	Секретарь
4	Иванов Николай Сергеевич	от. Мейер	1919	Б/п	Секретарь
5	Ходарев Алексей Иванович	инженер	1906	Мен. В. Ф. (Б)	Секретарь
6	Жуков Михаил Иванович	действительный	1919	Беломорский В. Ф. (Б)	Медик
7	Жуков Иван Иванович	—	1908	Мен. В. Ф. (Б)	Беломорский В. Ф. (Б)
8	Вотеев Михаил Фёдорович	от. Сергеев	1906	Мен. В. Ф. (Б)	Старшина

Именной список лиц, отобранных в школу организаторов партизанского движения при в/ч 00129

от. Беломорский Комиссар

Именной список лиц, отобранных в спецшколу организаторов партизанского движения при в/ч 00129

ПРОГРАММА

ПОДГОТОВКИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОСТАВА ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ

ДЛЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЫЛУ ВРАГА.

24 июля 1942 г.

УЧЕБНОЕ ВРЕМЯ

Теория Практика

РАЗДЕЛ I-й ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА.

Боевые и политические задачи партизанского движения в тылу врага.

2 ч.

РАЗДЕЛ 2-й ТАКТИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА.

Тактика отряда действующего в тылу врага. Особенности партизанского движения в условиях Отечественной войны. Самостоятельность действий отдельных групп отряда. Вопросы политической, маневренности, внезапности и внезапности удара. Организация разведки: боевой, агентурной и политической. Маскировка в деревнях и на отдыхе. Сокрытие отряда и оборона. Маскировка и его охранение. Маскировка отряда как одно из важнейших условий борьбы с врагом.

Показать из опыта действий партизанских отрядов.

Преследование противника. Организация засады, выбор места. Организация ночного вылета на аэродром, склады, штабы, госпитали, ж.д. станцию и др. важнейшие объекты противника.

Тактика мелких подразделений противника: автоматчиков, карательных отрядов, десантов.

4 ч. 12 ч.

РАЗДЕЛ 3-й МАТЕРИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ:

Изучение образцов иностранного и отечественного оружия: винтовка, пулемет, автомат, миномет, граната.

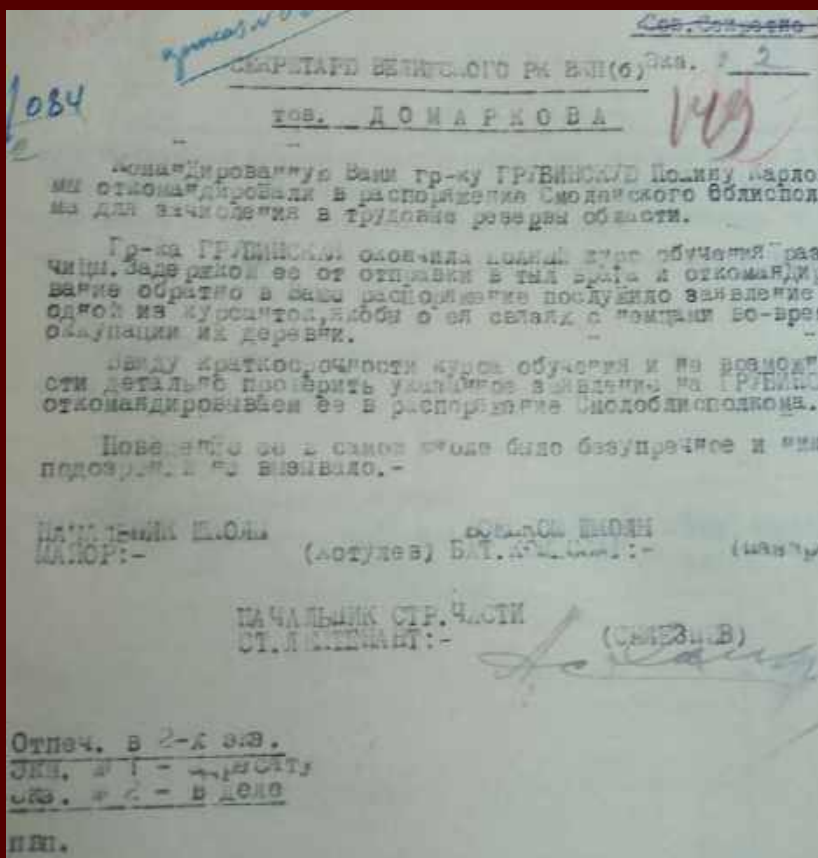
6 ч.

РАЗДЕЛ 4-й ОГНЕВАЯ ПОДГОТОВКА

Боевые стрельбы из винтовки, пулемета, автомата и миномета.

8 ч.

Первый лист программы подготовки руководящих кадров партизанских отрядов

Сообщение об откомандировании П.К. Грубинской в спецшколу

ПОДПИСКА

И нижеподписавшиеся, дамы настоятельную просьбу войсковой части в 00129 в том, что все известные им сведения документы и прочие данные о спод, школе составленной военную такую обучаюсь им в какой мере и никогда не разглашать.

Мне известно, что за разглашения военной тайны подлежу суду военного трибунала.

№ п/п	Военное звание	Фамилия, имя и отчество	Подпись
30.	Зам. политрука	Ботаник Николай Вас.	Ботаник
31.	с.т.	Сорокозлов Василий Серг.	Сорокозлов
32.	кр-ч	Авдощин Василий Фед.	Авдощин
33.	—	Соломонов Василий Серг.	Соломонов
34.	мл. с.т.	Киреев Николай Ив.	Киреев
35.	кр-ч	Горюхов Виктор Алекс.	Горюхов
36.	кр-ч	Антонов Владимир Вас.	Антонов
37.	кр-ч	Сергин Родион Леонидович	Сергин
38.	—	Муртозов Мурадбек Мусов	Муртозов
39.	кр-ч	Мирный Андрей Ив.	Мирный
40.	—	Карташов Михаил Ев.	Карташов
41.	кр-ч	Воробин Александр Ром.	Воробин
42.	с.т.	Будыков Александр Мих.	Будыков
43.	красноарм.	Грелов Алексей Ив.	Грелов
44.	—	Борисенко Ив.	Борисенко
45.	—	Горохов Михаил Мих.	Горохов
46.	—	Низовцев Николай Алекс.	Низовцев
47.	кр-ч	Галышев Степан Ив.	Галышев
48.	мл. с.т.	Великий Александр Серг.	Великий
49.	с.т.	Семеников Павел Никол.	Семеников

Подписка о неразглашении сведений обучающихся в спецшколе при в/ч 00129

был откомандирован из отряда и заменён «смелым и дисциплинированным красноармейцем»⁶.

По данному поводу начальник специальной школы писал в штаб части: «Я считаю, что отборочная комиссия Вашего района несерьёзно отнеслась к вопросу подбора людей в нашу школу. Послали их, проведя формальный отбор, причём желание и необходимые качества поступающих учтены не были. Указанные граждане явно выраженные трусы, из чего и сделайте необходимые выводы»⁷.

Согласно распоряжку военкомы отрядов ежедневно проводили читку газет повзводно, два раза в неделю — политинформации. С 27 августа по 15 сентября 1941 года со всем личным составом был проведён ряд бесед и докладов по следующим темам:

- 1) Итоги двухмесячных боёв.
- 2) Международное положение.
- 3) Месяц боёв за Смоленск.
- 4) Герои Отечественной войны.

Для проведения бесед и докладов были привлечены подготовленные пропагандисты политотдела. Также состоялись два партийно-комсомольских собрания с повестками «Задачи учебной и боевой подготовки отряда» и «Об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в бою». Собрания прошли на высоком уровне. Так, например, командир взвода младший лейтенант Борков, он же парторг, в своём выступлении заявил: «Нам поручили ответственную и в то же время почётную задачу. Задача каждого из нас глубоко понять указания товарища Сталина об опасности, которой подверглась наша Родина в борьбе с германским фашизмом, что на борьбу против фа-

шизма поднялись все честные люди от мала до велика. Мы наносим сокрушительные удары по врагу на фронте, мы будем наносить удары и по его тылам, не жалея сил и самой жизни для достижения цели. Мы должны быть готовы к тому, чтобы действовать беспощадно с классовой ненавистью. В наших рядах не может быть места трусам и паникёрам. Наш отряд будет действовать героически, и я даю клятву вернуться героем»⁸. Многие комсомольцы, присутствовавшие на собрании, подавали заявления о приеме в партию; таких заявлений было подано 46.

С партийно-политическим аппаратом отрядов были также проведены два инструктивных совещания по вопросам «О задачах партийно-политической работы в условиях действий в тылу врага» и «О партийно-политической работе среди советского населения на территории, оккупированной противником». В каждом отряде были выделены политические разведчики, которых тщательно проинструктировали.

В соответствии с директивой начальника Главного управления послужного учёта РККА № 424 все партийные и комсомольские билеты военнослужащих, направленных в тыл противника, были изъяты и находились в политотделе 29-й армии.

Согласно табелю вооружения и снаряжения все отряды, забрасывавшиеся в тыл, были снабжены вооружением, снаряжением и продуктами питания. Однако и здесь были свои недочёты. Так, отрядам было положено выдать 91 пистолет-пулемёт, куртки — тёплые армейские двухбортные, которых на складе не оказалось. Однако благодаря принятым военным советом

Отряд лыжников-диверсантов в тылу врага

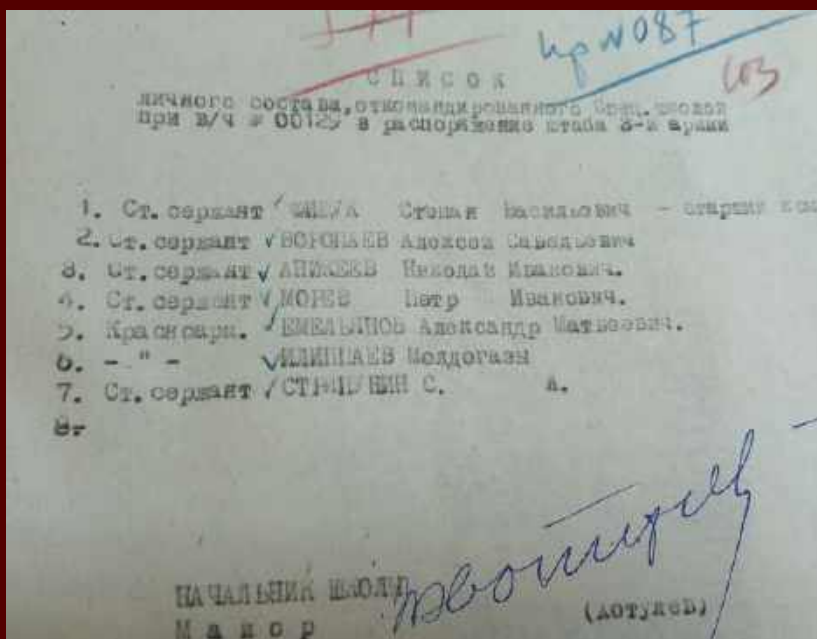
Перед заброской разведывательно-диверсионной группы в тыл противника

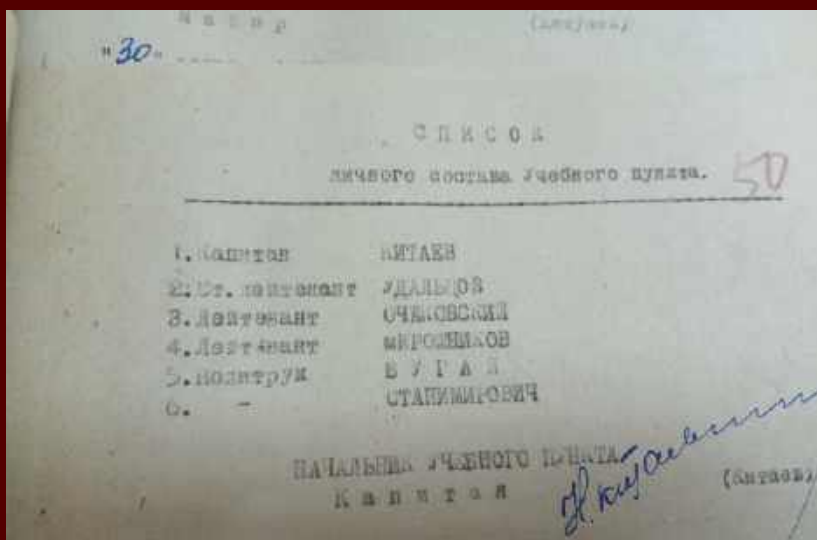
Радисты получают разведывательные донесения из-за линии фронта

Рота советских лыжников слушает напутствие командира перед выходом на боевое задание

Список личного состава, откомандированного спецшколой при в/ч 00129

Список личного состава учебного пункта спецшколы при в/ч 00129

мерам каждому отряду были выданы по 22 автомата ППД для среднего и младшего начальствующего состава, а бойцы получили автоматические винтовки. Вместо тёплой армейской куртки бойцы отправлялись на задания в шинелях.

17 сентября 1941 года было проведено инструктивное совещание с начальниками и комиссарами отрядов, на котором были подробно изложены задачи отрядов, обстановка на участке действий нашей армии, состояние войск противника и положение населения на оккупированной территории. Однако вопросы связи с использованием радиостанций РБ условными знаками не были чётко разъяснены сотрудниками шифровального отдела, и отрабатывать их пришлось уже в процессе переброски.

Выброска трёх отрядов, подготовленных в специальной школе в самом начале Великой Отечественной войны, проходила организованно. Согласно утверждённому плану они перебрасывались по назначенным маршрутам.

О том, что происходило в тылу во время переброски отрядов, рассказывают архивные документы.

Так, отряд № 16 19 сентября 1941 года был отправлен в район действий 29-го кавалерийского корпуса близ села Емлень. Его сопровождали старший инструктор политотдела батальонный комиссар Сорокин, помощник начальника районного отдела НКВД лейтенант госбезопасности Зудов, начальник разведки 252-й дивизии майор Андронов. После того как разведкой 29-го кавалерийского полка было установлено, что маршрут свободен от противника, 21 сентября в 5 ч утра отряд вступил в

сопровождение 15 человек конной разведки и проводников из деревни Емлень по дороге на Глинское. Начальник отряда младший лейтенант Петраков и военком Алёшин ехали на лошадях разведки кавполка. В 2 км от деревни Емлень дорога оказалась заминированной противотанковыми минами, о чём был предупреждён весь состав отряда. К сожалению, замыкающий военком Алёшин нарвался на мину, лошадь была убита, а самому Алёшину повредило обе ноги. Чтобы не быть обузой, он покончил с собой выстрелом в голову. Военком был похоронен на месте, комиссаром отряда был назначен парторг младший лейтенант Борков. После короткого митинга отряд продолжил движение по указанному маршруту, но был замечен немецкой разведкой в районе села Пещанки и обстрелян. В бой вступили разведчики кавалерийского полка, а отряд

Командующий
29-й армией В.И. Швецов

под их прикрытием ушёл по назначению. Немецкая разведка была рассеяна, однако через час из районов Кривая Лука, Прудок противник открыл артиллерийский огонь⁹.

Отряды № 17 и 18 были переброшены 23 сентября 1941 года по указанному в плане маршруту и приступили к выполнению задания. Сколько бойцов из заброшенных в тыл врага не вернулось обратно — об этом архивы пока умалчивают.

Проведение специальных операций в тылу врага требовало большого опыта, смелости, самообладания, выдержки, находчивости и мужества красноармейцев. Поэтому уже к середине 1942 года специальная школа при 246 сд расширила штат инструкторов по подготовке диверсантов. Более того, она продолжала высылать в тыл врага всё новые и новые группы, причём на более сложные участки. Эта работа не прекращалась ни на один день и с каждым годом войны в связи с изменением её хода и ростом партизанского движения приобретала всё более многогранный и масштабный характер.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жуков Д.А., Ковтун И.И., Шурлов С.А. НКВД СССР в Великой Отечественной войне. 1941—1945. М.: ТОНЧУ, 2020. С. 10.

² Выступление по радио Председателя Государственного Коми-

тета Обороны И.В. Сталина // Известия. 1941. № 155(7531). 3 июля. Л. 1.

³ Государственный архив новейшей истории Смоленской области. Ф. 8. Оп. 3. Ед. хр. 1. Л. 29.

⁴ Там же. Л. 60.

⁵ Там же. Л. 30.

⁶ Там же. Л. 31.

⁷ Там же. Л. 128.

⁸ Там же. Л. 33.

⁹ Там же. Л. 34.

S.M. Avramenko

«WE MUST BE READY TO ACT RUTHLESSLY WITH CLASS HATRED»

Activity of the special school at the 246th Rifle Division of the 29th Army of the Western Front

Information about author. Sergey Avramenko — deputy commander of the search team, major (ret.) of internal service, local lore expert (town of Safonovo, Smolensk region. E-mail: monster.81@mail.ru).

Summary. The paper explores a relatively understudied facet of the organization of sabotage groups behind enemy lines during the Great Patriotic War. To illustrate this point, the author examines the operations of a specialized training institution within military unit No. 00129 (246th Infantry Division of the 29th Army of the Western Front), which was tasked with preparing the leadership of guerrilla units. Drawing from archival materials and other documents, the structure and organization of its activities are revealed. Particular attention is paid to the selection and education of personnel: brave, courageous soldiers, capable of performing tasks in the most difficult conditions as part of units, small groups, and individually. The author's analysis of the activities of this school and other special schools, drawing on previously understudied materials, highlights their immense contribution to the defeat of Nazi Germany and its satellites.

Keywords: Great Patriotic War; World War II; partisan movement; NKVD; 29th Army; partisans; Western Front; special sabotage school; 246th Rifle Division.

«ЧАС МУЖЕСТВА ПРОБИЛ НА НАШИХ ЧАСАХ, И МУЖЕСТВО НАС НЕ ПОКИНЕТ»

Советские писатели в первые месяцы войны на фронте и в тылу

Сведения об авторе. Колобов Евгений Юрьевич — доцент Университета мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: kabaka@yandex.ru).

Аннотация. В статье делается попытка на основе обширного документального материала, в т.ч. с привлечением дел из фондов Российского государственного архива литературы и искусства, публицистических материалов и литературных произведений исследовать различные аспекты деятельности советских литераторов в первые месяцы Великой Отечественной войны: работа в качестве военных корреспондентов на фронте, занятие литературным трудом и журналистская работа, вопросы быта и т.д. Автором было проанализировано творческое наследие наиболее известных литераторов того времени, среди которых К. Симонов, В. Гроссман, Вс. Вишневский, А. Фадеев, О. Берггольц, А. Ахматова, И. Эренбург и др. Основная исследовательская задача — выявление различий и сходства в оценках происходивших в тот период событий в документах личного происхождения (дневники, письма, воспоминания), публицистических и литературных произведениях, повествующих о начальном периоде войны.

Ключевые слова: писатели; Союз писателей; фронт; быт; дневники; Ленинград; РГАЛИ; «Правда»; «Красная звезда»; К. Симонов; В. Гроссман; Вс. Вишневский; О. Берггольц; А. Ахматова; И. Эренбург.

В советской историографии проблематике, связанной с изучением роли советских писателей в годы Великой Отечественной войны, уделялось значительное внимание — как в специальных работах, так и в биографических исследованиях. Но этого нельзя сказать о начальном периоде войны. Среди биографических исследований стоит отметить книги И. Жукова об А. Фадееве и В. Хелемендика о Вс. Вишневском¹.

В то время был подготовлен к печати и издан большой пласт документальных материалов. Вышли воспоминания П. Капицы, дневники и письма Вс. Багрицкого и др.² Были опубликованы фрагменты записных книжек В. Гроссмана³, А. Тарасенкова⁴, Вс. Вишневского⁵, Л. Соболева⁶. Многократно переиздавались «Разные дни войны» К. Симонова⁷. В постсоветский период эта традиция была продолжена: переиздавались «Разные дни войны» К. Симонова и книга воспоминаний Е. Долматовского⁸, воспоминания К. Симонова и т.д.⁹

Некоторые аспекты темы «писатель и война» и связан-

ные с этим сюжеты довольно подробно разработаны в современной российской историографии. Среди таких работ стоит отметить статью И.Ю. Наумовой, которая приводит ряд важных подробностей участия советских писателей в войне, той роли, которую сыграли А. Фадеев, Вс. Вишневский и др. Рассматривается значение организации творческих кадров — Оборонной (Военной) комиссии Союза советских писателей. Приводятся и статистические данные об участии литераторов в событиях Великой Отечественной¹⁰. Стоит также отметить монографию В.А. Шошина «Писатели-корреспонденты на фронтах Великой Отечественной войны». В ней он попытался обстоятельно исследовать основные этапы войны и роль в этом советских писателей, в т.ч. в первые её месяцы. 1941 году посвящён отдельный раздел книги, в котором нашли отражение оборона Таллина, начало блокады Ленинграда, то, что происходило в Севастополе и Одессе. Отдельно автор рассматривает роль целого ряда советских литераторов в то время (Б. Горбатова, С. Михалкова, А. Твардовского и

И. Эренбурга)¹¹. Значительная часть исследовательских работ в регионах построена на местном архивном и литературном материале. Другие посвящены изучению деятельности Союза писателей, а также жизненного и творческого пути отдельных литераторов¹².

Зарубежная историография, связанная с исследуемой нами темой, не столь значительна. Её характерной чертой является изучение деятельности известных советских писателей: И. Эренбурга, К. Симонова, В. Гроссмана и др. Среди работ следует отметить статью К. Кларк, посвящённую творчеству И. Эренбурга и В. Гроссмана о войне¹³. Несколько работ по данной проблеме было опубликовано О. Градинару¹⁴. В коллективной монографии «Интеллектуалы сталинской эпохи» одна из глав касается восприятия К. Симоновым Великой Отечественной войны и связанного с ней культа И. Сталина¹⁵.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать заключение, что, несмотря на значительное количество публикаций в советский и постсоветский периоды по теме «писатель на войне»,

исследователи подробно не изучали вопрос о роли писателей в её начальный период и не предпринимали попыток сделать сравнительный анализ их военных корреспонденций и литературных произведений с документами личного происхождения. Такая попытка предпринята в настоящем исследовании.

Для нас представляется важным проанализировать документы личного происхождения писателей, оставивших значительный след не только в литературе, но и в отечественной истории и культуре. Речь в первую очередь идёт о таких мастерах слова, как К. Симонов, В. Гроссман, Вс. Вишневский, А. Фадеев. Привлекаются и другие опубликованные в советское и постсоветское время мемуары и дневники, дополняющие картину литературной и общественной деятельности писателей, характеризующие условия их быта на фронте и в тылу. Кроме того, в статье используются документальные материалы из личных фондов писателей К. Симонова, В. Гроссмана, Вс. Вишневского и А. Фадеева, находящиеся в

И. Эренбург

Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)¹⁶.

Полны неопределённости были для писателей и всех советских людей первые дни и недели войны, поэтому важно более подробно остановиться на рассмотрении тех событий. Для литераторов, как и для всех граждан СССР, случившееся ста-

ло шоком. Войну все ждали, о ней говорили и предчувствовали её приближение, но при этом надеялись, что к ней удастся подготовиться. Весьма характерен тот факт, что события первых дней войны были отражены не во всех дневниковых записях литераторов. О. Берггольц 22 июня ограничилась лишь краткой записью: «14 часов. ВОЙНА»¹⁷. А. Первенцев, напротив, довольно подробно и эмоционально описал этот день в своём дневнике: чувство оторванности от близких людей и полное отсутствие информации о них. Упоминает он и о собрании писателей на ул. Воровского, в котором принял участие А. Фадеев. Там среди прочего шла речь и о подготовке патриотической пьесы, которую он обсуждал с Г. Бояджиевым¹⁸.

В литературно обработанных и опубликованных ещё в советское время дневниковых заметках К. Симонова «Разные дни войны» мы встречаем сухую констатацию свершившегося и практически полное отсутствие оценочных суждений автора. В предисловии к беловому машинописному варианту дневников Симонов отмечал,

Москва
1941 г.

Жители города у репродуктора во время сообщения о нападении гитлеровской Германии на Советский Союз

Фото Е. Халдея/ТАСС
Москва, июнь 1941 г.

О. Берггольц

Вс. Вишневский

что они «были продиктованы в марте—апреле 1942 года» и невольно несли отпечаток событий, происходивших в конце 1941 — начале 1942 года¹⁹. Тем не менее нам важна его оценка, пусть и прошедшая через «внутреннего» редактора и советскую цензуру.

Так же важен анализ происходившего, и даже умолчания, нашедшие отражение в книге воспоминаний И. Эренбурга «Люди, годы, жизнь», опубликованной в 1960-е годы и подвергшейся критике и цензурным исправлениям при подготовке к изданию. Хотя И. Эренбург и сопротивлялся всячески подобному нажиму и даже грозился устроить «международный скандал». В. Лакшин приводит в подтверждение сказанного выдержки из дневника цензора В.С. Голованова²⁰. В воспоминаниях И. Эренбурга мы почти ничего не найдём о событиях первых дней войны — лишь констатация факта стремительного отступления войск Красной армии. И всё же сквозь текст иногда прорываются эмоции автора, которым в те дни «порой... овладевало отчаяние»²¹. Впрочем, это и понятно, поскольку в начальный период войны автор ярких памфлетов не мог говорить обо всех трудностях, а, напротив, должен был заряжать энергией бойцов и командиров на передовой, вселять надежду на победу. И он, конечно, не мог не упомянуть о пресловутой стратегии войны на чужой территории, которая активно пропагандировалась в предвоенные годы. Правда, он старался не высказывать прямо свою оценку ошибочной военной теории, приведшей к тяжёлым последствиям, особенно в первые месяцы войны.

Если говорить о публицистике и военных корреспонденциях литераторов в первые дни и недели, то нужно отметить несколько важных характерных особенностей. Первое — это отсутствие военных корреспонденций с фронта, подготовленных литераторами и журналиста-

ми, что, вероятно, было вызвано неразберихой начального периода войны. Репортажи в «Правду», «Красную звезду» и другие центральные газеты писали в основном командиры и политработники из действующей армии, и лишь позже там оказались писатели. Во-вторых, в самые первые дни основной тон газетных статей и заметок задавали яркие публицистические выступления литераторов, публиковались научные статьи на исторические темы. Уже 24 июня в «Красной звезде» было опубликовано ставшее почти сразу широко известным каждому советскому человеку стихотворение «Священная война» В. Лебедева-Кумача, вскоре воплотившееся в одноимённую песню. Особенно важной была роль И. Эренбурга, который активно включился в пропагандистскую работу, практически ежедневно публикуя небольшие хлёсткие политические памфлеты на актуальные темы. В 1941 году отдельными изданиями выходили его ранее опубликованные в центральной печати острые политические зарисовки. Особенно важной была его деятельность в международном плане — подготовка статей и материалов для опубликования в европейской и американской прессе. Данный вопрос настолько обширен, что требует более детального разбора в отдельной научной статье или даже книге. В-третьих, в подавляющем числе публикаций затрагивались вопросы морального превосходства и идейной правоты общенародной борьбы против немецких захватчиков. В них не высказывалось никаких сомнений относительно будущей победы над вероломным врагом, вторгшимся на территорию СССР. Активно свои стихи печатал поэт С. Кирсанов. Отметились публицистическими статьями А. Толстой и П. Павленко²². Однако все эти писатели не выезжали на фронт, но выполняли важную идеологическую задачу — укрепляли веру бойцов и командиров, всех со-

К. Симонов

А. Ахматова
Ташкент, 1942 г.

В. Гроссман

А. Фадеев

В атаку

Газета «Красная звезда» (1 ноября 1941 г.)

ветских людей в нашу скорую победу.

События лета—осени 1941 года получили оценку в дневниках и письмах литераторов. Довольно точно, как нам кажется, они охарактеризованы в дневнике О. Берггольц: «...Сил нет, устала смертельно. Устаёшь, конечно, от тянущего сердце страха». И дальше она пишет без какого-либо пафоса о том, что должна, несмотря ни на что, «поддержать испуганных людей... должна стараться вызвать у них улыбку или подъём духа»²³. Были и отдельные писатели, малодушно посчитавшие войну уже проигранной и думавшие лишь о собственной безопасности и благополучии.

Довольно подробно на этой теме останавливается в своих дневниковых заметках А. Первенцев. Он пишет, что некоторые из литераторов (идёт перечисление фамилий) бегут из Москвы, другие под любым предлогом пытаются всячески избежать отправки на фронт. Говорит он и о А. Фадееве, являвшемся на тот момент руководителем Союза писателей, фактически самоустранившемся от решения насущных проблем вверенного ему союза и самих писателей. И чуть ниже замечает, что «успехи, ордена, слава, ковры, дачи, лимузины — остались дешёвыми аксессуарами мирного времени»²⁴.

Война до предела обострила чувства людей, показала их истинную, а не напускную сущность и моральные качества. Наглядно это продемонстрировала эвакуация писателей из Москвы в конце лета — начале осени 1941 года. Для большинства она стала, по их собственному выражению, «добровольной ссылкой», изгнанием. Тем не менее многие из них искренне верили в стойкость и мужество наших воинов. Об этом писала чуть позже и А. Ахматова: «Мы знаем, что ныне лежит на весах,/ И что совершается ныне./ Час мужества пробил на наших часах,/ И мужество нас не покинет»²⁵.

Особую остроту эвакуационные настроения приобрели в сентябре—октябре (пик пришёлся на середину октября). Многие из писателей осознали реальность того, что Москва может быть захвачена немцами. Вот что об этом периоде писала М. Белкина: «Весь день провела в Союзе в очереди за билетами, оформляла эвакуационные документы, а ночью жгла письма. Их был целый мешок, писем писателей к Тарасенкову»²⁶. И потом — долгое и утомительное путешествие в Ташкент, во время которого писателям и деятелям искусства пришлось столкнуться с рядом трудностей бытового характера.

На фронте в тот же период конца лета — начала осени складывалась сложная обстановка, и нам важно понять, как оценивали её литераторы, призванные в действующую армию, в своих записках, дневниках и письмах — с одной стороны, в газетных публикациях — с другой. Стоит отметить несколько важных отличий их высказываний от тональности документов личного происхождения «тыловых» литераторов. Здесь меньше внимания уделено описанию бытовой стороны жизни, обсуждению слухов и сплетен, выяснению отношений и сведению каких-то давних счетов и прочей окололитературной суесть. Несмотря на невероятные сложности и весь ад начального периода войны, в дневниках и письмах фронтовых литераторов нет растерянности и панических настроений, неверия в собственные силы, а есть непреодолимое желание во что бы то ни стало победить вероломно напавшего на страну врага. Они, как правило, лаконичны и предельно конкретны, их эмоциональная окраска менее выражена, чем у «тыловиков».

Одним из характерных примеров военных дневников начала войны могут служить записки писателя и специального корреспондента «Правды» Вс. Вишневского. Он практически с первых дней войны на-

ходился на Балтийском флоте вместе с А. Тарасенковым и Л. Соболевым. Стиль его строг и деловит: сообщает сведения о текущем положении дел, сложившемся на северо-западном направлении, в районе Нарвы и Кингисеппа. Представляется важным отметить его высказывание о том, что он «не ощущает боли от потери городов, территории, суть дела в ином — в конечном итоге сложной борьбы. В выигрыше времени, в развёртывании резервов»²⁷. В июле 1941 года Вс. Вишневский находится в Таллине и непосредственно наблюдает за происходящими на Балтике событиями: стремительным наступлением немцев на эстонском направлении, бомбардировками аэродромов и т.п. Касается он и бытовых моментов, сообщает подробности о продовольственном снабжении²⁸.

Более драматично в то время складывалась ситуация на западном направлении, в районе Дорогобужа, где в действующей армии находился К. Симонов. Опасность подстерегала буквально везде. В «Разных днях войны» мы можем прочесть рассказ о его «пленении» вместе с другими журналистами, принятыми за диверсантов. Таких острых моментов было довольно много в биографии К. Симонова в начальный период войны²⁹. Он пишет о неразберихе в первые её недели и неприхотливом быте военного корреспондента: «Мы чего-то пожевали, кажется, сухарей. А пить — устали так, что за водой даже не пошли. Я уже в темноте улёгся у колёс грузовика... Было чувство усталости и полного недоумения перед всем, что кругом делается». Он довольно плохо тогда себе представлял положение на фронте и своё место там, «был наивен, как мальчишка»³⁰.

Посмотрим теперь, как события июля—августа отразились в военных корреспонденциях Вс. Вишневского и К. Симонова. В «Правде» появляются корреспонденции Вс. Вишневского с Балтики. Здесь в отличие от

дневников отсутствуют личные переживания автора, на первый план выходят героизм и мужество защитников Балтики: «Охотники ринулись в борьбу в первую же ночь. Когда радио оповестило о начале войны, от одного к одному передавалась весть: “нападение, атаковать противника!”» Об этом он продолжает разговор и в своей заметке «С винтовками наперевес»³¹.

В той же тональности написаны и корреспонденции К. Симонова, ставшего к концу лета собственным корреспондентом «Красной звезды» в оборонявшейся Одессе. В тексте заметки «На защиту родной Одессы» ощущаются его уверенность, оптимизм. Автор рассказывает об усилиях защитников города, соорудивших оборонительные укрепления, строивших бронепоезда и отражавших налёты вражеской авиации. Но главное, что отмечает К. Симонов, — это моральное превосходство защитников города: «...Что касается морального воздействия, то гнев людей, защищающих Одессу, только усилился»³². Конечно, в материале ничего не было сказано о тех трудностях, которые испытывали оборонявшиеся войска, о нехватке буквально всего (людей, вооружения и т.д.), проблеме со снабжением города питьевой водой, особенно остро ощущавшейся тем жарким летом.

Необходимо сказать и о фронтовых записках В. Гроссмана. В них он фиксирует важные для литератора и корреспондента подробности фронтовой жизни: бытовые условия командиров и солдат, их настроения и т.д. Его в первую очередь интересует не общая картина, а конкретная судьба солдата. И даже описывая боевые эпизоды, он точен в их воспроизведении: случай с поимкой немцев с использованием курицы или рассказ подполковника, спасшего трёхлетнего малыша, которого он «вынес... через сотни вёрст болот, лесов». Приводит В. Гроссман и отдельные факты

трусости среди солдат³³. Данные его рабочие записи относятся к августу—сентябрю 1941 года. При этом он не забывает писать очень нежные письма своему отцу, который оказался в эвакуации в Ташкенте, постоянно справляясь о его здоровье и материальном положении³⁴.

А вот как эти события представлены в его корреспонденциях, опубликованных в «Красной звезде». Они во многом, в т.ч. и по отражённому в них фактическому материалу, по интонации близки к его запискам. В статье «Герой Советского Союза Каменьщиков» он не ставит перед собой сверхзадач, а обстоятельно и неторопливо рассказывает о судьбе «настоящего человека». Схожую цель В. Гроссман ставит перед собой и в корреспонденции «В блиндажах врага»³⁵.

К тому же периоду (конец августа 1941 г.) относятся записи из фронтового блокнота А. Фадеева. В них он довольно подробно фиксирует будничную жизнь красноармейцев, мирного населения: «...старуха с материнским выражением в глазах стоит одна в сумерках... смотрит на проезжающих в грузовиках красноармейцев» или «...деревенские мальчишки, дружащие с красноармейцами и “стреляющие” у них махорку и папиросы». Пишет он и о большой смекалке пехоты, её умении проводить скрытную ночную разведку³⁶.

Собранный А. Фадеевым документальный материал трансформируется в газетную статью. В самом начале «Артиллерийской подготовки» говорится о том, что «части Красной Армии на одном из участков Западного направления в упорных боях продолжают теснить врага». Действительно, в конце августа

наши войска в ходе Смоленского сражения нанесли контрудар по 2-й танковой группе немцев, а потом войска Резервного и Брянского фронтов перешли в наступление в ходе Ельнинской операции. В тексте статьи «Артиллерийская подготовка» делается упор на бесстрашие бойцов, не ведающих сомнений: «...Налаживая связь, тов. Хлудов попал под огонь фашистских миномётов, был оглушён и ранен, но стойкий боец перевязал раны и продолжал работать до тех пор, пока не привёл в порядок повреждённый кабель»³⁷.

В «Разных днях войны» К. Симонова не столь значительное место уделяется бытовой стороне жизни писателя на войне и в тылу. Он на короткое время приезжает из Архангельска в Москву, ожидая следующего редакционного задания, встречается с ответственным редактором «Красной звезды» Д. Ортенбергом. Симонов уверен в том, что Москва не будет сдана: «Было ощущение сжавшейся до предела стальной пружины, которая уже дальше сжиматься не может, а может только разжаться и ударить. В эти дни, когда люди, чем дальше они были от Москвы, тем больше тревожились за её судьбу, в самой Москве было спокойно и уверенно. Пробыв в ней всего час, я уже почувствовал, что её действительно никогда не отдадут»³⁸. А уже позднее, когда в начале декабря началось контрнаступление под Москвой, К. Симонов посвятил ему свои заметки, отбрасывая в сторону все личные и бытовые подробности жизни.

В то же время он публикует в «Красной звезде» ряд заметок и, как он её сам называл, фронтовую

поэму «Сын артиллериста». Она во многом созвучна его воспоминаниям о том периоде войны. В ней автор говорит не только о преемственности поколений и подвигах, но и о сугубо личном, интимном, несмотря на все ужасы войны³⁹.

Изучив поставленную проблему с привлечением значительного количества источников, в т.ч. архивных материалов, можно сделать следующие выводы. Дневники, письма и мемуарная литература ближе и лучше раскрывают внутренний мир человека, делают картину происходившего более объёмной и максимально приближенной к действительности. Особенно это касается опубликованных в постсоветское время дневников и воспоминаний, не прошедших через горнило цензуры. В литературных произведениях, особенно в публицистике военной поры, их создателям приходилось зачастую пропускать свои работы через «внутреннего редактора», тем самым обедняя и упрощая картину происходивших событий. Исключением здесь следует признать фронтовые корреспонденции В. Гроссмана (из тех авторов, что упомянуты в статье) — прозаические, не поддавшиеся общему пафосу воспевания военных успехов, писавшихся с болью о той сложной борьбе, которую вёл советский народ, особенно в начальный период войны. При этом надо отметить важное значение для патристического воспитания молодежи и других произведений. Это стихи и выступления О. Берггольц, яркие памфлеты И. Эренбурга, фронтовые корреспонденции находившихся в то время в действующей армии К. Симонова и Вс. Вишневского.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Жуков И.И. Фадеев. М.: Молодая гвардия, 1989; Хелемендик В.С. Всеволод Вишневский. М.: Молодая гвардия, 1983.

² Капица П. В море погасли огни: блокнотные дневники. М.: Советский писатель, 1974; Багрицкий В.Э. Дневники, письма, стихи. М.: Советский писатель, 1964.

³ Гроссман В. Из записных книжек военных лет. 1941—1942 гг. (публикация О.М. Губер) // Советские писатели на фронтах Великой Отечественной

войны в 2 кн. (Серия: Литературное наследство. Т. 78). Кн. 2. М.: Наука, 1966. С. 158—179.

⁴ Тарасенков А. Из военных записей. Таллин — Ленинград, 1941—1942 // Предисловие М.И. Белкиной // Там же. С. 7—29.

⁵ Вишневский В. Письма из Таллина и Ленинграда. Письма к С.К. Вишневецкой, 1941 г. (публикация В.Ф. Суворова) // Там же. С. 194—243.

⁶ Соболев Л. Из записных книжек. Одесса. Сентябрь—октябрь 1941 г. / Предисловие В.С. Сурганова (публикация В.С. Сурганова) // Там же. С. 45—67.

⁷ Симонов К.М. Разные дни войны. Т. 1. 1941 год. М.: Известия, 1981. 528 с.

⁸ Долматовский Е.А. Очевидец: книга документальных рассказов о жизни автора и его современников в XX веке, в советское время. Н. Новгород: Деком, 2014.

⁹ Симонов К.М. Истории тяжёлая вода: книга воспоминаний. М.: Прозаик, 2015.

¹⁰ Наумова И.Ю. Советские писатели на войне // «Прошли в огне солдаты русские, Отчизну славы и народ» (к 65-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне): сборник статей. Липецк, 2010. С. 75—96.

¹¹ Шошин В.А. Писатели-корреспонденты на фронтах Великой Отечественной войны. СПб.: Наука, 2006.

¹² Абсаямова А.Б. Новые страницы фронтового и творческого пути писателей ТАССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2016. № 4. С. 83—86; Антипин В.А. Повседневная жизнь советских писателей. 1930—1950-е годы. М.: Молодая гвардия, 2005; Бит-Юнан Ю.Г., Фельдман Д.М. Василий Гроссман в зеркале литературных интриг. М.: Форум; Неолит, 2016; Гареев М.И. Константин Симонов как военный писатель: история Великой Отечественной войны в творчестве Симонова и её современные толкования. М.: Инсан, 2006; Кузьмина В.М.

Писатели и артисты Центрального Черноземья на фронтах Великой Отечественной войны // Научный руководитель. 2015. № 2(9). С. 16—28; Солоненко В.К. Книга о войне К. Симонова и художника В. Медведева (к 100-летию со дня рождения писателя) // Книжная культура = Book culture: опыт прошлого и проблемы современности: к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Материалы VI Международной научной конференции. М.: Наука, 2015. С. 271—279; Сузи Д. Творчество писателя-фронтовика Виталия Закруткина и судьба женщины-матери на войне // Война и мир в Отечественной и мировой истории. Материалы Международной научной конференции в 2 т. Т. 2. СПб., 2020. С. 994—998.

¹³ Clark K. Ehrenburg and Grossman. Two Cosmopolitan Jewish Writers Reflect on Nazi Germany at War // Slavica Publishers. Vol. 10. № 3. Summer 2009. P. 607—628.

¹⁴ Gradinaru O. World War II in Soviet Prose — An Overview // Philobiblon. Vol. 26. № 2. P. 227—242; Gradinaru O. The Child Character and the Positive Hero in the Soviet Prose of the Second World War // Caietele Echinox. 2010. № 19. P. 282—290; Gradinaru O. The Soviet Hero-Making Process. Aspects of the Soviet Heroism // BRUKENTHALIA. Romanian Cultural History Review Supplement of Brukenthal. Acta Musei. 2013. № 3.

¹⁵ Ikonen S. Stalinism, War, And Artistic Representation of reality: Konstantin Simonovs Critique of the «System of Silence» in 1956 // Stalin Era Intellectuals culture and stalinism. Vesa Oittinen & Elina Viljanen (red.) Abingdon: Routledge, 2023.

¹⁶ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2083; Ф. 1710. Оп. 3. Д. 43; Д. 70; Ф. 1628. Оп. 1. Д. 415; Ф. 1814. Оп. 4. Д. 1.

¹⁷ Берггольц О.Ф. Мой дневник. Т. 3: 1941—1971. М.: Кучково поле; Музеон, 2020. С. 33.

¹⁸ Первенцев А. Дневники. 1941—1945. М.: Вече, 2011. С. 29, 30.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1814. Оп. 4. Д. 1. Л. 3.

²⁰ Лакшин В.Я. «Новый мир» во времена Хрущёва: дневник и попутное (1953—1964). М.: Книжная палата, 1991. С. 101.

²¹ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Кн. 4, 5. М.: Текст, 2005. С. 284.

²² Кирсанов С. Насчет подсчёта // Красная звезда. 1941. 1 июля. С. 3; он же. Богатыри // там же. 3 июля. С. 3; он же. Неисчислимы наши силы // там же. 6 июля. С. 3; Павленко П. Изверги и людоеды // там же. 8 июля. С. 3; Толстой А. Армия героев // там же. 9 июля. С. 3.

²³ Берггольц О.Ф. Указ. соч. С. 34.

²⁴ Первенцев А. Дневники. С. 41, 43, 49.

²⁵ Ахматова А. Избранное. Стихи. Ташкент, 1943. С. 5.

²⁶ Громова Н.А. Все в чужое глядят окно. М.: Коллекция совершенно секретно, 2002. С. 15.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2083. Л. 7.

²⁸ Там же. Л. 8.

²⁹ Симонов К.М. Разные дни войны. Т. 1. С. 200—203.

³⁰ Там же. С. 7—9, 12.

³¹ Вишневский В. Морские охотники // Правда. 1941. 11 июля. С. 2; он же. С винтовками наперевес // Там же. 8 августа. С. 2.

³² Симонов К. На защиту родной Одессы // Красная звезда. 1941. 30 августа. С. 3.

³³ РГАЛИ. Ф. 1710. Оп. 3. Д. 43. Л. 3 об., 4 об.

³⁴ Там же. Д. 70. Л. 16—18 об.

³⁵ Гроссман В. Герой Советского Союза Каменьщиков // Красная звезда. 1941. 17 августа. С. 3; он же. В блиндажах врага // там же. 14 сентября. С. 3.

³⁶ РГАЛИ. Ф. 1628. Оп. 1. Д. 415. Л. 5—6, 12.

³⁷ Фадеев А. Артиллерийская подготовка // Правда. 1941. 31 августа. С. 2.

³⁸ Симонов К.М. Разные дни войны. Т. 1. С. 481.

³⁹ Он же. Сын артиллериста (фронтная поэма) // Красная звезда. 1941. 7 декабря. С. 3.

Ye.Yu. Kolobov

«THE HOUR OF COURAGE HAS COME, AND WE WILL NEVER FALTER»

Soviet writers in the first months of the war at the front and in the rear

Information about author. Yevgeny Kolobov — assistant professor at the V.V. Zhirinovskiy University of World Civilizations, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: kabaka@yandex.ru).

Summary. The paper methodically examines various aspects of Soviet writers' activity during the initial months of the Great Patriotic War. This analysis is supported by a comprehensive collection of documentary material, including cases from the Russian State Archive of Literature and Art, as well as feature materials and literary works. The study encompasses a range of topics, such as work as war correspondents at the front, literary and journalistic work, and everyday life. The author analyzed the creative heritage of the most famous writers of that time, among them K. Simonov, V. Grossman, Vs. Vishnevskiy, A. Fadeyev, O. Berggolts, A. Akhmatova, I. Erenburg, and others. The main research task is to identify the differences and similarities in the assessments of the events that took place at that time in documents of personal origin (diaries, letters, memoirs), journalistic and literary works that tell about the initial period of the war.

Keywords: writers; Writers' Union; front; life; diaries; Leningrad; RГАЛИ (Russian State Archive of Literature and Art); Pravda; Krasnaya Zvezda; Konstantin Simonov; Vasily Grossman; Vsevolod Vishnevskiy; Olga Berggolts; Anna Akhmatova; Ilya Erenburg.

«МЫ СОСРЕДОТОЧИЛИ ОСОБЫЕ УСИЛИЯ ИМЕННО НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПОДВОДНОГО ФЛОТА»

Строительство подлодок в СССР по программе
военно-морского судостроения на 1933—1938 гг.

Сведения об авторе. Морозов Мирослав Эдуардович — старший научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН, полковник запаса, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: red-sub@mail.ru).

Аннотация. В статье освещены результаты анализа реализации задач программы военно-морского судостроения на 1933—1938 гг. по подводным лодкам (ПЛ), раскрыты причины невыполнения планов их строительства, приведены обобщённые статистические сведения из директивных и отчётных документов. Исследование показало, что наращиванию советских подводных сил препятствовали ограниченные возможности отечественной промышленности, экономики в целом, а также недостатки в планировании, управлении, организации и обеспечении судостроительного производства. Хотя задания программы 1933—1938 гг. по подлодкам были выполнены менее чем наполовину, результаты её реализации, представленные в статье, стали трудовой победой советских корабелов, многократно усилили отечественные подводные силы и укрепили оборону нашей страны на морских театрах военных действий к началу Второй мировой войны.

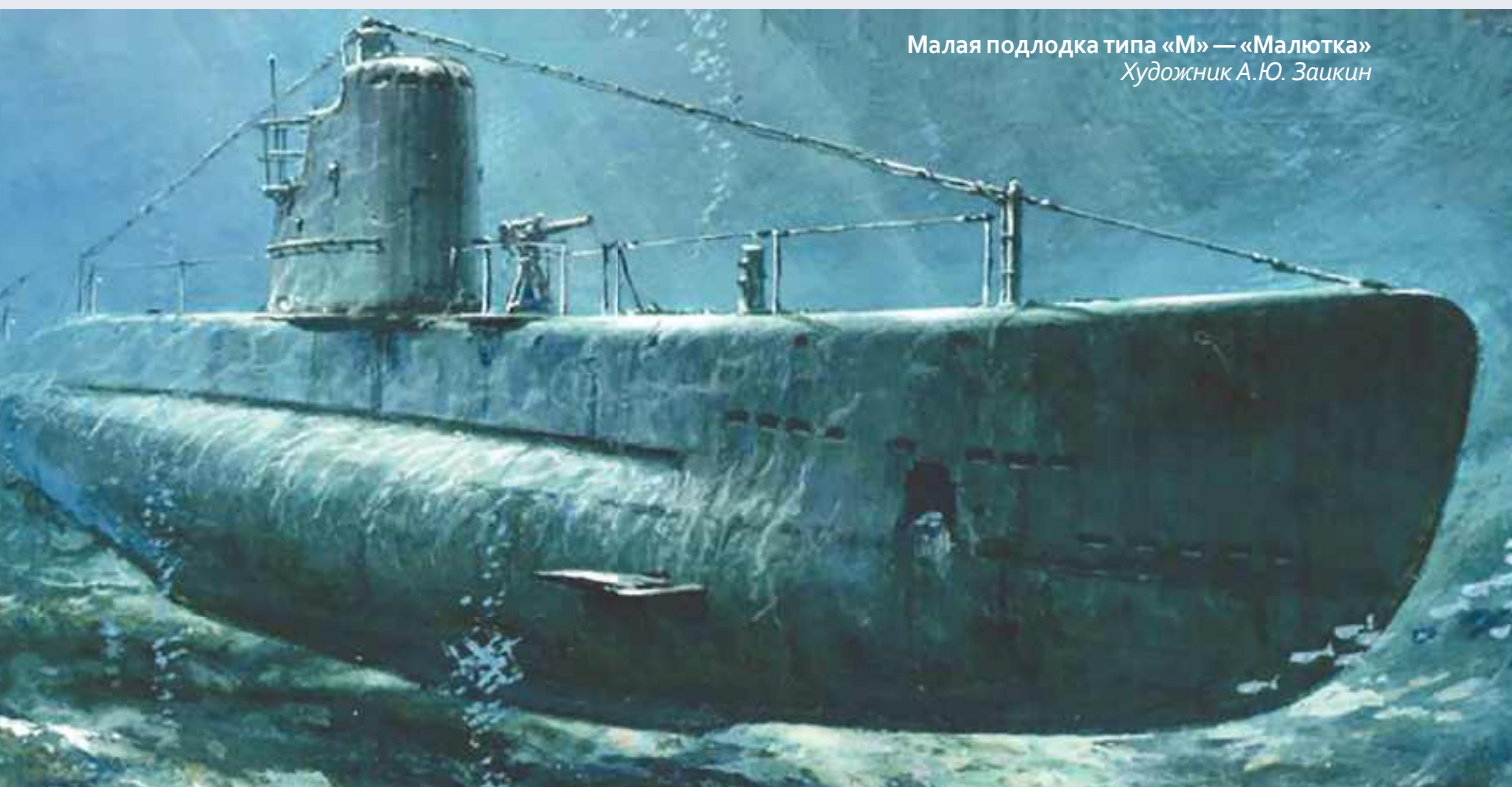
Ключевые слова: Советский Союз; Рабоче-крестьянский Красный флот; Военно-морские силы РККА; Военно-морской флот СССР; подводные силы; программа военно-морского судостроения на 1933—1938 гг.; задачи и годовые планы строительства советских подлодок; исторический опыт и уроки отечественного военного кораблестроения.

Актуальность опыта строительства советских подлодок в межвоенный период обусловлена не только его патриотическим, воспитатель-

ным потенциалом, но и уроками планирования и организации производства. Их изучение способно уберечь от повторения прежних просчётов и стать под-

спорьем в поиске путей решения современных проблем.

Строительство советских подлодок в 1930-е годы широко освещено в отечественной

Малая подлодка типа «М» — «Малютка»
Художник А.Ю. Заикин

историографии¹. Но в прошлую эпоху исследователи концентрировали внимание лишь на достижениях. Например: «Если в годы первой пятилетки судостроительная промышленность дала Рабоче-Крестьянскому Красному Флоту всего 6 подводных лодок, то во второй пятилетке вступили в строй 137 подводных лодок, т.е. в 23 раза больше. Общая численность находившихся в строю подводных лодок возросла в межвоенный период в 20 раз, их суммарное водоизмещение увеличилось в 18 раз... К началу Второй мировой войны советский подводный флот значительно превосходил подводные силы любого из капиталистических государств. Накануне Великой Отечественной войны в строю насчитывалось 211 подводных лодок, из них 200 — советской постройки... Создание в кратчайшие исторические сроки мощного подводного флота явилось непревзойдённым трудовым подвигом...»². Этот вывод бесспорен, но неполон. Наряду с достижениями, как свидетельствуют архивные документы, часть из которых опубликована³, в строительстве нашего подводного флота были серьёзные трудности и недостатки. В данной статье представлены результаты анализа проблем реализации задач

программы военно-морского судостроения на 1933—1938 гг. по сдаче флоту подлодок.

Её утверждению 11 июля 1933 года постановлением Совета труда и обороны (СТО) № 58сс/о⁴ предшествовал разработанный в Управлении Военно-морских сил (УВМС) РККА документ «Основные соображения по развитию ВМС РККА на вторую пятилетку (1933—1937 гг.)». В нём начальник ВМС РККА В.М. Орлов отразил позицию командования Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ): «Основой программы строительства подводного флота должны остаться подводные лодки среднего тоннажа (600—750 т). Одновременно необходимо развернуть в известных пределах постройку больших подлодок (900—1000 т) для эскадренного их использования (совместно с надводным флотом), для действий в значительном удалении от своих берегов, для операций на морских путях сообщения противника. В отношении малых подлодок (150 т), имеющих назначением непосредственную оборону наших баз, следует ограничиться принятым уже количеством (30)»⁵.

Показатели, предложенные УВМС, изменили в Наркомате тяжёлой промышленности (НКТП) и Правительстве СССР. Так как ввод в строй нужного количества больших и средних

субмарин ожидали не раньше конца 1936 года, Реввоенсовет СССР предложил продолжить строить малые подлодки для всех морских театров военных действий (МТВД), кроме Севера. Это решение было на руку кораблестроителям и невыгодно военным морякам, так как малые подлодки обладали скромными боевыми возможностями и обитаемостью на грани неудовлетворительной. Незначительно изменили и предложенное количество больших и средних подлодок. В итоге утвердили программу, включавшую постройку 369 подлодок (с учётом ввода в строй запланированных предыдущей программой, но недостроенных), в т.ч. 69 больших, 200 средних и 100 малых⁶ (табл. 1). Они должны были не только заменить старые подлодки, но и обеспечить советским подводным силам способность решать весь спектр присущих им боевых задач и сделать формирования субмарин основой группировок РККФ на каждом МТВД.

Выполнение столь масштабной программы было невыполнимо без кардинальных мер — сворачивания гражданского судостроения, реконструкции старых и строительства новых судостроительных заводов, на что в первые два года реали-

Таблица 1

Намеченное программой военно-морского судостроения на 1933—1938 гг. распределение подлодок по МТВД

Подклассы ПЛ	Балтийское море	Чёрное море	Север	Дальний Восток	Всего в РККФ	В т.ч. постройки 1933—1938 гг.
Большие	6*	27	31	12	76*	69
Средние	43	55	18	84	200	200
Малые	30	20	—	50	100	100
Всего	79	102	49	146	376	369

Составлена по: Постановление СТО СССР № 58сс/о «О программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг.». 11 июля 1933 г. // Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 2. Л. 13—25. Цит. по: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР 1900—1963 в 5 т. Т. 3. Ч. 2. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933—1937). М.: Терра, 2011. С. 131—135. URL: <https://istmat.org/node/48304>.

* В т.ч. трофейная «Л-55», бывшая британская, затонувшая в 1919 г. в результате подрыва на mine, поднятая и восстановленная.

зации программы выделили до 200 млн рублей⁷. К выполнению программы привлекли заводы в центре европейской части страны. «Красное Сормово» (в Горьком, ныне Нижний Новгород) должен был специализироваться на постройке подлодок, мониторов и канонерских лодок. Главную базу дизелестроения Коломенский машиностроительный завод наряду с основным назначением планировали загрузить постройкой средних ПЛ для Дальнего Востока⁸. Закладка трёх субмарин типа «Щука» состоялась на этом заводе в ноябре—декабре 1934 года. Через 16 месяцев, 7 мая 1936 года, в связи с крайне низкими темпами строительства (готовность «Щук» составила 20, 19 и 12 проц.) их достройку поручили заводу «Красное Сормово»⁹. Все три вошли в состав Балтийского флота лишь в декабре 1937 года.

План сдачи подлодок в 1933 году выполнили на 41 проц., в

В.М. Орлов

1934-м — на 78 проц. (за 2 года на 61,8 проц.). Но начальник Главного управления морской судостроительной промышленности (Главморпрома) НКТП

СССР Р.А. Муклевич 23 января 1935 года в докладной записке наркому тяжёлой промышленности С. Орджоникидзе сообщил, что в целом строительство кораблей идёт в соответствии с плановыми показателями на 1933—1935 гг., отставание по отдельным из них будет устранено ударной работой в 1935-м¹⁰. Но по подлодкам отставание не устранили.

СТО постановлениями об утверждении годовых заказов военного ведомства уменьшал первоначально установленное программой военно-морского судостроения количество ежегодно закладывавшихся и вводившихся в строй кораблей, не изменяя конечные программные показатели. Разницу между первоначальными и уменьшенными заданиями, по сути, переносили на следующие годы, в которые задания на ввод ПЛ превышали возможности их выполнения. Так, в окончательно утверждённое 11 марта 1935 года годовое задание на сдачу кораблей включили 63 подлодки¹¹, а сдали лишь 29 (47,5 проц. плана)¹². Сообщив об этом 23 января 1936 года в предварительном отчёте Главморпрома о выполнении программы военно-морского судостроения в 1935 году, Муклевич констатировал: «С введением в строй подлодок программы текущего года мы вышли на первое место в мире по количеству судов этого типа»¹³. Данные отчёта о количестве подлодок во флотах ряда держав, дополненные их числом во флоте Германии, представлены диаграммой 1. Количество субмарин, введённых в строй в 1933—1935 гг., свидетельствовало о прогрессе отрасли, но было значительно меньше предписанных программой военно-морского судостроения. Для преодоления отставания и решения проблем отрасли руководство СССР создало специальную комиссию по судостроению под руководством заместителя председателя Совнаркома СССР В.И. Межлаука¹⁴.

Диаграмма 1

Количество подлодок флотов ведущих стран мира в 1935 г.

Составлена по: Из предварительного отчёта Главного управления морской судостроительной промышленности НКТП СССР о результатах работы по выполнению программы военно-морского судостроения в 1935 г. 23 января 1936 г. // Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 46. Д. 549. Л. 2—23. Цит. по: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР 1900—1963 в 5 т. Т. 3. Ч. 2. С. 470—480. URL: <https://istmat.org/node/48578>; Дёниц К. Немецкие подводные лодки во Второй мировой войне. СПб.: Полигон; АСТ, 2000. С. 49; Военно-морской флот // Военная энциклопедия в 8 т. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 171.

* Подлодки, достигшие предельных сроков эксплуатации, в отчёте Главморпрома от 23 января 1936 г. названы: «Достигшие предельного возраста».

** США в указанном отчёте Главморпрома названы САСШ — Северо-Американские Соединённые Штаты, как их именовали в нашей стране до середины прошлого века.

*** С учётом находившихся в постройке.

21 ноября 1935 года комиссия В.И. Межлаука постановила внести изменения в программу военно-морского судостроения. В том числе с учётом закладки субмарин новых типов «считать возможным ограничить количество больших подводных лодок, вступающих до 1938 г. 34 единицами вместо 47 по плану СТО (программе на 1933—1938 гг. — **Прим. авт.**) от 11 июля 1933 г. ... вместо остающихся по плану 122 средних подводок ограничить сдачу до 1938 г. 90 средних подводок»¹⁵.

15 февраля 1936 года в докладной записке в ЦК ВКП(б) В.И. Межлаук сообщил о значительном отставании «в строительстве кораблей от установленного плана»¹⁶. Постановлениями СТО запланировали сдать в 1933—1935 гг. 152 подводки, а сдали 84 (табл. 2). За оставшиеся 3 года (1936—1938 гг.) для выполнения заданий программы военного судостроения по подводкам, установленных в 1933 году, требовалось ввести в строй ещё 285 субмарин; заданий, уменьшенных решением комиссии В.И. Межлаука от 21 ноября 1935-го, — 247, что было невозможно. Поэтому при подготовке проекта постановления о плане судостроения на 1936 год комиссия Межлаука предложила с учётом постройки подводок новых больших типа «КЭ-9» (позже назван «К») вместо типа «Ленинец» и средних типа «Н» (позже переименован в «С») вместо «Щук» уменьшить годовое задание на сдачу подводок на 32 большие и средние субмарины, до 56 (16 + 40). В сумме с десятью малыми ПЛ заводы должны были сдать за год 66 подводок¹⁷. При этом не учли указанные 23 января 1936 года в предварительном отчёте Главморпрома большие трудности в обеспечении дизелями, технические проблемы в постройке подводок типа «Н», невыполнение плана закладки субмарин из-за поздних и некомплектных поступлений металла¹⁸ и др.

В.И. Межлаук

Показатели по сдаче подводок, предложенные комиссией Межлаука, в ходе уточнений и согласований уменьшили в 1,5 раза, и 27 апреля СТО постановлением № ОК-95 «О программе морского судостроения на 1936 г.»¹⁹ запланировал ввод в строй до конца года 44 подводок. А сдали 46. Из них 30 — так называемый недодел предыдущего периода²⁰.

В целом на первом этапе реализации программы во-

енно-морского судостроения в 1933—1936 гг. планы по подводкам выполнили примерно на две трети, сдали флоту на 66 субмарин меньше, чем планировали (табл. 2).

Тем не менее начальник ВМС РККА флагман флота 1 ранга В.М. Орлов в выступлении на Военном совете РККА 15 октября 1936 года не скрывал оптимизма: «Главные достижения морских сил Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Прежде всего, касаюсь подводного флота потому, что мы сосредоточили особые усилия именно на строительстве подводного флота в соответствии с решениями партии и правительства, и в связи с тем, что наш подводный флот уже сейчас представляет крупную боевую силу. Если взять количественный состав нашего подводного флота на 1-е октября тек[ущего] года, то по количеству подводных лодок мы уже перегнали все без исключения государства, в том числе и Северно-Американские Соединённые Штаты, Англию, Японию, Францию и Италию. По суммарному тоннажу подводок мы обогнали Италию, которая имеет большой подводный флот, обгоняем в ближайшее время Англию и к концу этого года близко подойдём к

Таблица 2

Сдача подводок флоту в 1933—1936 гг. по годовым планам первого этапа выполнения программы военно-морского судостроения

Годы	1933	1934	1935	1936	Всего
План	39	50	63	44	196
Сданы	16	39	29	46	130
Выполнение (проц.)	41	78	46	105	66,3

Составлена по: Постановление СТО СССР № 58 от 11 июля 1933 г. «О программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг.»; Постановление СТО СССР № 119 от 28 ноября 1933 г. «О плане заказов НКВМора на 1934 год по вооружению и боевой технике» // Там же. Д. 3. Л. 81; Постановление СТО СССР № К-200 от 29 декабря 1934 г. «О распределении по морям подводок и сторожевых кораблей по плану заказов НКО на 1935 год» // Там же. Д. 5. Л. 273; Постановление СТО СССР № С-24 от 11 марта 1935 г. «Об изменении плана заказов НКО по судостроению на 1935 г.» // Там же. Д. 6. Л. 53; Постановление СТО СССР № ОК-95 от 27 апреля 1936 г. «О программе морского судостроения на 1936 г.» // Там же. Д. 9. Л. 6; Дмитриев В.И. Советское подводное кораблестроение. М.: Воениздат, 1990. С. 241—255.

Северно-Американским Соединённым Штатам. Впереди нас по тоннажу подводного флота будут, следовательно, только две страны: Япония и Франция»²¹.

Летом 1936 года Правительство СССР приняло решения, вошедшие в историю как программа строительства «Большого флота». После её выполнения основой обороны нашей страны на море должен был стать линейный флот с крупнокалиберной артиллерией²². Это означало не прекращение массовой постройки субмарин, а некоторое снижение их удельного веса в новых судостроительных планах, объёмы которых неуклонно росли. Перспективы строительства подводных кораблей СТО определил двумя постановлениями. Первым — «О распределении боевых кораблей морских сил РККА по флотам» от 26 июня 1936 года — поставил задачу к 1 января 1944 года довести состав подводных сил РККФ до 90 больших, 164 средних и 90 малых подлодок²³. Всего 344, на 32 меньше и на 5 лет позже, чем первоначально требовалось по

программе 1933—1938 гг. Вторым — «О программе крупного морского судостроения» от 16 июля 1936 года — утвердил планы на 1937 и 1938 гг., включавшие наряду с прочим сдачу флоту 79 подводных кораблей, заложенных ранее, и закладку 90 новых²⁴.

Выполнение плана сдачи подлодок в 1937 году лишь на 20 проц. (7 из 35) стало худшим с начала их массового строительства. Из трёх новейших субмарин типа «К» и восьми типа «С» не сдали ни одной²⁵. Причиной, как доложили в июле 1937 года в Комитет обороны СССР²⁶ нарком оборонпрома М.Л. Рухимович и замнаркома обороны СССР, начальник ВМС РККА флагман флота 1 ранга В.М. Орлов, была техническая сложность изготовления новейших типов дизелей, чертежи которых приобрели у немецких фирм МАН и «Зульцер». Заводы — Коломенский машиностроительный и «Русский дизель» — не смогли обеспечить двигателями строительство новейших подлодок²⁷. Это заставило перенести их сдачу с 1937-го в план

1938 года. Приняли и другие меры. «Проект плана военного судостроения для Морских сил РККА на 1938 год, — отметил новый начальник ВМС РККА, сменивший на этом посту В.М. Орлова, флагман флота 1 ранга М.В. Викторов 19 октября 1937 года в объяснительной записке, — предусматривает... 3. Закладку подводных лодок типа “Ленинец” и “Щука”, что обеспечивает постройку лодок, уже налаженных производством в промышленности и освоенных личным составом МС РККА. Новая закладка в 1937 году подводных лодок типа “К” и “Сталинец” не предусматривается в связи с неготовностью для них образцов новых дизелей и аккумуляторных батарей»²⁸.

Из-за технологических трудностей руководство ВМС РККА было согласно вернуться к строительству подлодок по проектам начала 1930-х годов, поступиться качеством ради количества.

Из-за технических сложностей и нежелания сокращать число введённых в строй подлодок перенесли из плана 1938-го на

Большая подлодка типа «Л» — «Ленинец»
Художник М.А. Кузнецов

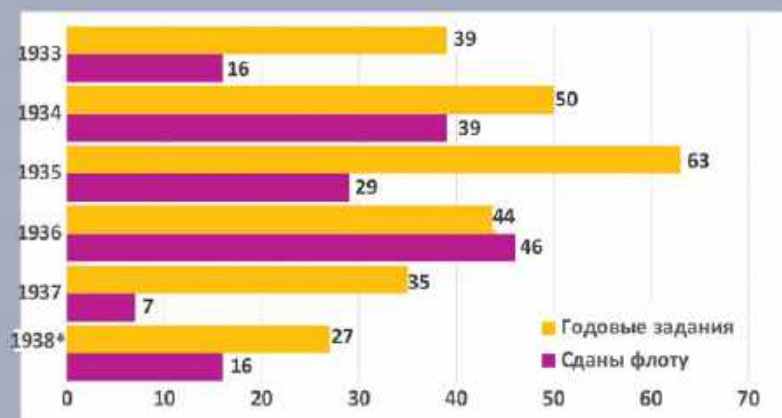
следующий год строительство малых подлодок с двухвальной энергетической установкой²⁹, но и в следующем году их строительство не начали³⁰. Первые новые «малютки» (XV серии) заложили в марте 1940 года и до начала Великой Отечественной войны сдать не успели.

Комитет обороны СССР 22 октября 1937 года постановлением № 162 «О плане военного судостроения для морских сил РККА в 1938 г.» уменьшил годовой план сдачи подлодок с 39 до 27³¹. Когда стало ясно, что и это не под силу отрасли, Комитет обороны 5 ноября 1938 года постановлением № 258 «О выполнении НКОП военно-морского заказа 1938 г.», указав, что «работа судостроительной промышленности продолжает оставаться весьма неудовлетворительной»³², утвердил план сдачи кораблей на IV квартал 1938 года. В их числе 10 подлодок³³. Но до конца года подписали приёмные акты лишь на 4³⁴, выполнив уменьшенный годовой план сдачи субмарин на 59,3 проц. (табл. 3).

Анализ строительства подлодок по программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг. привёл к следующим выводам.

Диаграмма 2

Годовые задания на сдачу флоту субмарин и результаты их выполнения в 1933—1938 гг.

Составлена по: Постановление СТО СССР № 58 от 11 июля 1933 г. «О программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг.»; Постановление СТО СССР № 119 от 28 ноября 1933 г. «О плане заказов НКВМора на 1934 год по вооружению и боевой технике» // Там же. Д. 3. Л. 81; Постановление СТО СССР № К-200 от 29 декабря 1934 г. «О распределении по морям подлодок и сторожевых кораблей по плану заказов НКО на 1935 год» // Там же. Д. 5. Л. 273; Постановление СТО СССР № С-24 от 11 марта 1935 г. «Об изменении плана заказов НКО по судостроению на 1935 г.» // Там же. Д. 6. Л. 53; Постановление СТО СССР № ОК-95 от 27 апреля 1936 г. «О программе морского судостроения на 1936 г.» // Там же. Д. 9. Л. 6; Постановление СТО СССР № ОК-167 от 16 июля 1936 г. «О программе крупного морского судостроения» // Там же. Д. 9. Л. 399—407; Постановление Комитета обороны при СНК СССР № 162 от 22 октября 1937 г. «О плане военного судостроения для морских сил РККА в 1938 г.» // Там же. Д. 28. Л. 225—245; Дмитриев В.И. Указ. соч. С. 241—255.

* Указано задание на 1938 г., изменённое постановлением Комитета обороны СССР от 22 октября 1937 г.

Результаты выполнения годовых планов сдачи субмарин флоту (диаграмма 2) колебались от 20 до 105 проц. В итоге

Таблица 3

Планы сдачи подлодок в 1937—1938 гг. и их выполнение

Подлодки		1937 г.		1938 г.		Всего		
Подклассы	Типы	план	факт.	план*	факт.	план*	факт.	Выполнение (проц.)**
Большие	Л	10	1	—/5	6	10/15	7	46,7
	К	3	—	3/3	—	6	—	0
Средние	Щ	8	4	1/3	4	9/11	8	72,7
	Н (С)	8	—	17/5	1	25/13	1	7,7
Малые	М	6	2	18/11	5	24/17	7	41,2
Итого		35	7	39/27	16	74/62	23	37,1
Выполнение (проц.)		20		59,3**				

Составлена по: Постановление СТО СССР № ОК-167 «О программе крупного морского судостроения». 16 июля 1936 г. // ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 9. Л. 399—407; Постановление Комитета обороны при СНК СССР № 162 «О плане военного судостроения для морских сил РККА в 1938 г.». 22 октября 1937 г. // Там же. Д. 28. Л. 225—245; Дмитриев В.И. Указ. соч. С. 242—254.

* В числителе задания из постановления СТО СССР от 16 июля 1936 г., в знаменателе — изменённые постановлением Комитета обороны СССР от 22 октября 1937 г.

** Выполнение планов 1938 г. и двух лет в процентах рассчитано относительно показателей, изменённых постановлением Комитета обороны СССР от 22 октября 1937 г.

Диаграмма 3

Задания программы военно-морского судостроения 1933—1938 гг.
на постройку подлодок и итоги их выполнения

Составлена по: Постановление СТО СССР № 58 от 11 июля 1933 г. «О программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг.»; Дмитриев В.И. Указ. соч. С. 241—255.

* Задания программы в редакции постановления СТО СССР № 58 от 11 июля 1933 г.

за 6 лет первоначальные программные задания по сдаче подлодок были выполнены на 41,5 проц. (диаграмма 3), уменьшенные в 1935 году — на 46,2 проц. К концу 1938-го 165 субмарин ВМФ СССР составили 43,9 проц. запланированных в 1933 году, 49,8 проц. их

планового числа, уменьшенного в 1935-м (табл. 4). Это не провал, а результат различия возможностей отечественного судостроения и поставленных руководством страны задач, завышенных с очевидной целью мобилизовать коллективы предприятий отрасли на

достижение максимальных результатов.

Объективными причинами, тормозившими наращивание советских подводных сил, были ограниченные возможности отечественной промышленности и в целом экономики страны, а также отсутствие у судостроительной отрасли опыта решения столь объёмных задач, как поставленные программой на 1933—1938 гг., и необходимых производственных мощностей, создававшихся в ходе её выполнения, нехватка заводов и квалифицированных кадров, трудности освоения выпуска приборов и механизмов по проектам и чертежам, приобретённым за рубежом. Всем кораблестроителям — и органам управления, и конструкторам, и производственникам — приходилось поднимать «целину» сложных проблем.

Наряду с объективными трудностями на всех уровнях были и порождённые субъективными причинами проблемы в планировании, организации

Большая подлодка типа «К» — «Крейсерская»
Художник А.Ю. Заикин

и обеспечении производства. Среди них — просчёты и запозывание разработки и принятия ключевых для отрасли директивных решений. В числе примеров — утверждение программы военно-морского судостроения на 1933—1938 гг. более чем через полгода после начала периода, который она охватывала, опоздания официального утверждения постановлениями годовых заданий кораблестроителям: в 1935 году на 70 дней (до 11 марта), почти на 4 месяца — 118 суток (до 27 апреля) в 1936-м.

В ряду проблем управления кораблестроением — задания, превышавшие возможности отрасли; изменения годовых заданий по подлодкам без учёта невыполнения предыдущих и без изменения итоговых показателей или с недостаточными их корректировками. Были и недостатки в организации производства, и проблемы дисциплины — трудовой на заводах и поставщиков, сры-

вы поставок судостроителям металла, приборов, механизмов и т.д.

Постановка руководством страны заведомо невыполнимых задач вызывала не только мобилизующий эффект, но и негативные последствия. В их числе — атмосфера аврала, штурмовщины на предприятиях, дестабилизировавшая производство, заставлявшая отрывать силы и средства от выпуска одних видов продукции и перебрасывать на освоение других. Заведомая обречённость на невыполнение плана при суровой ответственности за это в условиях массовых репрессий, поисков врагов, вредителей сказывалась на стиле работы управленцев, конструкторов и производственников, вызывала нервозность, непоследируемость, шараханья в принятии и реализации решений, приводила к негативным последствиям.

В погоне за количеством субмарин принимались решения,

отрицательно сказывавшиеся на качественных параметрах подводных сил. К ним можно отнести решение 1937 года возобновить строительство больших и средних субмарин по устаревшим проектам «Л» и «Щ», продолжение серийного строительства малых ПЛ после 1933 года. А заложенные в конце 1936 года первые большие подлодки «КЭ-9», тип «К» — «Крейсерская» из-за технических трудностей сдали флоту позже завершения программы на 1933—1938 гг.

Значительно замедляли выполнение судостроительных планов требования руководства РККФ в ходе серийного строительства кораблей вносить большое количество изменений в их проекты под лозунгом «борьбы за качество продукции». Порой заказчик загонял корабелов в замкнутый круг. Изменения проектов по его воле затягивали строительство, что вызывало внесение заказчиком множества

Таблица 4

Итоги строительства советских подлодок в 1933—1938 гг.

Подклассы подлодок	По заданиям		В ВМФ СССР к концу 1938 г.***	В т.ч. сданные в 1933—1938 гг.	Выполнение плана (проц.)****
	11 июля 1933 г.*	21 ноября 1935 г.**			
Большие	76	63	26	19	41,3
Средние	200	168	77	77	45,8
Малые	100	100	63	57	63
Всего	376	331	165	153	49,8

Составлена по: Постановление СТО СССР № 58 от 11 июля 1933 г. «О программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг.»; Протокол заседания Комиссии В.И. Межлаука по судостроению об изменении программы военного судостроения. 21 ноября 1935 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 91. Д. 2274. Л. 87—89. Цит. по: История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР 1900—1963 в 5 т. Т. 3. Ч. 2. С. 430, 431. URL: <https://istmat.org/node/48525>; Докладная записка заместителя председателя СНК СССР В.И. Межлаука в ЦК ВКП(б) об итогах строительства военно-морских сил в 1933—1936 гг. и о программе военного судостроения на 1936—1938 гг. 15 февраля 1936 г. // РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 268. Л. 110—117. Там же. С. 491. URL: <https://istmat.org/node/48583>; Дмитриев В.И. Указ. соч. С. 240—256.

* В колонке «По заданиям 11 июля 1933 г.» — запланированное количество подлодок в ВМФ СССР к 31 декабря 1938 г. с учётом построенных по программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг., утверждённой постановлением СТО СССР № 58 от 11 июля 1933 г.

** В колонке «По заданиям 21 ноября 1935 г.» — запланированное количество подлодок в ВМФ СССР к 31 декабря 1938 г. с учётом изменений решением комиссии В.И. Межлаука по судостроению от 21 ноября 1935 г.

*** Количество подлодок в ВМФ СССР в конце 1938 г. с учётом трофейной «Л-55» и погибшей в 1935 г. «Щ-103», которую до 14 апреля 1939 г. не исключали из состава флота.

**** Выполнение в процентах — количество подлодок каждого и всех подклассов в ВМФ СССР 31 декабря 1938 г. (колонка «В ВМФ СССР к концу 1938 г.») относительно программных заданий, уменьшенных решением комиссии В.И. Межлаука от 21 ноября 1935 г. (колонка «По заданиям 21 ноября 1935 г.»).

Диаграмма 4

Распределение подлодок по МТВД в программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг. и к концу её выполнения

Составлена по: Постановление СТО СССР № 58 от 11 июля 1933 г. «О программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг.»; Дмитриев В.И. Указ. соч. С. 240—256.

правок, которые ещё больше увеличивали сроки постройки. Иногда долго строившийся корабль, в проект которого внесли все изменения, вытребованные заказчиком, сразу после включения в состав флота оказывался морально устаревшим, уступал однотипным иностранным ПЛ. Это, а также сочетание попыток освоить серийное производство новых типов подлодок со строительством морально устаревших увеличивали разнотипность кораблей, затрудняли их эксплуатацию и ремонт.

Недостатки невозможно изжить навсегда. Они возвращаются, если ослабевает внимание и снижаются требования к качеству планирования, управления, организации и обеспечения производства. Этим объясняется актуаль-

ность обращения к опыту и урокам строительства подлодок в 1933—1938 гг. Их необходимо учитывать, чтобы не наступать на старые грабли и творчески использовать при решении современных задач военного кораблестроения.

Главным итогом реализации заданий программы военно-морского судостроения на 1933—1938 гг. по подлодкам стали достигнутые вопреки всем трудностям, проблемам и недостаткам качественно новые боевые возможности подводных сил РККФ с ростом почти в 14 раз количества субмарин, укрепивших оборону нашей страны на каждом морском театре военных действий (диаграмма 4).

Из 165 советских субмарин, находившихся в строю к концу 1938 года, 153 (92,7 проц.)

флот получил в ходе выполнения программы 1933—1938 гг. Лишь 6 (3,6 проц.) были дореволюционной постройки. 159 (96,4 проц.) «моложе» 10 лет. В их числе 6 больших подлодок типа «Д» — «Декабрист», сданных флоту до принятия программы 1933—1938 гг., введенные в строй в годы её выполнения большие субмарины типов «П» — «Правда» и «Л» — «Ленинец». Название одной из них «Л-2» — «Сталинец» получил и тип средней подлодки «Н» (немецкая по проекту, купленному за рубежом) после переименования в 1937 году в тип «С». Многочисленными были знаменитые «Щуки» — средние подлодки типа «Щ» и малые типа «М» — «Малютка».

Создание мощных подводных сил и первое место СССР в мире по числу субмарин — выдающаяся трудовая победа корабелов, значение которой для обороноспособности нашего Отечества сложно переоценить; часть всенародного трудового подвига преобразования народного хозяйства страны, укрепления промышленного фундамента её обороноспособности и Вооружённых сил, благодаря которым наша Родина выстояла в самой большой войне в истории и одержала Великую Победу.

Иллюстрации с сайтов:
<https://warspot.ru>;
dic.academic.ru.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Базилевский С.А., Дмитриев В.И. Краткая история советского подводного кораблестроения. Л., 1982. 208 с.; Дмитриев В.И. Советское подводное кораблестроение. М.: Воениздат, 1990. 286 с.; Золотарёв В.А., Козлов И.А., Шломин В.С. История флота государства российского в 2 т. Т. 1. М.: Терра, 1996. 525 с.; Золотарёв В.А., Шломин В.С. Как создавалась военно-морская мощь Советского Союза в 2 кн. М.: АСТ; СПб.: Полигон, 2004. Кн. 1. 479 с., Кн. 2. 527 с.; История отечественного судостроения в 5 т. Т. 4. Судостроение в период первых пятилеток и Великой Отечественной войны, 1925—1945 гг. СПб.: Судострое-

ние, 1996. 558 с.; Краснов В.Н. Военное судостроение накануне Великой Отечественной войны. М.: Наука, 2005. 212 с.; Голосовский П.З. Очерки по истории ЛПМБ «Рубин» в 3 т. Т. II. Проектирование и строительство подводных лодок. Подводные лодки периода 1926—1945 годов. Л.: Рубин, 1979. 248 с.

² Дмитриев В.И. Указ. соч. С. 233, 234.

³ История создания и развития оборонно-промышленного комплекса России и СССР. 1900—1963: документы и материалы в 5 т. (Далее — История... ОПК). Т. 3. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927—1937). Ч. 1. (1927—1932). М.: Книжный клуб;

Терра, 2008. 912 с., Ч. 2. (1933—1937). М.: Терра, 2011. 941 с.; Т. 4. Оборонно-промышленный комплекс СССР накануне Великой Отечественной войны (1938 — июнь 1941). М.: Книговек, 2015. 1119 с.; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1934 г.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2007. 510 с.; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Декабрь 1935 г.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2008. 566 с.; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г.: документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2009. 478 с.; Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Ноябрь 1937 г.:

документы и материалы. М.: РОССПЭН, 2006. 358 с.

⁴ Постановление Совета труда и обороны (СТО) СССР № 58 от 11 июля 1933 г. «О программе военно-морского судостроения на 1933—1938 гг.» // Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 2. Л. 13—25. Цит. по: История... ОПК. Т. 3. Ч. 2. С. 131—134. URL: <https://istmat.org/node/48304>.

⁵ Доклад наркому по военным и морским делам СССР, подготовленный в июне 1933 г. Цит. по: Грибовский В.Ю. Морская политика СССР и развитие флота в предвоенные годы. 1925—1941 гг. М.: Военная книга, 2006. С. 19.

⁶ Постановление СТО СССР № 58 от 11 июля 1933 г.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Дегтев Д.М., Zubov Д.В. Железные гробы Сталина: строительство и боевое применение советских субмарин, 1929—1945. М.: Центрполиграф, 2016. С. 77.

¹⁰ Докладная записка наркому тяжёлой промышленности от начальника Главного управления морской судостроительной промышленности (Главморпрома) НКТП СССР Р.А. Муклевича №1/2/256 от 23 января 1935 г. // Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8183. Оп. 2. Д. 22. Л. 94—96.

¹¹ Постановление СТО СССР «Об изменении плана заказов НКО по судостроению на 1935 г.» № С-24 от 11 марта 1935 г. // ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 6. Л. 53.

¹² Из предварительного отчёта Главного управления морской судостроительной промышленности НКТП СССР о результатах работы по выполнению программы военно-морского судостроения в 1935 г. 23 января 1936 г. // Архив Президента РФ (АП РФ). Ф. 3. Оп. 46. Д. 549. Л. 2—23. Цит. по: История... ОПК. Т. 3. Ч. 2. С. 470—480. URL: <https://istmat.org/node/48578>.

¹³ Там же.

¹⁴ Комиссия заместителя председателя СНК СССР В.И. Межлаука с участием заместителя наркома тяжёлой промышленности Г.Л. Пятакова, начальника Главморпрома Р.А. Муклевича и начальника ВМС РККА В.М. Орлова

начала работу в 1935 г., занималась вопросами строительства военно-морских сил и реконструкции заводов морского судостроения, разработкой планов военного судостроения и их обеспечением. См.: История... ОПК. Т. 3. Ч. 2. С. 877.

¹⁵ Протокол заседания комиссии В.И. Межлаука по судостроению об изменении программы военного судостроения. 21 ноября 1935 г. // РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 91. Д. 2274. Л. 87—89. Цит. по: История... ОПК. Т. 3. Ч. 2. С. 430, 431. URL: <https://istmat.org/node/48525>.

¹⁶ Докладная записка заместителя председателя СНК СССР В.И. Межлаука в ЦК ВКП(б) об итогах строительства военно-морских сил в 1933—1936 гг. и о программе военного судостроения на 1936—1938 гг. 15 февраля 1936 г. // РГАЭ. Ф. 7297. Оп. 38. Д. 268. Л. 110—117. Цит. по: там же. С. 491. URL: <https://istmat.org/node/48583>.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Из предварительного отчёта Главного управления морской судостроительной промышленности НКТП СССР... 23 января 1936 г.

¹⁹ Постановление СТО СССР № ОК-95 «О программе морского судостроения на 1936 г.» 27 апреля 1936 г. // ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 9. Л. 1—4. Цит. по: История... ОПК. Т. 3. Ч. 2. С. 519—521. <https://istmat.org/node/48594>.

²⁰ Там же; Отчёт 2-го главного управления Наркомата оборонной промышленности о сдаче кораблей за 2-ю пятилетку. Не ранее начала 1938 г. // РГАЭ. Ф. 8899. Оп. 1. Д. 215. Л. 8—13.

²¹ Военный совет при народном комиссаре обороны СССР. Октябрь 1936 г. С. 275.

²² Краснов В.Н. Указ. соч. С. 7.

²³ Постановление СТО СССР № ОК-154 от 26 июня 1936 г. «О распределении боевых кораблей морских сил РККА по флотам» // ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 9. Л. 316—319.

²⁴ Постановление СТО СССР № ОК-167 от 16 июля 1936 г. «О программе крупного морского судостроения» // ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 9. Л. 399—407.

²⁵ Дмитриев В.И. Указ. соч. С. 248, 249, 255.

²⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о создании Комитета обороны СССР. 27 апреля 1937 г. // Российский Центр хранения и изучения документов новейшей истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 987. Л. 18. Цит. по: Сталинское Политбюро в 30-е годы: сборник документов. М.: АИРО-XX, 1995. С. 33, 34. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/360529#mode/inspect/page/2/zoom/4>.

²⁷ Докладная записка наркома НКОП СССР М.Л. Рухимовича и начальника Морских сил РККА В.М. Орлова председателю КО при СНК СССР В.М. Молотову о выполнении заводами оборонной промышленности заданий правительства по постройке военных кораблей. 2 июля 1937 г. // ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 12. Д. 342. Л. 1—14. Цит. по: История... ОПК. Т. 3. Ч. 2. С. 668, 669. URL: <https://istmat.org/node/48675>.

²⁸ Объяснительная записка к проекту плана военного судостроения для МС РККА на 1938 г. от 19 октября 1937 г. // Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 4. Оп. 19. Д. 25. Л. 94.

²⁹ Постановление Комитета обороны (КО) при СНК СССР № 247 от 5 октября 1938 г. «Об изменении постановления КО от 22.10.1937 г. за № 162 в части постройки 2-х опытных подлодок “М-IV”» // ГА РФ. Ф. Р-8418. Оп. 28. Д. 36. Л. 260.

³⁰ Постановление КО при СНК СССР № 213 от 23 июля 1939 г. «Об утверждении эскизного проекта малой подводной лодки М-VII» // Там же. Д. 69. Л. 339; Постановление КО при СНК СССР № 359 от 22 сентября 1939 г. «Об утверждении плана военного судостроения на IV квартал 1939 г.» // Там же. Д. 73. Л. 180—184.

³¹ Постановление КО при СНК СССР № 162 от 22 октября 1937 г. «О плане военного судостроения для морских сил РККА в 1938 г.» // Там же. Д. 28. Л. 225—245.

³² Постановление КО при СНК СССР № 258 от 5 ноября 1938 г. «О выполнении НКОП военно-морского заказа 1938 г.» // Там же. Д. 36. Л. 299. Цит. по: История... ОПК. Т. 4. С. 222—231. <https://istmat.org/node/57468>.

³³ Постановление КО при СНК СССР № 258... // Там же. Л. 320.

³⁴ Дмитриев В.И. Указ. соч. С. 242, 243, 247, 254, 255.

М.Е. Morozov

«WE CONCENTRATED SPECIAL EFFORTS PRECISELY ON THE CONSTRUCTION OF THE SUBMARINE FLEET»

Construction of submarines in the USSR under the naval shipbuilding program for 1933—1938

Information about author. Miroslav Morozov – senior researcher at the Center for Russian Military History of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, colonel (res.), Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: red-sub@mail.ru).

Summary. The paper highlights the results of the analysis of the implementation of the naval shipbuilding program's tasks for 1933–1938 on submarines. It reveals the reasons for the failure to meet construction plans and provides generalized statistical data from policy and reporting documents. The study found that the development of Soviet submarine forces was constrained by the capabilities of domestic industry and the overall state of the economy. It was also hindered by deficiencies in planning, management, organization, and the supply of shipbuilding production. Despite the submarine program's status, with tasks remaining incomplete by 1938, the results of its implementation, outlined in the paper, signified a labor victory for Soviet shipbuilders, fortified domestic submarine forces, and bolstered the nation's defense in the maritime theaters of war by the onset of World War II.

Keywords: Soviet Union; Workers' and Peasants' Red Fleet; Red Army Navy; USSR Navy; submarine forces; naval shipbuilding program for 1933—1938; tasks and annual plans for construction of Soviet submarines; historical experience and lessons of domestic naval construction.

«КАК ЭТО ГЛУПО УМЕРЕТЬ, РАЗБИВШИСЬ В ТУМАНЕ!»

**Влияние метеорологических условий на аварийность
в Военно-воздушных силах Красной армии
в годы Великой Отечественной и Советско-японской войн (1941—1945 гг.)**

Сведения об авторе. Прямыцын Владимир Николаевич — начальник отдела Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, советник Российской академии ракетных и артиллерийских наук, доктор исторических наук (Москва. E-mail: priamitzynvp@mail.ru).

Аннотация. Статья посвящена вопросам аварийности в Военно-воздушных силах Красной армии в годы Великой Отечественной и Советско-японской войн, связанной с метеорологическими условиями. Целью статьи является установление степени влияния погоды на лётные происшествия с советскими самолётами. Рассматриваются состояние вопроса к моменту начала войны, типизация лётных происшествий, их статистика и причины, указываются предпринимаемые меры. События иллюстрируются многочисленными примерами из опыта 1, 2, 10, 12, 15 и 18-й воздушных армий, Военно-воздушных сил Уральского и Харьковского военных округов, Красноярской воздушной трассы. Исследование основано на документальных материалах Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Делаются выводы о количестве лётных происшествий, связанных с метеорологическими условиями, в общем объёме аварийности, о качестве работы авиационных метеорологов, о степени опасности, которую представляли те или иные явления погоды для советской военной авиации.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; Советско-японская война; Военно-воздушные силы; аварийность; метеорологическая служба; погода; катастрофа; авария; происшествие; Я.И. Алкснис; В.А. Уруков; К.А. Фёдоров; А.А. Кулаков.

На протяжении 1930-х годов Военно-воздушные силы Красной армии (ВВС КА) сталкивались с проблемой высокой аварийности. В указании от 25 января 1935 года командующий ВВС КА Я.И. Алкснис среди прочих причин указывал и такую: «Плохая организация работы метеослужбы, отсутствие со стороны командиров всех уровней изучения метеорологической обстановки и отдача её целиком и полностью на откуп метеостанциям, с одной стороны, и слабая предварительная подготовка экипажей к слепым полётам — с другой стороны»¹.

В 1937 году проблема вышла за пределы военной авиации и привлекла внимание народного комиссара обороны. По его мнению, аварийность достигла «чрезвычайных размеров». Число аварий с самолётами увеличилось по отношению к предыдущему году на 80 проц., а катастроф — на 70 проц. Руководство Народного комиссариата обороны СССР (НКО СССР) и профильных управлений предпринимало усилия по улучшению ситуации, что нашло

отражение в многочисленных приказах. Существенное внимание в них уделялось лётным происшествиям, связанным с метеорологическими условиями².

В этих документах чётко прослеживалось разделение происшествий на те, что были связаны с ошибками метеорологов, и те, которые были вызваны недостаточным вниманием командного и лётного состава к требованиям руководящих документов в части, касавшейся учёта метеорологической обстановки. Несмотря на всё несовершенство методик работы авиационных метеорологов, в общем объёме аварий и катастроф второе превалировало над первым³.

С 1 января по 15 мая 1939 года произошло 34 катастрофы и 126 аварий, в которых погибли 70 лётчиков, включая пятерых Героев Советского Союза, был разбит 91 самолёт⁴. На этот раз проблема стала предметом обсуждения уже на высшем государственном уровне. Выступая на заседании Главного военного совета Красной армии (16—17 мая 1939 г.), К.Е. Ворошилов заявил об аварийности

в советской военной авиации: «Правительство и Центральный комитет нашей партии требуют от Главного Военного Совета и от меня лично как от народного комиссара обороны и от вас всех объяснения этого явления...»⁵.

Предпринимались существенные меры по улучшению работы авиационной метеорологической службы, внедрению учёта погоды при подготовке и проведении полётов, повышению метеорологической грамотности командного и лётного состава. Это приносило плоды, которые выражались в постепенном снижении доли происшествий, связанных с метеорологическими условиями, в общем объёме аварийности в ВВС КА. Так, на протяжении второй половины 1930-х годов эта доля снизилась с 8 до 4 проц. Но всё же в абсолютных цифрах это был существенный ущерб — потери самолётов и лётчиков, которых можно и нужно было избежать⁶.

С такой неблагоприятной статистикой советские Военно-воздушные силы вступили в Великую Отечественную войну.

Только с 1 июля по 15 декабря 1941 года и только во внутренних округах и запасных авиаполках (т.е. ещё до столкновения с противником в бою) произошло 337 катастроф и 586 аварий. В них погибли 604 человека и были разбиты 747 самолётов. Из этого числа по причинам, связанным с метеорологической обстановкой, произошло 22 катастрофы и 20 аварий. В условиях жестокого противостояния с противником в небе, сверхусилий, предпринимаемых страной по обеспечению авиации самолётами и обучению лётчиков, небоевые потери воспринимались особенно болезненно. Отношение боевых лётчиков к этому вопросу ярко сформулировал в своих воспоминаниях старший лейтенант И.С. Душка, дошедший дорогами войны до Берлина: «Какое это страшное слово “туман”! Как это глупо умереть, разбившись в тумане!.. Полетели. Погода ухудшилась. На высоте 700 метров земля исчезала из глаз под пеленой тумана»⁷.

Специфика деятельности авиации была такова, что наиболее сложными с точки зрения метеорологического обеспечения представлялись не вылеты на боевые действия, совершавшиеся на относительно небольшие расстояния, а перелёты по воздушным трассам. С этим связано превалирование аварий и катастроф самолётов именно при перелётах. 31 августа 1943 года врио командующего ВВС КА генерал-полковник авиации Ф.Я. Фалалеев писал об этом так: «С аэродромов Приволжского военного округа ежедневно отправляется в действующую армию большое число самолётов — истребителей и штурмовиков. Наступающий осенне-зимний период со сложными метеорологическими условиями требует особенно тщательной организации метеорологического обслуживания перелётов частей и соединений ВВС КА»⁸.

В связи с тем, что аварийность по метеорологическим условиям была связана в большей степени с перелётами крупных масс авиа-

ционной техники, а не с боевыми действиями, представляется целесообразным рассматривать вопрос не в хронологических рамках Великой Отечественной или Советско-японской войн, а с 22 июня 1941 до конца 1945 года. Дело в том, что уже после завершения боевых действий существенная часть воздушных группировок до конца года возвращалась с Дальнего Востока и из Европы к местам будущей постоянной дислокации. И зачастую превратности погоды становились причиной гибели отважных лётчиков, прошедших всю войну. Как тут не вспомнить об одном из парадоксальных лётных происшествий, полном трагического символизма. 18 июля 1945 года при перелёте самолётов 6-го гвардейского бомбардировочного авиационного корпуса 2-й воздушной армии (ВА) из Вены в Москву для участия в воздушном параде лётчики столкнулись со сложными метеорологическими условиями. Два самолёта Пе-2 потерпели катастрофу, а один пропал без вести⁹.

В результате проведённого исследования были выявлены основные группы лётных происшествий в зависимости от их причин (схема 1).

Первая группа лётных происшествий объединяет те, которые произошли по вине метеорологической службы. В ней в качестве причин можно выделить ошибки, допущенные при прогнозировании

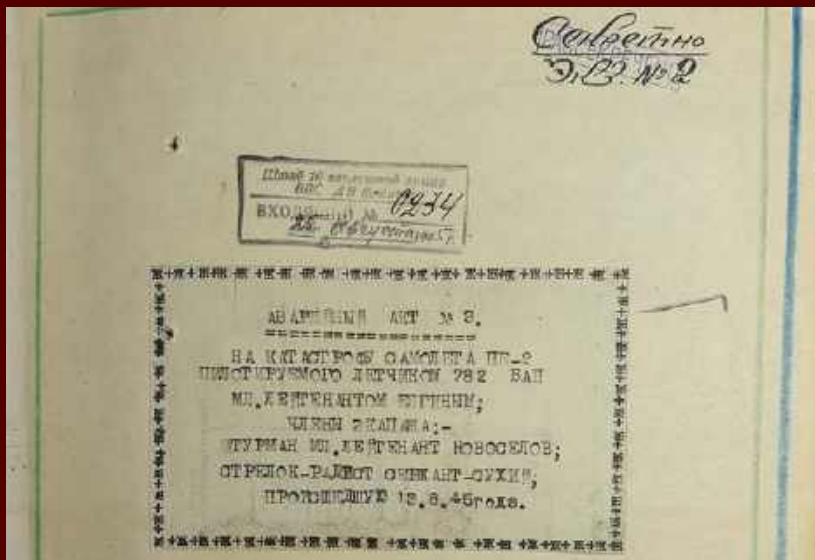
погоды, и недостатки в организационных вопросах деятельности авиационных метеорологов. Рассмотрим пример из первой подгруппы. 18 ноября 1945 года дежурный синоптик авиационно-метеорологического бюро ВВС Уральского военного округа техник-лейтенант Петров¹⁰ неверно определил фактическое положение атмосферного фронта, ошибочно рассчитал скорость и направление его смещения. На основании этого прогноза командованием было принято решение о перелёте группы самолётов, пилотируемых лётчиками, не имевшими опыта слепых полётов. Попав в снегопад с нулевой видимостью, самолёт Пе-2 457-го бомбардировочного авиационного полка 12 ВА, пилотируемый лейтенантом Греченко, потерпел аварию. Самолёт был разбит, по счастливой случайности экипаж не пострадал¹¹.

Порой ошибки прогнозистов сопровождались существенными потерями, приводили к выводу из строя значительного количества авиационной техники. Так произошло 5 июля 1945 года на аэродроме Могилёв, на котором базировался полк 19-й гвардейской авиационной дивизии 9-го гвардейского авиационного корпуса 18 ВА. В период с 21.30 до 22.03 на аэродром налетел ураганный ветер. В связи с тем, что усиление ветра в прогнозе не указывалось, самолёты не были дополнительно закреплены. В результате из 60 самолётов, находившихся на

Схема 1

Основные причины лётных происшествий, связанных с метеорологическими условиями

Обложка аварийного акта на одну из катастроф в ВВС КА. На фото видно, что документ имел гриф «секретно», но спустя десятилетия после окончания войны был рассекречен
ЦАМО РФ. Ф. 478. Оп. 5910. Д. 68. Л. 12.

Фотоснимки разбитых самолётов, прилагавшиеся к аварийным актам
ЦАМО РФ. Ф. 478. Оп. 5910. Д. 68. Л. 81, 84, 168.

аэродроме, 20 получили существенные повреждения¹².

Ко второй подгруппе происшествий первой группы следует отнести такие, которые произошли по причинам, связанным с организацией работы метеорологической службы. В качестве примера можно привести аварию, которую потерпели шесть самолётов У-2 15 ВА. В ночь с 4 на 5 января 1944 года группа перелетала с одного аэродрома на другой. Авиационное метеорологическое бюро армии верно оценивало фактическую метеорологическую обстановку и её ожидавшиеся изменения. В нижестоящие подразделения был направлен прогноз погоды, в соответствии с которым в пункте посадки группы самолётов ожидался туман, и вылет должен был быть перенесён на другое время. С этим прогнозом был солидарен и начальник авиационно-метеорологической станции батальона аэродромного обслуживания (бао). Но начальник метеорологической службы авиационной дивизии не согласился с позицией вышестоящих и нижестоящих синоптиков. В докладе командиру дивизии он неверно его ориентировал, в результате было принято ошибочное решение на вылет¹³.

Вторая группа происшествий включает те, что имели место по вине командного и лётного состава. Среди них в отдельную подгруппу можно выделить происшествия, которые случились в связи с плохим учётом погоды при подготовке к полёту. Канонический пример — катастрофа самолёта командира 587-го бомбардировочного авиационного полка Героя Советского Союза майора М.М. Расковой¹⁴. 4 января 1943 года вопреки неблагоприятному прогнозу погоды она приняла решение на вылет группы самолётов Пе-2 по маршруту Лопатино — Энгельс. При столкновении с сильным снегопадом самолёт командира полка потерпел катастрофу, а два ведомых Пе-2 совершили вынужденную посадку¹⁵.

Вторую подгруппу формируют происшествия, случившиеся в результате неправильного учёта

лётным составом метеорологических условий в полёте. Проиллюстрируем это трагедией, разыгравшейся на Красноярской воздушной трассе. 21 мая 1943 года «при прогнозе явно нелётной погоды» группа самолётов 7-го перегоночного авиационного полка под руководством капитана Лебедева вылетела из одного пункта перегонки в другой. В полёте группа встретила облачность большой вертикальной мощности. В такой ситуации верным решением было вернуться на аэродром вылета, но лидер принял решение попытаться облететь облачность сверху. В результате группа оказалась в сплошной облачности и один экипаж погиб¹⁶.

Другой характерный случай произошёл 28 августа 1945 года при перелёте самолёта Ут-2 из Тбилиси в Ахалкалаки. Командир звена 381-й отдельной авиационной эскадрильи связи младший лейтенант Тюлин, располагая точным прогнозом погоды по маршруту и пройдя инструктаж о правилах преодоления горных перевалов, обнаружил, что горные вершины и перевалы между ними по маршруту закрыты сплошной облачностью. Увидев просвет в облаках, лётчик принял решение продолжить полёт на высоте, не отвечавшей требованиям безопасности. В результате попал в нисходящие потоки воздуха, стал терять высоту и потерпел аварию в труднодоступном горном районе¹⁷.

Существовала ещё одна группа происшествий, связанных с объективными причинами, когда виновником являлись не командиры, лётчики или метеорологи, а стихия. К примеру, 17 апреля 1945 года на монгольском аэродроме Чойбалсан, на котором размещались части 12 ВА, были своевременно получены прогнозы погоды, штормовые предупреждения и штормовые оповещения как от вышестоящих подразделений метеорологической службы, так и от пяти соседних авиационных метеорологических станций. Начальник авиационно-метеорологической

станции 580 бао техник-лейтенант Голдобин предупредил командование и оперативные службы истребительных авиационных полков, базировавшихся на аэродроме. С учётом ожидавшегося усиления ветра самолёты на стоянках были дополнительно закреплены. Несмотря на это, при усилении ветра до 20 м/с, сопровождавшемся пыльной бурей, один из самолётов С-2 (санитарный вариант самолёта По-2. — **Прим. авт.**) был разбит¹⁸.

Безусловно, в Красной армии велась большая работа, направленная на сокращение количества лётных происшествий, связанных с метеорологическими условиями. К ней можно отнести повышение метеорологической грамотности командного и лётного состава, совершенствование нормативной и методической основы, издание приказов и введение в действие руководящих документов. В качестве примера можно привести приказ командующего ВВС КА № 005 от 4 января 1942 года «О мерах по борьбе с аварийностью в частях ВВС округов и запасных авиаполках». В нём указывались конкретные минимумы метеорологических условий, хуже которых полёты были запрещены. Другим примером является введение в действие Наставления по метеорологической службе ВВС КА 1944 года. Его положения детально регламентировали работу авиационных метеорологов. Строгое выполнение требований этого документа сводило к минимуму возможность лётных происшествий по вине метеорологической службы¹⁹.

Значимым решением было установление персональной ответственности метеорологов в случае лётных происшествий по их вине. В приказах, посвящённых метеорологическому обеспечению авиации, начальник Главного управления гидрометеорологической службы Красной армии генерал-майор Е.К. Фёдоров неоднократно подчёркивал высокую личную ответственность прогнозистов: «За авиационные происшествия по вине метеослужбы принимать

самые строгие меры взыскания вплоть до отдачи под суд»²⁰.

Одним из примеров является поломка винта самолёта У-2 168-го смешанного авиационного полка 234-й авиационной дивизии 1 ВА при вынужденной посадке 12 января 1943 года. Начальник авиационно-метеорологической станции 784 бао старший техник-лейтенант Гусев при подготовке к предстоящим ночным вылетам двух самолётов У-2 не сообщил о них в авиационно-метеорологическое бюро дивизии и не затребовал его прогноз. Командование полка при принятии решения руководствовалось прогнозом самого Гусева, предусматривавшим ухудшение видимости только до 2 км и только к утру. В свою очередь дежурный инженер авиационно-метеорологического бюро 234-й авиационной дивизии старший техник-лейтенант Жаров получил прогноз синоптиков из метеобюро армии, в котором ночью ожидался туман с видимостью менее 500 м. Жаров не передал этот прогноз Гусеву и не уточнил у него планов вылетов на ночь. В результате два самолёта У-2 взлетели, выполнили задачу, а при возвращении совершили вынужденную посадку, так как аэродром был закрыт туманом. Решением начальника штаба 1 ВА за проявленную халатность старший техник-лейтенант Гусев был помещён под арест продолжительностью пять суток с рассмотрением вопроса о целесообразности продолжения службы по специальности. Старшему технику-лейтенанту Жарову был объявлен выговор. От более суровых наказаний офицеров спасло то, что никто не погиб²¹.

Возвращаясь к ранее описанному случаю, когда из-за неправильного прогноза погоды потерпел катастрофу над Уралом самолёт Пе-2 457-го бомбардировочного авиационного полка 12 ВА, пилотирующий лейтенант Греченко, необходимо отметить, что виновник также понёс наказание. В приказе командующего ВВС Уральского ВО генерал-лей-

тенанта авиации А.З. Устинова говорилось: «За поверхностный анализ синоптической обстановки, приведший к неправильному выводу об изменении погоды, в результате чего произошла авария самолёта, техника-лейтенанта Петрова арестовать на трое суток домашнего ареста с удержанием 50% денежного содержания за каждый день ареста. Ограничиваясь столь мягким взысканием за совершённый поступок, учитывая небольшой срок работы и предупреждая, что при рассмотрении подобных проступков буду строго взыскивать, вплоть до предания суду Военного Трибунала»²².

Одним из направлений усилий по снижению количества лётных происшествий, связанных с метеорологическими условиями, было проведение соответствующих изысканий. Для того чтобы сформировать информационную основу для обобщений и поиска путей снижения аварийности, в середине Великой Отечественной войны было принято решение более активно подключать метеорологов к проведению расследований лётных происшествий. Кроме того, были систематизированы учёт и документирование всех происшествий со сбором, изучением и представлением аэросиноптического материала, заполнением стандартных форм донесений²³.

В ВВС КА использовались как общие для всей авиации, так и специфические для метеороло-

гической службы стандартные формы для систематизации сведений о лётных происшествиях. В частности, для каждого происшествия формировался комплект материалов, которым присваивался гриф «секретно». Основу комплекта составлял аварийный акт. Рассмотрим содержание этого документа на примере акта, составленного командованием 128-й истребительной авиационной Курильской дивизии 10 ВА. 28 сентября 1945 года лётчик управления дивизии младший лейтенант А.А. Шишкин за час до наступления темноты вылетел с целью доставки груза с аэродрома Какумабецу на аэродром Катаока. При полёте обнаружил, что аэродром посадки закрыт туманом. Наступавшая темнота не позволяла вернуться на аэродром вылета, и лётчик принял решение садиться в тумане. В результате оказался не на взлётной полосе, а на прилегавшем огороде²⁴.

15 октября 1945 года за подписью командира и начальника штаба дивизии был составлен аварийный акт. Это обширный и детальный документ, в котором были предусмотрены следующие разделы: 1) характер происшествия; 2) данные о лётном составе; 3) данные о материальной части; 4) время и место происшествия; 5) характер задания; 6) подготовка к выполнению задания; 7) заключение по происшествию. Каждый из

разделов содержал множество пунктов и подпунктов. Кроме того, к акту прилагались объяснительная записка лётчика на имя командира дивизии и метеорологический бюллетень авиационно-метеорологической станции аэродрома Катаока, в котором было указано, что в 18.00 28 сентября 1945 года там наблюдались «туман до земли, горизонтальная видимость 20 м, тихо»²⁵.

В рассмотренном примере самолёт был разбит, а лётчик не пострадал. Поэтому к аварийному акту прилагалось незначительное количество документов. В других случаях комплект материалов мог включать выписку из приговора военного трибунала объединения, фотографии тел погибших и разрушенных самолётов, зарисовки, протоколы медицинского освидетельствования лётчиков и осмотра тел погибших, объяснительные всех членов экипажа и пассажиров²⁶.

В случае если лётное происшествие очевидно было связано с метеорологическими условиями, кроме аварийного акта, формировавшегося по линии строевого командования, начальник метеорологической службы воздушной армии или ВВС военного округа составлял учётную карточку авиационного происшествия за подписью главного штурмана объединения. К примеру, 4 января 1945 года 20 самолётов Як-9 896-го истребительного авиа-

Таблица

Распределение лётных происшествий, связанных с метеорологическими условиями, между конкретными явлениями и временами года в проц. (1945 г.)

Опасное явление погоды	I квартал	II квартал	III квартал	IV квартал	Итого
Туман	33	1,5	—	8,5	43
Гроза	—	1,5	—	—	1,5
Дождь	0,7	4,3	2,8	1,4	9,2
Снегопад	17,1	0,7	—	0,7	18,5
Дымка	3,5	2,2	—	0,7	6,4
Низкая облачность	6,5	2,2	3,5	3,5	15,7
Обледенение	5	—	—	0,7	5,7

Публикуется по: ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 118. Л. 149.

ционного полка перелетали по маршруту Запорожье — Житомир. Командир перелетавшей группы командир полка подполковник Семенко не получил разрешения отдела перелётов штаба ВВС Харьковского военного округа, принял решение на вылет, располагая прогнозом о тумане и обледенении на маршруте. В результате этих действий в районе Пятихаток самолёты оказались в сильном тумане, на плоскостях образовалась корка льда толщиной до 1,5 см. В районе Кировограда 13 самолётов совершили вынужденные посадки, из которых две завершились катастрофами. Лишь пять самолётов достигли пункта назначения, а два пропали без вести²⁷.

В связи с тем, что происшествие произошло на территории Харьковского военного округа, сбор материала и составление учётной карточки осуществлялись начальником метеорологической службы ВВС округа инженер-майором Н.И. Бровкиным. Уже 11 января эта работа была завершена. Учётная карточка включала в себя следующие разделы: 1) часть; 2) тип самолётов и фамилии лётчиков; 3) фактическая погода перед вылетом; 4) место происшествия; 5) время происшествия; 6) характер и причины происшествия; 7) прогноз погоды авиационно-метеорологического бюро объединения; 8) прогноз погоды авиационно-метеорологического бюро соединения; 9) прогноз погоды авиационно-метеорологической станции; 10) фактическая погода в момент происшествия и оценка оправданности прогнозов; 11) виновник происшествия; 12) выводы командования о причинах. Карточка была подписана главным штурманом ВВС округа подполковником Коганом. Примечательно, что в разделах с прогнозами указывался не только их текст, но и кто, в какое время, по какому каналу, кому его довёл. В рассмотренном случае виновником был признан командир полка, а причиной — пренебрежение прогнозом погоды, принятие самостоятельного решения на вылет при наличии

сведений о тумане и обледенении на маршруте²⁸.

Для авиационных метеорологов одной из важных задач детального документирования и формализации разбирательств лётных происшествий было ещё и ограждение коллег от необоснованных претензий, ведь зачастую они становились первыми подозреваемыми или обвиняемыми. 10 апреля 1943 года начальник метеорологической службы 1 ВА подполковник Н.В. Азаров сформулировал задачу подчинённым следующим образом: «Предлагаю в каждом случае происшествия, связанного с метеоусловиями, независимо от того, произошло ли оно по вине метеослужбы или не по её вине, немедленно доносить мне телеграфом. Подробное же донесение высылать по прилагаемой форме немедленно при расследовании. Расследование происшествий, происходящих в частях авиадивизии, начальник метеослужбы обязан производить немедленно на месте. До сих пор начальники метеослужб дивизий к этому вопросу относились крайне несерьёзно. В результате от штабов дивизий поступали документы с заключением о виновности в том или ином происшествии метеослужбы. В то же время начальники метеослужб

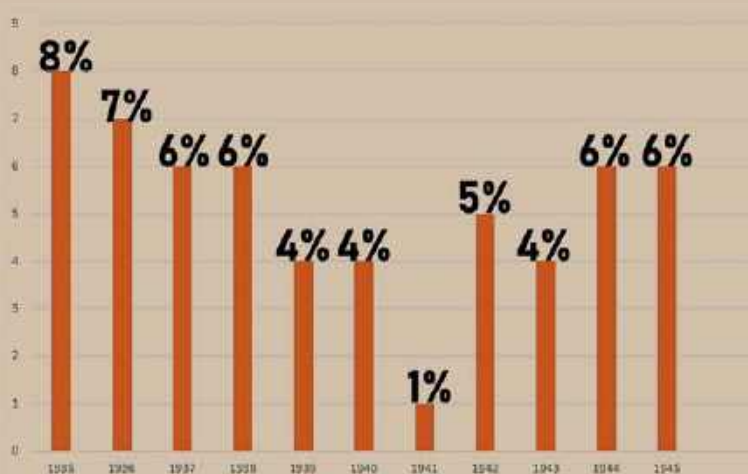
голословно без подтверждения документами утверждали, что метеослужба в происшествии не виновата»²⁹.

Если в каждой воздушной армии или ВВС военного округа вопросами учёта и расследования лётных происшествий, связанных с метеорологическими условиями, занимался начальник метеорологической службы, то в масштабах всей военной авиации курирование было поручено помощнику начальника отдела метеорологической службы штаба ВВС КА инженер-майору В.А. Урукову. В ВВС КА каждый месяц издавались «сводные отчёты по метеослужбе действующей армии» и «информационные бюллетени по катастрофам и авариям, произошедшим в частях ВВС КА». С 1943 года по материалам этих двух ежемесячных документов в отделе метеорологической службы стали формироваться «сведения о лётных происшествиях по метеоусловиям в частях ВВС КА». В выпуске за июль—сентябрь 1943 года, к примеру, были рассмотрены 17 эпизодов³⁰.

Необходимо отметить, что, работая над повышением безопасности полётов и снижением аварийности, связанной с метеорологическими условиями, советские авиаторы изучали и зарубежный опыт. В частности,

Схема 2

Изменение доли лётных происшествий, связанных с метеорологическими условиями, в общем объёме аварийности в ВВС КА с 1935 по 1945 г.

начальник 7-го отдела Управления боевой подготовки ВВС КА полковник Мельников в ходе сбора руководящего состава авиационной метеорологической службы представил доклад о состоянии дел в британской и американской авиации. Выяснилось, что ряд проблем имеет общий характер: «Часто бывает, пишут англичане, что распространение плохой погоды происходит настолько быстро, что ко времени, когда пилот примет решение вернуться обратно, бывает уже поздно достичь безопасной зоны. При таких обстоятельствах лётчики продолжают полёт дальше и попадают в ещё большие трудности. Такие поступки их будут значительно увеличиваться, если у них в прошлом были случаи, когда за возвращение обратно они получили порицание за недостаток настойчивости»³¹.

Интересен был и опыт ВВС США, свидетельствовавший о высоком значении детального ознакомления лётного состава с предстоящим маршрутом полёта и местными особенностями.

Американцы собрали обширную базу данных обо всех лётных происшествиях, подвергли её глубокому анализу. Выяснилось, что большинство происшествий имели место в штатах, в которых есть горы. При этом подавляющее большинство аварий и катастроф произошли не с местными лётчиками, привыкшими к особенностям маршрута, а с транзитными, перелетавшими из одного штата в другой, не знакомыми с местными эффектами³².

Рассматривая вопрос аварийности в ВВС КА, связанной с метеорологическими условиями, необходимо осветить такой важный аспект, как теоретическая и практическая подготовленность лётного состава. Зачастую аварии или катастрофы можно было избежать, правильно оценив метеорологические условия на маршруте и направив для выполнения полёта экипаж, обладавший необходимым уровнем подготовки.

Существовало множество примеров, когда одни лётчики с лёгкостью выходили из сложных ситуаций, а другие, совершавшие полёт в той же группе, терпели

аварии и катастрофы. 5 июля 1944 года группа из трёх самолётов Пе-2 совершала перелёт из Тамбова в Харьков и в районе Нового Оскола столкнулась с туманом. Вот какую оценку действиям лётчиков дал инженер-майор В.А. Уруков: «Вот тут-то и сказалось различное умение правильно оценивать метеорологическую обстановку в воздухе лётным составом. Ведущий командир принимает решение резко отвернуть вправо и с набором высоты пробить туман. В результате резкого разворота теряет из виду ведомых, а, следовательно, упускает из своих рук управление звеном. Правый ведомый, предоставленный самому себе, пытается выйти из тумана вниз и врывается в землю. Самолёт терпит катастрофу. Левый ведомый решил производить посадку в тумане, задел за лес. Самолёт также потерпел катастрофу»³³.

После завершения боевых действий в Великой Отечественной и Советско-японской войнах, возвращения воздушных армий с Дальнего Востока и из Европы в метеорологической службе ВВС КА была проведена масштабная работа по обобщению полученного опыта обеспечения авиации. В числе прочего рассматривались и вопросы аварийности, связанной с метеорологическими условиями. В результате этой работы было установлено, что в общем объёме аварийности доля лётных происшествий, связанных с метеорологическими условиями, постоянно варьировалась. При этом в среднем она составляла 5 проц.³⁴ (схема 2).

Дальнейшее рассмотрение каждого конкретного происшествия позволило отнести его к той или иной группе по критерию ответственности. Выяснилось, что лишь в 9 проц. случаев лётное происшествие, связанное с метеорологическими условиями, имело место по вине метеорологов. В 91 проц. причиной был неправильный учёт погоды командным и лётным составом при подготовке и выполнении полёта, игнорирование метеоро-

Схема 3

Распределение факторов, приводивших к лётным происшествиям, связанным с метеорологическими условиями

рологической информации³⁵ (схема 3).

Благодаря детальному изучению 140 лётных происшествий, случившихся в 1945 году по причинам, связанным с метеорологическими условиями, были определены и конкретные «виновники» — явления погоды. В результате рассмотрения статистики по кварталам установили, что наиболее опасным для авиации метеорологическим явлением был именно туман, а временем года — осенне-зимний период³⁶ (см. табл.).

Подводя итог рассмотрению вопроса аварийности в ВВС КА по причинам, связанным с метеорологическими условиями,

инженер-майор В.А. Уруков резюмировал: «Необходимо полётную практику курсантов проводить и в усложнённых метеорологических условиях, выполняя принцип учить тому, что потребуется лётчику в условиях боевой действительности. Мы уверены, что эта задача вполне осуществима, а следовательно, и вытекающая отсюда частная задача — снижение аварийности по метеорологическим условиям»³⁷.

Масштабная аналитическая работа, проведённая авиационными метеорологами по результатам Великой Отечественной и Советско-японской войн, позволила разработать новый

документ «Порядок учёта и анализа лётных происшествий, связанных с метеорологическими условиями». Весной 1946 года он был представлен начальником отдела метеорологической службы ВВС Советской армии полковником А.А. Кулаковым главному штурману ВВС СА генерал-лейтенанту авиации Б.В. Стерлигову и вошёл в качестве составной части в «Положение о классификации, исследовании и изучении лётных происшествий в ВВС»³⁸. Это на долгие десятилетия предопределило деятельность по обеспечению безопасности полётов советской, а впоследствии российской военной авиации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 29. Оп. 70. Д. 2. Л. 1, 1 об.

² Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 35. Оп. 11264. Д. 5. Л. 4, 4 об.

³ РГВА. Ф. 4. Оп. 15. Д. 18. Л. 4—7.

⁴ Там же. Оп. 11. Д. 57. Л. 277.

⁵ Там же. Оп. 19. Д. 14. Л. 1.

⁶ Подробнее см.: Прямыцын В.Н. Деятельность отечественных государственных органов по развитию военной гидрометеорологии (1876—1945 гг.). Дисс. ... докт. ист. наук. М.: ВАГШ ВС РФ, 2020. 532 с.

⁷ Штурм Берлина: воспоминания, письма, дневники участников боёв за Берлин. М.: Воениздат, 1948. С. 128, 130.

⁸ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 46. Л. 140.

⁹ Там же. Д. 118. Л. 52.

¹⁰ В этом и последующих случаях, если не указаны инициалы, значит, они не приведены в документе и выяснить их не удалось.

¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 111. Л. 60.

¹² Там же. Д. 118. Л. 36—46.

¹³ Там же. Л. 145.

¹⁴ Подробно см.: Прямыцын В.Н. «Последний полёт сталинской ласточки»: расследование катастрофы с самолётом майора М.М. Расковой // Военно-исторический журнал. 2016. № 1. С. 36—40.

¹⁵ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 55. Л. 3, 3 об., 28.

¹⁶ Там же. Д. 61. Л. 12.

¹⁷ Там же. Д. 118. Л. 68, 69.

¹⁸ Там же. Л. 35.

¹⁹ Наставление по метеорологической службе ВВС КА (НАМС-44). М.: Военное

изд-во Народного комиссариата обороны, 1944. 56 с.

²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 5. Л. 4.

²¹ Там же. Д. 55. Л. 1.

²² Там же. Д. 118. Л. 84.

²³ Там же. Д. 55. Л. 61.

²⁴ Там же. Ф. 478. Оп. 5910. Д. 68. Л. 381.

²⁵ Там же. Л. 382—388.

²⁶ Там же. Д. 68. Л. 51, 81—85, 124, 189, 203.

²⁷ Там же. Ф. 35. Оп. 11264. Д. 118. Л. 1.

²⁸ Там же. Л. 2, 2 об.

²⁹ Там же. Д. 55. Л. 61.

³⁰ Там же. Л. 64—105, 117—118.

³¹ Там же. Д. 111. Л. 65.

³² Там же. Л. 66.

³³ Там же. Д. 118. Л. 150, 151.

³⁴ Там же. Л. 142.

³⁵ Там же. Л. 143.

³⁶ Там же. Л. 149.

³⁷ Там же. Л. 157.

³⁸ Там же. Л. 140.

V.N. Pryamitsyn

«IT IS UNWISE TO PERISH IN A FOGGY ENVIRONMENT»

Influence of meteorological conditions on accidents in the Red Army Air Force during the Great Patriotic War and the Soviet-Japanese War (1941—1945)

Information about author. Vladimir Pryamitsyn — head of the department of the Research Institute (Military History), the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, advisor to the Russian Academy of Rocket and Artillery Sciences, D. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: priamitzynvn@mail.ru).

Summary. The paper focuses on the analysis of accidents in the Red Army Air Force during the Great Patriotic War and the Soviet-Japanese War, with a particular emphasis on the role of meteorological conditions. The objective is to ascertain the extent to which weather conditions impacted accidents involving Soviet aircraft. The paper discusses the state of the issue at the time of the war's outbreak, the typology of accidents, their statistics and causes, and the measures taken. Numerous examples from the experience of the 1st, 2nd, 10th, 12th, 15th and 18th Air Armies, the Air Forces of the Ural and Kharkov Military Districts, and the Krasnoyarsk Air Route are used to illustrate the events. The study is based on documentary materials from the Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation. The study draws conclusions about the number of flight accidents related to meteorological conditions in the total volume of accidents, the quality of work of aviation meteorologists, and the degree of danger that certain weather phenomena posed to Soviet military aviation.

Keywords: Great Patriotic War; Soviet-Japanese War; Air Force; accident rate; meteorological service; weather; catastrophe; accident; incident; Y.I. Alksnis; V.A. Urukov; K.A. Fyodorov; A.A. Kulakov.

А.В. Краморенко,
Л.А. Соловьёв,
Д.Е. Фадеев

«ВЕСЬ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ ОТРЯДА В ОПЕРАЦИИ РАБОТАЛ ХОРОШО»

Опыт работы отряда Аварийно-спасательной службы ВМФ СССР
в соответствии с «Техническим отчётом по подъёму крейсера «Червона Украина»
в 1946—1948 гг.

Сведения об авторах. Краморенко Андрей Вячеславович — старший научный сотрудник НИИ спасания и подводных технологий ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», капитан 1 ранга запаса, доктор технических наук (Санкт-Петербург. E-mail: kramorenko09@mail.ru);

Соловьёв Леонид Андреевич — заместитель начальника НИИ спасания и подводных технологий ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», капитан 1 ранга, кандидат военных наук (Санкт-Петербург. E-mail: vncp-vmf-5fil@mail.ru);

Фадеев Дмитрий Евгеньевич — научный сотрудник НИИ спасания и подводных технологий ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия», капитан-лейтенант, кандидат технических наук (Санкт-Петербург. E-mail: vncp-vmf-5fil@mail.ru).

Аннотация. В статье на основе ранее не публиковавшегося документа — технического отчёта специалистов по судоподъёму — рассмотрен процесс подъёма затонувшего в годы Великой Отечественной войны крейсера «Червона Украина». Эта операция стала уникальной по количеству и способам применения стальных судоподъёмных понтонов, разработке новых технологий и новаторских подходов в обеспечении плавучести затонувшего судна.

Ключевые слова: Аварийно-спасательная служба ВМФ СССР; крейсер «Червона Украина»; понтоны судоподъёмные; судоподъём.

Период с 1945 по 1955 год в истории отечественной Аварийно-спасательной службы Военно-морского флота получил неофициальное название «золотое десятилетие судоподъёма». Были подняты около 2700 кораблей и судов, затонувших во время Великой Отечественной войны, суммарное водоизмещение которых составило порядка 1 960 000 т¹. Трудовой подвиг, стоящий за этими количественными показателями, можно реально оценить только посредством ознакомления с подлинными архивными источниками — деловыми записками, рационализаторскими предложениями, различными списками и расходными ведомостями того времени о выполнении судоподъёмных работ. В основу представляемой статьи, в частности, положен практически неизвестный документ — «Технический отчёт по подъёму крейсера «Червона Украина»», разработанный

сразу по завершении работ и хранящийся в НИИ спасания и подводных технологий ВУНЦ ВМФ «Военно-морская академия»².

Автор отчёта, датированного 11 апреля 1948 года, инженер-майор К.А. Цыбин впоследствии успешно работал в сформированном в том же 1948 году проектно-судоподъёмном бюро в составе научно-исследовательского института Аварийно-спасательной службы (АСС) и являлся в 1957—1965 гг. заместителем начальника этого института по научной работе³.

Документ отпечатан на машинке, на пергаментной бумаге. В нём содержатся большое количество графических схем, исполненных тушью на полупрозрачной чертёжной кальке, и немногочисленные чёрно-белые фотографии невысокого качества. Несмотря на это, содержание отчёта даёт полное представление о том, как выполнялась эта сложная работа по подъёму сильно по-

вреждённого боевого корабля в условиях существовавших ограничений, как умелая организация производственного процесса компенсировала скромные возможности применявшихся технических средств и как рождались современные подходы к выполнению судоподъёмных работ, сегодня воспринимаемые как аксиомы.

Крейсер «Червона Украина», единственный погибший корабль в своём классе, находившийся в составе ВМФ СССР в годы Великой Отечественной войны, затонул в результате атаки вражеской авиации 13 ноября 1941 года в Южной бухте Севастополя⁴. Крейсер был практически перебит надвое перед второй дымовой трубой в районе 49-го и 50-го шпангоутов. Части корабля соединялись только смятым участком двойного дна корпуса по правому борту. Также имелись многочисленные пробойны ниже и выше ватерлинии. Были разрушены

надстройки, напрочь снесены средняя и кормовая дымовые трубы. Вся артиллерия за исключением трёх казематных 130-мм орудий левого борта, а также боезапас были сняты ещё во время героической обороны Севастополя. Тонувший корабль при погружении соскользнул по покатоному грунту и лёг с креном около 60 градусов на левый борт на глубине порядка 15 м. Из воды выступали только мачты, лишившиеся верхних частей.

Судоподъёмным работам предшествовали детальное водолазное обследование и разработка Технического проекта подъёма корабля. Материалы проекта содержали те же разделы, которые в аналогичном случае разрабатывались бы и сегодня. Их изучение вызывает восхищение качеством и количеством расчётов, выполнявшихся вручную. Даже в современных условиях, с учётом применения вычислительной техники и специальных компьютерных программ, подобные расчёты потребовали бы немало времени.

Концепция предстоявшей операции предполагала спрямление корабля на грунте и его дальнейшее всплытие с помощью многочисленных стальных судоподъёмных понтонов с последующей постановкой в сухой док. Изначальный технический проект в ходе его обоснования и окончательной разработки претерпел ряд изменений — это естественная ситуация в осуществлении технических проектов подобного плана. Главное — замена секции из двух 225-тонных и четырёх 80-тонных понтонов двумя 400-тонными понтонами — этот своего рода дебют родившегося в неустанном поиске решения оказался исключительно удачным. По количеству одновременно применявшихся понтонов — 55 единиц — подъём крейсера «Червона Украина» до сих пор остаётся непревзойдённым достижением.

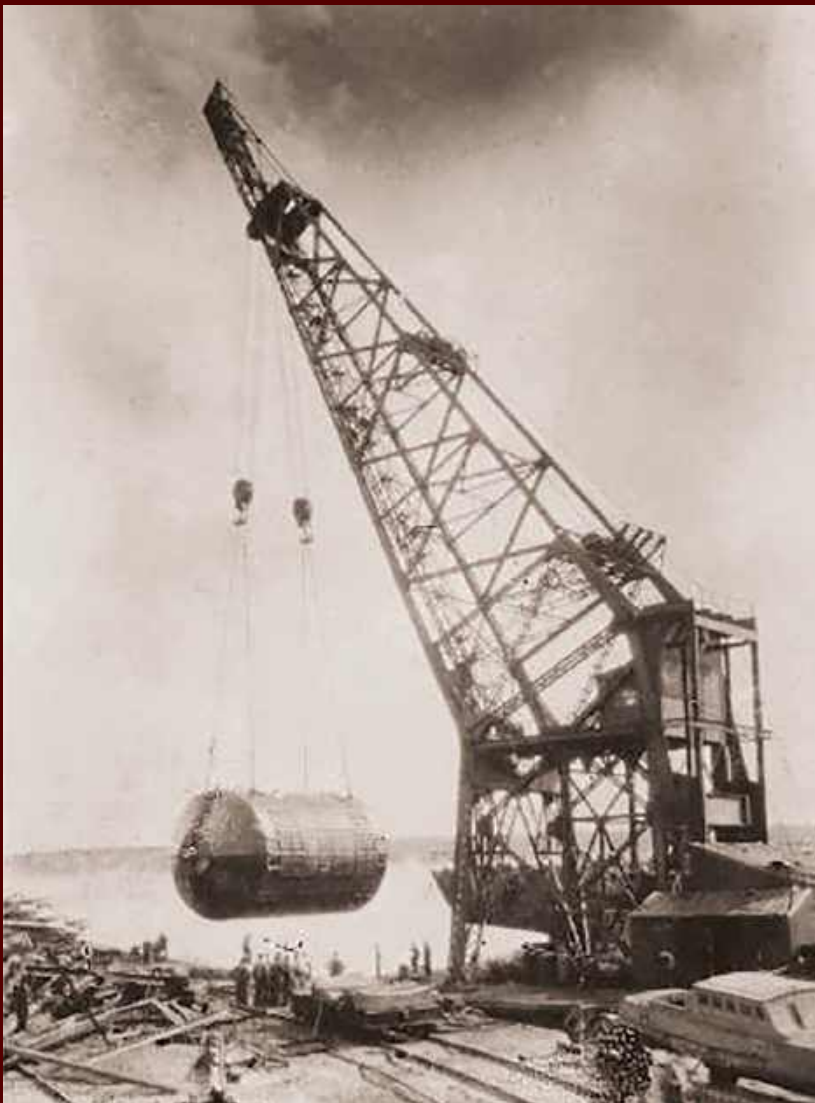
К.А. Цыбин

К 1946 году в АСС ВМФ накопился достаточно большой опыт применения стальных судоподъёмных понтонов, который начал формироваться ещё в предшествовавшем ей ЭПРОНе (Экспедиция подводных работ особого назначения 1923—1942 гг.)⁵. Классическая, во многом сохранившаяся до сих пор конструкция стальных судоподъёмных понтонов была предложена инженером ЭПРОНа Т.И. Бобрицким, также принимавшим участие в подъёме крейсера «Червона Украина». Впервые понтоны классического типа были применены в 1932—1933 гг. при подъёме ледокольного парохода «Садко» на Белом море. Тогда технология работы с понтонами осваивалась трудно: они буквально кувыркались в самые ответственные моменты подъёма судна, произошло три аварии из-за обрыва стропов, многое пришлось переделывать, прежде чем судно было поднято⁶. Зато был получен бесценный практический опыт, и понтоны прочно вошли в практику отечественного судоподъёма.

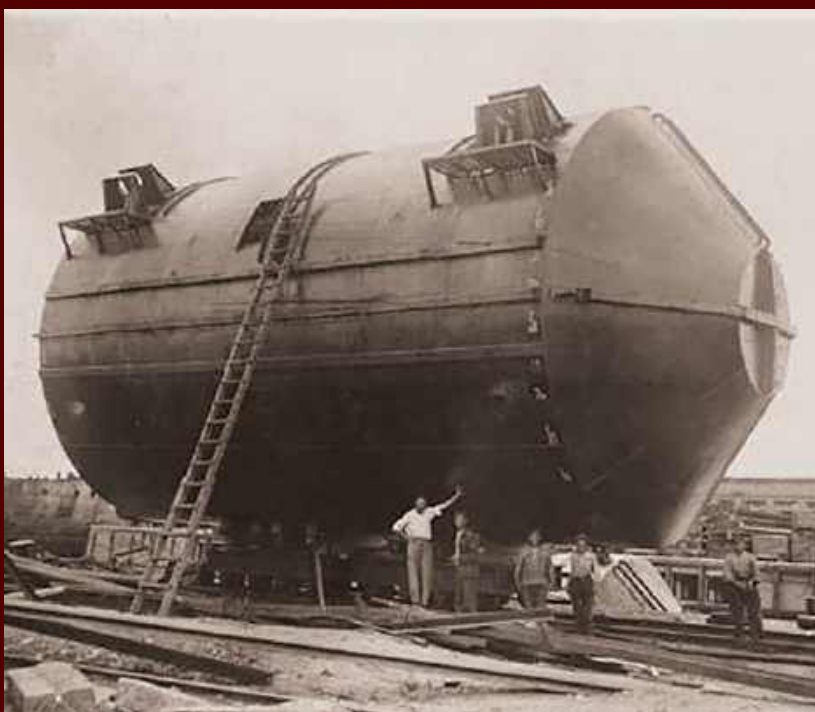
Вслед за первыми понтонами грузоподъёмностью 200 т в большом количестве появи-

лись 40-тонные, 80-тонные, 170-тонные, 225-тонные разборные понтоны (их создали перед войной для подъёма легендарного парохода «Челюскин», но применить не успели). Описание понтонного парка тех лет, правила эксплуатации и проектирования, связанные с этим вопросы теории были изложены в книге «Судоподъёмные понтоны», изданной в 1946 году⁷. Таким образом, основные технические средства для подъёма крейсера «Червона Украина» были, но в распоряжении исполнителей работ имелось нечто существенно большее — новейшие 400-тонные судоподъёмные понтоны, хотя и в ограниченном количестве.

Небывалое число одновременно применявшихся понтонов было обусловлено большим весом крейсера в воде. Он составлял 6000 т, не считая отрывного сопротивления — трудно поддающейся для расчёта силы взаимодействия поднимаемого корабля с грунтом. Следовало учесть ещё две особенности. Во-первых, даже при длине корабля по ватерлинии, равной 163 м, такое количество понтонов поставить непосредственно к его борту не представлялось возможным. Понтоны предстояло разместить в три ряда, чего ранее никогда не делалось. Во-вторых, расположение понтонов не могло быть произвольным. Обычно требуется выполнить одно условие — расположение центра всей плавучести, создаваемой понтонами, должно совпадать по длине поднимаемого корабля с центром его тяжести. В случае практически разорванного надвое крейсера «Червона Украина» требовалось разместить понтоны так, чтобы это условие выполнялось и для его носовой, и для кормовой части по отдельности. В этом случае в месте разрушения корпуса крейсера отсутствовали и изгибающий момент, и другие противоборствующие силы.

400-тонный стальной судоподъёмный понтон
и спуск его на воду с помощью плавучего крана

Представленная в проекте эюра подтверждает правильность размещения понтонов.

Непосредственно работы по подъёму крейсера «Червона Украина» начались 17 января 1946 года с расчистки дна акватории от посторонних предметов и с масштабных грунтоуборочных работ. Были подняты затонувшие рядом две баржи и плашкоут, рейдовые бочки с бриделями, секции боновых заграждений, россыпи угля, а также около 50 взрывоопасных 130-мм унитарных патронов. Из грунта вынули 359 деревянных и металлических свай разрушенного причала. Кроме того, предварительно акваторию вокруг крейсера разметили буйками и приступили к выборке грунта, препятствовавшего размещению судоподъёмных понтонов. Грейфером извлекли 11 тыс. кубометров грунта, который грузили на баржу, вывозили и сбрасывали в море. Работы шли медленно. Трюм баржи вмещал 250 кубометров грунта, что было в 1,5 раза ниже производительности грейфера. Кроме того, арендованную баржу собственник пытался использовать для других неотложных задач, что не способствовало работам. Грейфер постоянно ломался и ремонтировался. В итоге уборка грунта заняла 91 день.

Параллельно водолазы 8-дюймовыми грунтососами убрали 2100 кубометров грунта из-под накрённого борта. С 25 мая приступили к разработке 24 туннелей длиной по 17–18 м под корпусом корабля для заведения стропов судоподъёмных понтонов. Одновременно работали две водолазные станции. Сначала пытались пробивать туннели навстречу с обоих бортов, но соединяться не получалось. Тогда водолаз главный старшина Гринченко предложил нарастить тяжёлый приёмный оголовок грунтососа дополнительным лёгким рукавом, что значительно ускорило работу.

Любой водолаз, работавший с грунтососом при разработке туннелей, скажет, что более трудных и опасных работ не существует. Всё происходит в стеснённых условиях, при полном отсутствии видимости и с постоянной угрозой обрушения стенок. Задача усложняется необходимостью разработать туннели в строго заданных параметрах, иначе понтоны не встанут на свои места. Чтобы не ошибиться, на корпусе корабля сделали разметку и над каждым будущим туннелем приварили металлические обухи, воспринимавшиеся на ощупь и служившие для фиксации оголовка грунтососа. Точность разметки повысили, начав её с середины корабля в сторону обеих оконечностей одновременно.

Грунтоуборочные работы требовали постоянного контроля. Глубину выемки проверяли отвесом, а осмотр выполняли по воскресеньям, когда вследствие перерыва в работах замутнённая вода светлела. 17 июля был пробит последний туннель. Осмотр показал, что 15 туннелей следует поправить — спрямить и расширить. Поэтому работы продолжались ещё две недели.

Окончание разработки туннелей позволило выполнить нивелировку (выравнивание дна) котлованов. Работы по уборке грунта были настолько обширными, что положение корабля на дне изменилось: крен самопроизвольно уменьшился на 13 градусов и составил 47 градусов. Неконтролируемый процесс был остановлен за счёт оставления 15-метровой грунтовой перемычки по правому борту.

Приступили к работе с понтонами, хотя стало понятно, что намечался перерыв из-за отсутствия троса для изготовления полного комплекта судоподъёмных стропов. Ограничились острожкой и проверкой в действии пары новых 400-тонных понтонов. И весьма предусмотрительно.

Отсутствие опыта их применения не должно было помешать высокому темпу работ в будущем.

Судоподъёмные действия остановились 20 сентября 1946 и возобновились 17 января 1947 года. Предстоял сложный и ответственный этап спрямления крейсера «Червона Украина» на грунте. Перерыв не пошёл на пользу. Грунт в котлованах оплыл, и пришлось возобновить грунтоуборочные работы. Грейфером дополнительно выбрали 2000 кубометров, столько же водолазы убрали грунтососами. Предыдущий опыт был учтён. Поэтому для вывоза грунта привлекли баржу вместимостью 450 кубометров, что существенно ускорило работы. 23 апреля они завершились. Параллельно проводили очистку внутренних помещений крейсера от проникшего в них грунта и по созданию мест для крепления судоподъёмных понтонов, острапливавшихся при спрямлении только со стороны левого борта. Водолазы за 37 дней открыли и подготовили к использованию 29 иллюминаторов правого борта, за которые крепили стропы с помощью закладных элементов, так называемых закусок. Часть стропов закрепили за комингсы люков и в обхват некоторых прочных частей, таких как тумбы орудий и торпедных аппаратов. Понтоны острапливали и ставили на плав путём частичной продувки. Важно было не допустить преждевременного неполного спрямления корабля. Под стропы в местах перегибов на острых краях ставили деревянные подушки. Сами понтоны тоже защищали подушками и матами. Всего, в один или в два ряда, остропили 16 понтонов, включая один 400-тонный. Каждый понтон после остропки для проверки продувался полностью, затем воздух из средних отсеков стравливали.

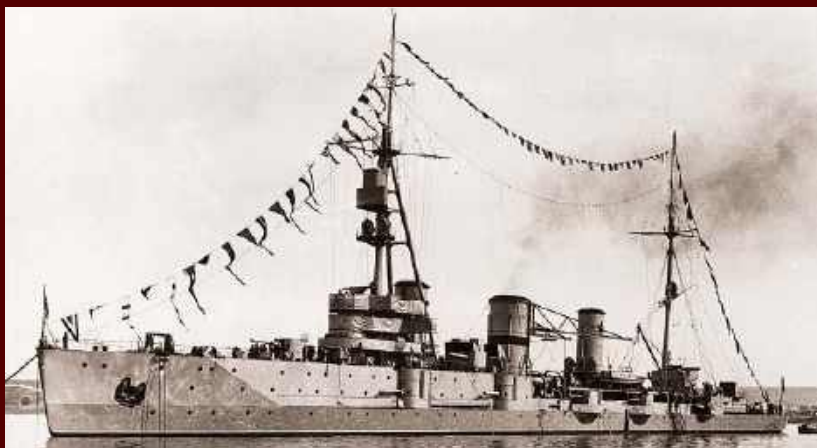
Для продувки понтонов соорудили 24 шланговые линии. 28 мая приступили к спрямле-

нию корабля. Порядок продувки понтонов был избран таким, чтобы обе его части начали поворот одновременно, исключив скручивание и разрыв в повреждённом сечении корпуса.

Спрявление началось раньше намеченного срока. Ожидавшегося отрывного сопротивления величиной 25 проц. от подъёмного веса корабля не было совсем, т.к. многочисленные туннели разрезали контактную зону с грунтом, не давая появляться обширному разряжению под корпусом, создававшему силу присоса днища к донным отложениям. Корабль медленно повернулся от 47 до 25 градусов, ускорил движение до 10 градусов, а затем, после продувки всех понтонов, медленно встал на ровный киль. Этот несомненный успех открыл фронт дальнейших работ по острожке понтонов с обоих бортов.

Как обычно, возникли непредвиденные обстоятельства. Грунт плохо держал корабль, который погрузился в него в среднем на 5 м — примерно в два раза глубже расчётного значения. Вновь появился крен в 3 градуса, но теперь уже на левый борт. Всё это потребовало продолжения грунтоуборочных работ, объём выработки которых на этот раз составил ещё 6000 кубометров. Одновременно готовились судоподъёмные понтоны — 52 основных, два отрывных и один противокреновый. 38 понтонов были в той или иной мере отремонтированы. Отрывные понтоны, остропленные над палубой на длинных стропях, имели особое значение. Они должны были в самом начале всплытия выйти на поверхность и остановить процесс подъёма, чтобы он не имел разрушительного динамического характера.

Понтоны стропили секциями по мере разработки котлована. Применённая исключительно сложная операция по острожке понтонов в три ряда до сих пор остаётся уникальной. Положение понтонов возле кор-

Крейсер «Червона Украина»

Затонувший крейсер «Червона Украина»

Крейсер «Червона Украина», всплывший на понтонах

пуса корабля целиком диктуется длиной судоподъёмных стропов, определить точно эту величину практически невозможно. Данное обстоятельство, а также рачительное стремление повторно использовать стропы, применявшиеся при спрямлении, потребовали подгонки длины всех стропов по месту: где-то укорачивали их оттяжками, где-то наращивали тросовыми сшивками («бубликами»). Технология определения требовавшейся длины стропов, проходивших под корпусом корабля, предполагала одновременный подъём соединённых между собой понтонов двумя плавкранами. Смотрели, насколько положение понтонов по высоте отличалось от предусмотренного на схеме технической документации, и принимали решение об укорачивании или наращивании стропов. Остроплённые понтоны снова для проверки продували полностью, а затем стравливали воздух, оставляя их под неполной нагрузкой.

Работы с понтонами были завершены 29 октября 1947 года. В завершение собрали продувочные линии из 56 серийных воздушных шлангов длиной 50, 70 и 90 м. Дефицит шлангов компенсировали рациональным расположением трёх продувочных станций и применением для нескольких малых 40-тонных и 80-тонных понтонов нестандартных шлангов с меньшим проходным сечением. Место подъёма оборудовали освещением для производства ночных работ.

Продувку понтонов начали в час ночи 3 ноября, чтобы после подъёма успеть засветло перевести поднятый крейсер через Севастопольскую бухту на отмель, расположенную на Северной стороне. В семь утра началось всплытие носовой оконечности, которое проходило очень медленно, чему способствовали выход из воды отрывных понтонов и полное отсутствие отрывного сопротивления. Крен сначала возрос

до 9 градусов, но был устранён спрямляющим понтоном. Когда носовые понтоны вышли на поверхность, остойчивости поднятого корабля уже ничего не угрожало. Это было обеспечено большим моментом инерции и площадью действующей ватерлинии понтонов. Перешли к продувке понтонов в кормовой оконечности, и после полудня крейсер «Червона Украина» всплыл на понтонах полностью. Перевод на отмель двумя буксирами прошёл точно по намеченному плану.

Предстояло вновь изменить схему остропки судоподъёмных понтонов, так как с остропкой понтонов в три ряда корабль по ширине не проходил через входные ворота дока. Исключение внешнего ряда понтонов и обеспечение требовавшейся при входе в док осадки не более 8,5 м следовало обеспечить осушением ряда помещений внутри корпуса корабля откачкой воды. Успех этого непростого мероприятия зависел не столько от производительности насосов, сколько от устранения водотечности. Известно, что через пробоину диаметром всего 30 см, расположенную на глубине 2 м, в час поступает 950 кубометров воды. Осушавшиеся отсеки — один в носо-

вой части и два в кормовой — по-прежнему выбирали так, чтобы общая подъёмная сила с учётом оставшихся понтонов не создавала изгибающего момента в сильно повреждённом сечении корпуса корабля по 49—50-му шпангоутам. При этом запас плавучести требовался не менее 30 проц. от подъёмного веса. Изменений относительно ранее выполненных работ было так много, что пришлось разработать дополнение к Техническому проекту подъёма корабля.

Северный сухой док завода № 497 имел высокую производственную загрузку, поэтому сроки доковой операции определили жёстко — 8 февраля 1948 года. Снова предстояла напряжённая работа, но на этот раз в значительно более тяжёлых условиях. Место, где корабль поставили на отмель, не было защищено от волн. И зимние шторма не заставили себя ждать. Удары трёхметровых волн были настолько сильными, что все оставшиеся после расстропки третьего (внешнего) ряда понтоны, за исключением пары 400-тонных, сдвинуло с мест, а четыре 200-тонных понтона сорвало и разбило о борт. Корабль шевелился, переваливаясь с борта на борт. Известняковый грунт

оказался более податливым, чем предполагалось, и крейсер осел кормой на 1,5 м так, что верхняя палуба ушла под воду, и получил крен в 3,5 градуса.

Работы возобновились 10 января 1948 года. Понтоны отремонтировали, добавили ещё два новых 400-тонных и, по сути, остропили вновь, установив в два ряда 2 пары 400-тонных, 10 пар 200-тонных, 6 пар 80-тонных и 3 пары 40-тонных понтонов, используя, по возможности, уже имевшиеся стропы.

Наиболее неопределённым и трудоёмким этапом работ, как и ожидалось, стала откачка воды из отсеков. Как и сегодня, её производили пробным путём, размещая водоотливные рукава в осушавшихся помещениях через люки в верхней палубе и через надводные иллюминаторы. В корме пришлось установить шахты. Применялись мотопомпы иностранного производства «Танк» (2 ед.), «Лейстонг», «Джекер» (4 ед.) и отечественные НС-150 (2 ед.), каждая номинальной производительностью 400, 300, 100 и 150 кубометров воды в час соответственно. Дополнительно для откачки применялись пневматические грунтососы, работавшие в режиме эжекторов. Несмотря на внуши-

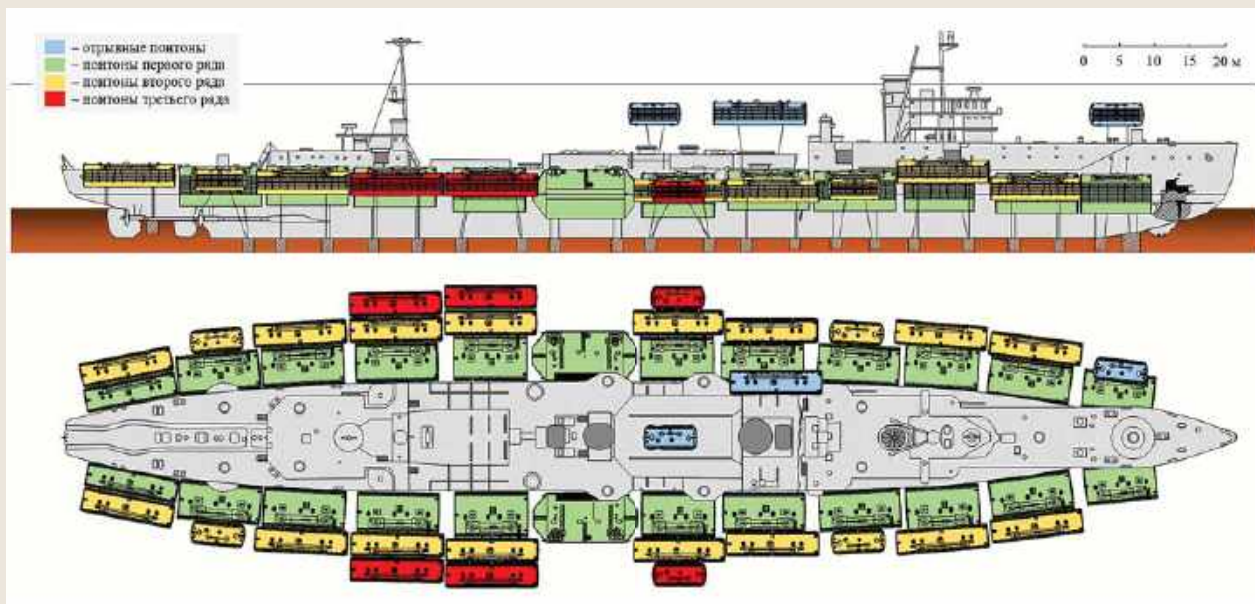

Схема расположения судоподъёмных понтонов при подъёме крейсера «Червона Украина»

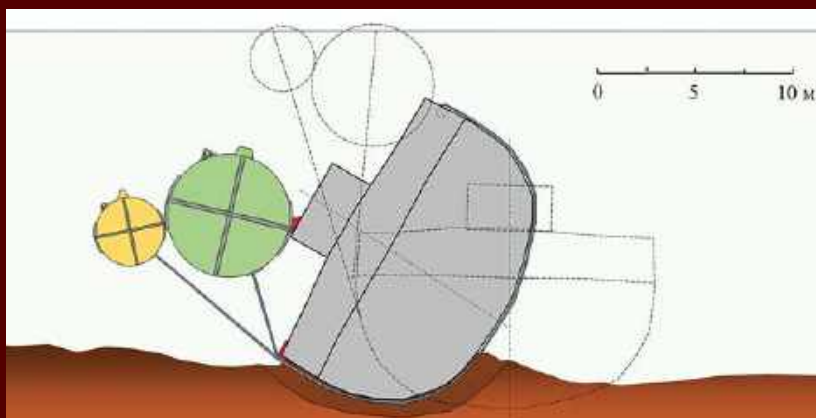

Схема остропки понтонов при спрямлении крейсера

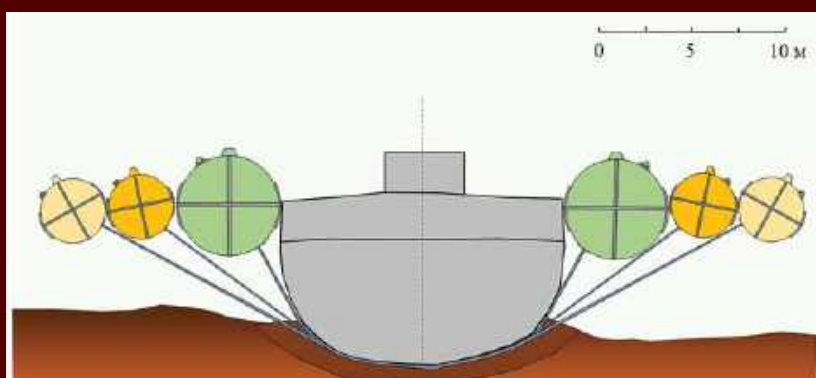

Схема уникальной остропки понтонов в три ряда

Буксировка и постановка в док крейсера «Червона Украина»

тельную суммарную производительность водоотливных средств, сначала уровень воды в помещениях практически не падал. На корабле разместили четыре водолазные станции, и водолазы начали спускаться в отсеки в поисках мест водотечности. Были заделаны сотни мелких пробоин, заглушены десятки трубопроводов, закрыты двери и люки. С каждой новой попыткой откачки уровень воды неуклонно понижался, пока не был достигнут необходимый результат при минимальной водотечности.

Все подготовительные работы, включая остропку понтонов, были завершены 1 февраля 1948 года. Провели даже контрольное учение для отработки организации работ по постановке крейсера в сухой док.

Продувку понтонов начали в полночь, чтобы к утру 8 февраля поставить крейсер в положение «на плаву» и выполнить доковую операцию засветло. Последовательность продувки понтонов и откачки воды была строго определена из расчёта первоочередного подъёма носовой оконечности и недопущения разрушения корабля в повреждённом сечении. Всплытие носовой оконечности в 5 ч 30 мин происходило очень медленно, что свидетельствовало об отсутствии отрывного сопротивления и на этот раз. К 8 ч утра также медленно всплыла корма. Два буксира, удерживавшие всплывший корабль от дрейфа, повели его к открытому батопорту сухого дока. В 17 ч крейсер «Червона Украина» был успешно поставлен на доковые клетки мальтийским способом (его вертикальное положение обеспечивалось многочисленными упорами между бортами и стенками дока), несмотря на наличие крена величиной 2,5 градуса.

Работы в доке продолжались до 4 апреля. Судоподъёмные понтоны расстропили и вывели из дока, когда корпус корабля ниже действующей ватер-

линии ещё оставался заполнен водой. Затем док окончательно осушили, параллельно откачивая воду из корпуса крейсера, чтобы её уровень внутри не оказался выше, чем снаружи. Появилась возможность более тщательно осмотреть поднятый корабль на предмет полученных повреждений и заделать их в условиях завода. Это позволило вывести крейсер из дока без понтонов, относительно быстро освободив док для дальнейшего использования.

К сожалению, технические отчёты по подъёму затонувших объектов и тогда, и сейчас, как правило, практически не позволяют узнать степень конкретного участия отдельных исполнителей ведущих работ. За количеством понтонов и прочих технических средств, объёмами откаченной воды и извлечённого грунта,

описанием технологий и продолжительностью отдельных этапов работ теряются имена людей, без которых всё это было бы не востребованным и невозможным. Отчёт о подъёме крейсера «Червона Украина» не является исключением. Однако в самом его конце всё-таки есть фраза, которую следует воспроизвести полностью, отдав дань уважения и памяти достойным людям, поднявшим израненный крейсер: «Весь личный состав отряда в операции работал хорошо. Особенно отличились в работах: капитан-лейтенант Романенко, лейтенант Кузима, мл. лейтенант Бесжанов, мичман Мищенко, гл. старшины Гринченко, Сухарев и Шевчук, ст. 1 ст. Куликов, ст. 2 ст. Агасеев, ст. матрос Чубан, матрос Драган». Низкий им поклон, как и всем остальным неназванным участникам работ.

Крейсер «Червона Украина» как боевая единица не восстанавливался и был переоборудован сначала в учебно-тренировочную станцию по борьбе за живучесть СТЖ-4, а с 1950 года использовался как корабль-цель ЦЛ-53 при испытаниях противокорабельных ракет.

Опыт, полученный при подъёме крейсера «Червона Украина», оказался востребованным. В 1956 году при подъёме линкора «Новороссийск» «дебютировавшие» в 1947 году 400-тонные судоподъёмные понтоны, остропленные в том числе в два ряда, предотвратили отрыв его повреждённой взрывом носовой оконечности и обеспечили остойчивость корабля при всплытии⁸. По сей день доведённая до совершенства технология массового применения судоподъёмных понтонов верно служит отечественному Военно-морскому флоту.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Спасатели Военно-морского флота. М.: Военное изд-во, 1996. 264 с.

² Технический отчёт по подъёму крейсера «Червона Украина». Исполнил инженер-майор Цыбин. Севастополь, 1948. 93 с.

³ История 40 Государственного научно-исследовательского института аварийно-спасательного дела, водолазных и глубоководных работ Министерства обороны РФ. 5-е изд., уточн. и доп. СПб.; Ломоносов: 40 ГНИИ МО РФ, 2007. 355 с.

⁴ Чернышев А.А. Гибель крейсера «Червона Украина» // Гангут. 2008. Вып. 47. С. 67—81.

⁵ ЭПРОН. Документы по истории Экспедиции подводных работ особого назначения при ОГПУ СССР (1923—1931): архивные документы и материалы. М.: Граница, 2015. 664 с.

⁶ Бобрицкий Т.И. «Садко» // ЭПРОН: сборник статей по судоподъёмному, водолазному и аварийно-спасательному делу № 8—9. Л.: Краснознамённая

экспедиция Подводных работ СССР, 1935. С. 177—186; Симонов П.В. Подъём ледокола «Садко» // Там же. С. 187—266.

⁷ Афонин З.Ф., Шаров Я.Ф., Чикер Н.П. Судоподъёмные понтоны. М.; Л.: 1-я типолитография УВМИ НКМФ, 1946. 128 с.

⁸ Муру Н.П. Гибель и подъём линкора «Новороссийск». Катастрофы на море: сборник. СПб.: Судостроение, 1998. 392 с.

A.V. Kramorenko, L.A. Solovyov, D.Ye. Fadeyev

«ALL PERSONNEL OF THE DETACHMENT IN THE OPERATION PERFORMED ADMIRABLY»

The work experience of the Emergency Rescue Service detachment of the USSR Navy is documented in the technical report on the lifting of the cruiser Chervona Ukraina in 1946—1948

Information about authors. Andrey Kramorenko — senior researcher at the Research Institute of Rescue and Underwater Technologies of the Military training and scientific center of the Navy Naval Academy, captain 1st rank, D. Sc. (Tech.) (St. Petersburg. E-mail: kramorenko09@mail.ru);

Leonid Solovyov — deputy head of the Research Institute of Rescue and Underwater Technologies of the Naval Academy, captain 1st rank, Cand. Sc. (Mil.) (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf-5fil@mail.ru);

Dmitry Fadeyev — researcher at the Research Institute of Rescue and Underwater Technologies of the Military training and scientific center of the Navy Naval Academy, captain-lieutenant, Cand. Sc. (Tech.) (St. Petersburg. E-mail: vunc-vmf-5fil@mail.ru).

Summary. Based on a previously unpublished document, a technical report of ship-lifting specialists, the paper examines the process of raising the sunken cruiser Chervona Ukraina during the Great Patriotic War. This operation was unique in terms of the number and methods of using steel ship-lifting pontoons, development of new technologies and innovative approaches to ensuring the buoyancy of the sunken ship.

Keywords: Emergency rescue service of the USSR Navy; cruiser Chervona Ukraina; ship-lifting pontoons; ship-lifting.

«...ДОКОЛЕ СИИ ГЛАВНЕЙШИЕ АРТИКУЛЫ НЕ УТВЕРЖДЕНЫ БУДУТ, ДЕЙСТВИЯ ОРУЖИЯ НИКАК НЕ ПЕРЕСТАНУТ»

Фокшаны — Бухарест — Кючук-Кайнарджа: этапы большого пути

Сведения об авторе. Якушев Михаил Ильич — старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: mikhail.yakushev@tsgg.ru).

Аннотация. Ход Русско-турецкой войны 1768—1774 гг. свидетельствовал о военном преимуществе России над Блистательной Портой и неминуемом поражении Турции. В марте 1772 года было окончательно решено объявить перемирие и устроить переговоры между представителями Порты и России, чтобы обсудить условия будущего мира. Екатерина II назначила уполномоченными послами Г.Г. Орлова и А.М. Обрескова. Переговоры, едва начавшись, зашли в тупик. К концу августа турки решили покинуть Фокшаны, разорвав перемирие. Орлов тоже не задержался в ставке Румянцева и самовольно спешно убыл в Санкт-Петербург. За это он был отстранён от дальнейших переговоров с османами, которые вёл уже на Бухарестском мирном конгрессе (1772 — 1773 гг.) один Обресков и которые также завершились провалом и отъездом османских переговорщиков.

Но победа ковалась не за столом мирных конгрессов, а на поле боя. После поражения османского войска в битве при Козлудже был заключён Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Он положил конец Русско-турецкой войне 1768—1774 гг. и ознаменовал поражение Османской империи.

Ключевые слова: Высокая Порта; Г.Г. Орлов; А.М. Обресков; мирный конгресс; П.А. Румянцев; Н.В. Репнин; Мохсинзаде Мехмед-паша; Ахмед Ресми-эфенди.

В 2024 году отмечалось 250-летие заключения Кючук-Кайнарджийского мирного трактата в результате убедительной победы России над Османской империей в войне 1768—1774 гг., который историками был признан вершиной дипломатического искусства Российской империи. Однако артикулы этого трактата ковались сначала на полях сражений талантливыми русскими военачальниками П.А. Румянцевым, А.В. Суворовым, Г.А. Спиридовым, Р.-В. фон Эссеном, И.В. Гудовичем, офицерами и солдатами, а затем с оперативных карт переносились в дипломатические анналы переговорного процесса.

Впервые в истории Нового времени русская армия без участия иностранных войск сумела одолеть «один на один»

сильнейшую армию, чего до неё не могла осуществить ни одна европейская страна. Путь к этому «вечному миру» с Высокой Портой проходил через два мирных конгресса — в Фокшанах в 1772 году и Бухаресте в 1772—1773 гг. — через два объявленных перемирия, завершившись год спустя подписанием мира в местечке Кючук-Кайнарджа.

Основной массив документов о Фокшанском и Бухарестском мирных конгрессах и мирных переговорах в Кючук-Кайнардже между военными и дипломатическими представителями России и Порты Оттоманской собран в фонде «Сношения России с Турцией», хранящемся в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ) МИД РФ.

Накануне описываемых событий в Европе сложилась напряжённая геополитическая обстановка как между европейскими государствами, где плелись сложные политические интриги, так и между ними и Россией. Особо активную роль в них играли Франция, Вели-

кобритания и Австрия. Париж всячески подталкивал Стамбул к войне с Петербургом, чтобы в дальнейшем воспользоваться трудностями Высокой Порты и захватить Египет. В результате французских и польских интриг османский султан Мустафа III (1757—1774 гг.) объявил войну

России, воспользовавшись в качестве предлога вводом русской армии в пограничные местности Речи Посполитой (Польши) и вторжением запорожских казаков (находившихся на российской военной службе) на территорию «Высокого Османского государства» в ходе преследования

польских военных. Объявленная Портой война России на её начальном этапе не приносила успеха русской армии, поскольку в ту пору ни одно европейское государство не решалось бросать вызов османскому войску.

25 сентября (6 октября)* 1768 года Мустафа III бросил в каземат Семибашенного замка (Едикуле) русского резидента и посланника Алексея Михайловича Обрескова¹, прослужившего двадцать лет в Османской империи². Вместе с ним в Едикуле был заключён весь штат русского посольства в количестве 11 человек³. Разрыву дипломатических отношений между Стамбулом и Петербургом послужили предшествовавшие дебаты между Обресковым и визирями Порты по вопросу о ситуации в Речи Посполитой, которая произвела на видного османского дипломата Ахмеда Ресми-эфенди впечатление «государства без хозяина и без защиты»⁴.

Европа всячески пыталась ослабить Россию. В 1770 году Франция помимо дипломатической поддержки Порты предложила султану 12—15 кораблей для пополнения османского флота, уничтоженного совместными действиями двух балтийских эскадр под командованием адмирала Г.А. Спиридова и контр-адмирала Джона Эльфинстона. Объединившись в Греческом архипелаге под общим командованием графа А.Г. Орлова⁵, балтийцы сожгли османский флот на рейде Чесменский бухты⁶ 24—26 июня (5—7 июля) 1770 года⁷. В связи с победами русского флота на Средиземном море усилились враждебные к России настроения и в Великобритании: в 1770 году британское правительство прекратило набор моряков для русских эскадр и стало отзывать служивших в них английских офицеров, участвовавших в Чесменском сражении на стороне русских.

В ходе успешного сражения осенью 1771 года под Бухарестом

А.М. Обресков

русские войска 20 (31) октября захватили столицу Валахии и оставались там до конца войны⁸. В 1771 году русская армия заняла Крым, нанеся сильнейший удар по престижу Османской империи. По мере увеличения победоносных военных кампаний на суше и на море 1770—1771 гг. выработывавшиеся статьи будущего мирного договора претерпели значительные изменения в сторону ужесточения требований к Порте. Султан всячески пытался продемонстрировать свой миролюбивый характер и готовность завершить войну, но пойти на признание независимости Крыма было для него неприемлемо.

Международные осложнения побуждали Петербург также торопиться с заключением мира. Руководство переговорами по перемирию было возложено на главнокомандующего русской армией на Дунае графа П.А. Румянцева. С этого времени начинает восходить его звезда как военного дипломата.

В феврале 1772 года Россия подписала с Пруссией предварительную конвенцию о разделе Речи Посполитой, к которой вскоре присоединилась Австрия. Опасаясь, что Вена может пойти на ещё большее сближение с Петербургом, Порта не решилась

и дальше обострять отношения с Россией.

Придя к соглашению с Пруссией и Австрией по польскому вопросу, Екатерина II, идя навстречу настояниям Вены, отказалась от требования к Порте предоставить независимость Молдавскому и Валашскому княжествам от Османской империи. Взамен этой уступки Екатерина II ожидала от Австрии и Пруссии поддержки остальных русских требований к османскому правительству. Императрица рассчитывала также на то, что сам факт сближения трёх держав (России, Австрии, Пруссии) на почве раздела Речи Посполитой побудит Порту к большей уступчивости.

Затянувшиеся на несколько лет военные действия поставили Османскую империю в тяжёлое экономическое и внутриполитическое положение, о чём свидетельствовала частая смена великих визирей Высокой Порты после смещения в начале войны главнокомандующего османским войском великого визиря (садрама) Мохсинзаде Мехмед-паши⁹, выступавшего против начала войны с Россией¹⁰. В августе 1768 года его заменил силахдар¹¹ Махир Хамза Хамид-паша, открыв период «садрамазовой чехарды» в османском правительстве. Через два с половиной месяца пост великого визиря занял Мехмед Эмин-паша, при котором в войске резко усилились дезертирство и казнокрадство. Садразам обвинили в коррупции и некомпетентности¹², и в августе 1769 года султан заменил его на Молдаванджи Али-пашу¹³, продержавшегося в этой должности всего четыре месяца. Албанец Иваззаде Халил-паша стал великим визирем и главнокомандующим османского войска в декабре 1769 года.

В 1769 году А.М. Обресков был вывезен османами на Дунайский фронт, продолжая оставаться в статусе заключённого. В мае 1771 года султан Мустафа III освободил его из заключения¹⁴, послав таким образом Екатерине II недвусмысленный сигнал о желании прекратить войну,

* В скобках даётся дата по новому стилю, без скобок — по старому.

**Императрица Екатерина II
Великая**
Художник Д. Левицкий

**Граф
П.А. Румянцев-
Задунайский**

**Адмирал
Г.А. Спиридов**

который императрица проигнорировала.

В декабре 1771 года «садразмова круговерть» замкнулась после того, как султан восстановил Мохсинзаде Мехмед-пашу в должности великого визиря и главнокомандующего османской армией, который из-за неудач и тяжёлых потерь в марте 1772 года был вынужден направить П.А. Румянцеву¹⁵ письмо с просьбой приступить к мирным переговорам.

При петербургском дворе к тому времени сформировались две партии. Одна во главе с графом Н.И. Паниным¹⁶ выступала за скорейшее заключение мира с Портой. Другая во главе с братьями Орловыми, опираясь на поддержку Екатерины II, ратовала за продолжение войны с османами и за поход на Константинополь, который принёс бы славу не только «матушке-императрице», но и двум братьям — Григорию, как автору проекта, и Алексею, как командующему Средиземноморской эскадрой, которой предписывалось с моря нанести удар по Царьграду. Впоследствии дальнейшей реализацией замысла братьев Орловых занялся новый фаворит Екатерины II — князь Григорий Потёмкин, представивший императрице

знаменитый «Греческий проект Екатерины».

Международная обстановка складывалась далеко не лучшим образом и для Петербурга. Воювавшую с Россией Османскую империю активно поддерживали Франция и Швеция, угрожавшая военной агрессией Петербургу. Вот почему, несмотря на успехи в войне с османами, императрица Екатерина II, так же как и султан Мустафа III, стремилась к скорейшему окончанию войны. Генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев был вынужден принять предложение садразам о мирных переговорах.

Фокшанский конгресс 1772 года имел целью положить конец войне, объявленной Османской империей России. Он проходил с 27 июля по 28 августа 1772 года в деревне Голешти, расположенной в четырёх верстах от Фокшан (современный город Фокшани, Румыния).

В конце марта 1772 года было получено сообщение о том, что Порта назначила уполномоченных на конгресс: Осман-эфенди и шейха мечети Айя-София Ясинзаде-эфенди, который вёл дискуссии по вопросам, касавшимся религиозной проблематики. Русская сторона не хотела, чтобы конгресс собрался в Бу-

харесте, ибо в нём как в главном городе Валахии плелось бы много интриг. Русские предложили Измаил. Однако тут уже не согласились турки, выдвинув в качестве контраргумента «сырость тамошнего воздуха и множество комаров». На самом же деле османов не устраивало то обстоятельство, что мечети Измаила были заняты под русские церкви и магазины.

Наконец было принято решение собраться на мирный конгресс в Фокшанах и начать заседания в июне. Уполномоченными на конгресс с русской стороны были назначены в качестве чрезвычайных и полномочных послов Г.Г. Орлов¹⁷ и освобождённый из османского заточения отозванный из Константинополя бывший русский посланник и эксперт по османским и исламским делам А.М. Обресков. Назначение императрицей своего фаворита Орлова в качестве первого посла на переговорах с османами ставило его в дипломатической иерархии выше второго посла Обрескова, хотя оба они были облечены «полной доверенностью» продолжить мирные переговоры с Портой для скорейшего прекращения войны и «возвращения самого столь вожделенного» мира.

**Контр-адмирал
Д. Эльфинстон**

**Фаворит императрицы
граф Г.Г. Орлов**

Генерал А.В. Суворов
Художник Д. Левицкий

Послы регулярно направляли императрице реляции (письменные доклады) о проведённых конференциях с османскими представителями¹⁸ и получали от неё соответствующие рескрипты¹⁹.

Генерал-фельдцейхмейстер светлейший князь Г.Г. Орлов и тайный советник А.М. Обресков получили широкие полномочия потребовать значительных уступок от Порты. Однако если они могли не настаивать, как прежде, на предоставлении Портой независимости своим вассальным Дунайским княжествам и воеводствам — Молдавии (осм. аль-Богдан) и Валахии (осм. аль-Афляк), занятым русскими войсками, то им предписывалось категорически настаивать на предоставлении независимости от султанского сюзеренитета Крымскому ханству и на свободе плаванья русских кораблей в Чёрном море и проливах.

Опасаясь усиления русского влияния в занятых русской армией Молдавии и Валахии, король Пруссии Фридрих II посоветовал Екатерине II отказаться от этих двух субъектов Османской империи, а в качестве компенсации за военные расходы предложил раздел Речи Посполитой между Пруссией и Россией. Затем Фри-

дрих привлёк на свою сторону и Австрию.

Как и предполагала Екатерина II, в результате подписания секретной конвенции «союза трёх чёрных орлов» (России, Австрии, Пруссии) против «белого орла» (Польши)²⁰ в том же 1772 году произошёл первый раздел Речи Посполитой, сделав султана более восприимчивым к требованиям императрицы. И действительно, Порта, не получив обещанной поддержки от Австрии, на которую она рассчитывала, была вынуждена подписать 19 мая 1772 года в Журжеве перемирие с Россией и согласиться на открытие мирного конгресса в Фокшанах.

Однако Австрия и Пруссия на деле не только не оказывали России поддержки, но и усложняли задачу русской дипломатии. Вместе с турецкими уполномоченными в Фокшаны прибыли австрийский и прусский посланники Тугут и Цегелин, аккредитованные при Порте Оттоманской. Их целью было принять участие в переговорах в качестве посредников, чтобы предотвратить чрезмерное, по их мнению, усиление России. Прусский резидент Цегелин занял внешне дружественную России позицию, но, по словам П.А. Ру-

мянцева, в его поведении были видны «и волчий рот, и лисий хвост». Австрияк Тугут и вовсе не скрывал своего отрицательного отношения к русским требованиям в вопросе о Крымском ханстве, тайно подстрекал турок к продолжению войны. Понимая подлинные цели австрийского и прусского министров, русские уполномоченные настояли в первую очередь на отстранении их от участия в работе конгресса.

Осман-ы особо не торопились с прибытием. 8 (19) июля 1772 года Осман-эфенди и Ясинзаде-эфенди переправились, наконец, через Дунай и были встречены с русской стороны пушечной пальбой, барабанным боем и музыкой. Свита османских представителей вместе со свитами иностранных послов (Цегелина и Тугута) состояла из 500 человек, что было несколько меньше свиты Г.Г. Орлова²¹.

В реляции полномочных послов на Фокшанском конгрессе от 24 июля (4 августа) сообщалось о прибытии «турецких министров со своею свитою в прошлую пятницу, 20 июля в полдни прибыли, с последнего ночлега... где турецкие министры остановились из одного суеверия, ибо находящийся при них астролог, управляющий всеми их стезями, по своему

мнимому о течении планет и звезд знанию, почитая четверг несчастливым днем, уговорил тех своих министров остановиться на дороге ночевать в пятницу, яко благополучный день в свой здешний лагерь въехать»²². Османские послы Осман-эфенди и Ясинзаде-эфенди, как и русские дипломаты, разместились в деревне Голешти.

В той же реляции полномочные послы просили императрицу прислать подарки для османского посольства: «...снабдить нас, для чинения при потребных случаях, в поспешествование высочайших Ваших интересов подарков турецким, здесь на конгрессе пребывающим министрам и разным чиновным их свиты... мы находим в том необходимую нужду, всеподданнейше Ваше Императорское Величество просим» дать указание «доставить к нам три меха соболиных от трех до пяти сот рублей каждой, десять сороков соболей и десять мехов горностаевых разных доброт, один пуд разного чаю хорошего, и один пуд ревеню»²³. Нужда в последнем артикуле была весьма насущна, поскольку самым главным целительным свойством корня ревеня, критически важным в эпоху Средневековья и Нового времени, была регуляция работы желудка и кишечника²⁴.

В ходе двусторонних переговоров русские уполномоченные выдвинули в качестве основного требования предоставление независимости всем татарам Крымского ханства, что дало бы возможность России в будущем упрочить свои позиции на северном черноморском побережье и присоединить весь полуостров, имевший для неё жизненно важное значение (в ходе военных действий Крым был занят русскими войсками). Кроме того, Россия требовала полной свободы плавания для русских судов на Чёрном море и в проливах Босфор и Дарданеллы.

Если первоприсутствующий член Коллегии иностранных дел граф Н.И. Панин и генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев выступали, как уже отмечалось, за

Граф Н.И. Панин

скорейшее перемирие, то братья Орловы, чувствуя поддержку Екатерины, руководствовались задачами подготовки к константинопольскому походу. Главное для них было, чтобы перемирие не помешало проведению всех нужных мероприятий в этом направлении²⁵.

Мирные переговоры с Портой проходили в Фокшанах с 27 июля (7 августа) по 28 августа (8 сентября) 1772 года. Австрия и Пруссия на деле не только не оказывали России содействия, но затрудняли задачу русской дипломатии.

Стороны старались стоять на своих прежних позициях. 4 (15) августа во время пешей прогулки Г.Г. Орлов посетил Осман-эфенди в лагере при Голешти для неформальной беседы. В ходе встречи османский уполномоченный отметил, что надеется найти «способ утвердить и прочно соединить обе империи». Граф Орлов прямо заявил, что условием для «утверждения нерушимой между двумя империями дружбы» является независимость татарской нации, «как прежде о том было предъявлено»²⁶.

19 (30) августа А.М. Обресков писал в Петербург, что решение вопроса о татарской независи-

мости встречает непреодолимые затруднения и что турецкие уполномоченные готовятся к отъезду; они соглашались, чтобы крымские ханы избирались своим народом, но требовали, чтобы новоизбранный хан получал утверждение от султана. Так как русские уполномоченные на это не согласились, то османы после долгих споров наотрез отказались принять требования России. К этому решению их побудили кулуарные увещевания Австрии и подстрекательства Франции, которая после провала своей политики в отношении Речи Посполитой с ещё большим рвением побуждала Порту к продолжению войны с Россией. 28 августа 1772 года османская сторона объявила, что считает Фокшанский конгресс завершённым безрезультатно, и, прервав переговоры, Осман-эфенди и Ясинзаде-эфенди покинули Фокшаны.

Тут ещё совсем нескстати спешно собрался и уехал в столицу глава русской делегации светлейший князь Григорий Орлов, обеспокоенный небезосновательными слухами о падении своего влияния в Петербурге и о появлении у императрицы нового фаворита. Возможно, Григорий Орлов совершил самую большую и непростительную ошибку в своей жизни. Ему как главе российской делегации полагалось задержаться при ставке генерал-фельдмаршала в Яссах и вновь подключиться к дипломатическим баталиям, едва турки заговорят о возобновлении перемирия, а пока суд да дело, помогать Румянцеву в устраниении Порты продолжением оккупации русскими войсками Молдавии и Валахии. Того требовали императрица и здравый смысл. Но, снедаемый ревностью, фаворит решил не задерживаться в ставке. Прослышав, что в Санкт-Петербурге появился претендент на его место в сердце Екатерины — Александр Семёнович Васильчиков, он ринулся туда, забыв о возложенной на него императрицей ответственной миссии.

Этим не преминул воспользоваться непримиримый противник братьев Орловых граф Никита Панин, в результате интриг которого при дворе и во всём Петербурге создалось устойчивое мнение, что именно князь Григорий Орлов виноват в сложившемся положении дел: если бы не его отъезд в Россию, турки не прервали бы переговоров по собственной инициативе, убоявшись гнева султана и великого визиря, желавших продолжения конференции. В качестве аргументации обвинения было представлено прямое обращение командующего османскими войсками Мохсинзаде Мехмед-паши к фельдмаршалу П.А. Румянцеву в начале сентября, в котором великий визирь просил продлить перемирие и вновь собраться на переговоры, уже в Бухаресте. О виновности «необузданного», «бешеного» Орлова, бросившего ради коллобродства столь важное для России дело, Панин писал и Обрескову.

Неудача Фокшанского конгресса стала для всех непреложным фактом. В момент провала мирных переговоров в Петербург поступили тревожные вести об осуществлённом шведским королём Густавом III (кузеном Екатерины II) государственном перевороте, грозившем России новой реваншистской войной. Осложнялось положение на польских землях, вошедших в состав Российской империи. Продолжалось восстание яицких казаков на Волге. Все эти события заставили Екатерину II забыть на время о проекте похода на Царьград и принять линию графа Панина.

Срыв Фокшанского конгресса вызвал нескрываемую радость в правительственных кругах Австрии и Франции. Исход переговоров вскрыл двудикую позицию Австрии, которая даже после заключения соглашения с Петербургом продолжала науськивать Порту, чтобы та не принимала требований русской стороны.

7 (18) сентября 1772 года садра-зам Мохсинзаде Мехмед-паша направил генерал-фельдмаршалу

П.А. Румянцеву письмо с предложением продлить перемирие на шесть месяцев и возобновить прерванные переговоры в Бухаресте. Румянцев согласился продлить перемирие до 20 (31) октября, рассчитывая на получение особых инструкций из Петербурга.

Получив предписание оставаться при генерал-фельдмаршале, А.М. Обресков перебрался из Фокшан в ставку Румянцева. Предложение Бухареста как места нового этапа мирных переговоров не встретило возражений со стороны Петербурга. Представителем от России на переговорах должен был выступать уже один уполномоченный посол А.М. Обресков. Это свидетельствовало о том, что Г.Г. Орлов утратил в глазах Екатерины II статус фаворита и выраженное ему высочайшее доверие возглавлять переговорную сторону с османами, а также и то, что императрица отошла от поддержки воинственного курса братьев Орловых в их споре с Паниным, поддержав более миролюбивую, проевропейскую внешнеполитическую линию графа.

В рескрипте императрицы Обрескову от 21 сентября (1 октября) 1772 года говорилось о назначении его полномочным послом на Бухарестский конгресс и излагались основные пункты и порядок ведения мирных переговоров с Портой²⁷. Без участия Орлова Обресков мог действовать более самостоятельно.

Представителем от Высокой Порты был назначен реис-эфенди²⁸ Абдул-Резак, исполнявший обязанности секретаря дипломатического ведомства Высокой Порты. После Фокшан великий визирь Мохсинзаде Мехмед-паша уже не поднимал перед Румянцевым вопроса о необходимости присутствия на конгрессе посланников от Австрии и Пруссии.

Возобновлённые военные действия вскоре убедили Блистательную Порту, что срыв Фокшанского конгресса принёс больше вреда османам, чем русским. Продолжать войну она уже не могла из-за нарушения снабжения армии. В войске великого визиря началось

массовое дезертирство. Экономическое положение страны резко ухудшилось. К концу 1772 года султан Мустафа III потратил на войну свыше 25 млн фунтов стерлингов²⁹. Казна опустела. Ввиду этого Стамбул был вынужден обратиться к Петербургу с предложением возобновить мирные переговоры.

15 (26) октября А.М. Обресков прибыл из Ясс в Бухарест, население которого радостно приветствовало русского посла. 29 октября начались конференции (заседания) Бухарестского мирного конгресса.

29 октября (8 ноября) начался конгресс в Бухаресте. На первом заседании Обресков вновь потребовал предоставления независимости крымским татарам, уступки России Керчи и Еникале и свободы русского судоходства и торговли в морях, омывающих турецкое побережье. В проекте Обрескова подчёркивалось жёсткое требование России об обретении Крымским ханством политической независимости от Порты.

1 (12) ноября 1772 года генерал-фельдмаршал П.А. Румянцев направил письмо А.М. Обрескову с просьбой сообщить генерал-поручику И.П. Салтыкову о продолжении перемирия с Портой, «дабы он мог войска, под его командою состоящие, ввести в квартиры»³⁰. Во время запрошенного Портой перемирия Обресков провёл восемь конференций, но так и не добился от османской стороны согласия на принятие выдвинутых Россией условий.

С 10 (21) декабря 1772 по 9 (20) марта 1773 года в Бухаресте проходил второй этап мирных переговоров. После долгих пререканий Порта согласилась признать независимость Крыма при условии утверждения избравшихся татарских ханов султаном, но решительно отказалась уступить России Керчь и Еникале и допустить свободу плавания русских военных судов в Чёрном море. Обресков ультимативно потребовал принять русские условия. Упорство Порты под-

держивалось главным образом Францией, заверявшей султана, что шведский король Густав III готов двинуть свои войска против России, а само французское правительство спешит вооружить сильную эскадру в помощь османскому флоту.

В Петербурге боялись продолжения войны, желая иметь свободные руки на юге, опасаясь военной угрозы со стороны Швеции, грозившей северной войной. К тому же Петербург был серьёзно обеспокоен расширением географии восстания под предводительством Емельяна Пугачёва (1773—1775 гг.), на подавление которого пришлось отряжать армейские части, столь необходимые на южном театре военных действий и на северо-западных рубежах Российской империи.

В марте 1773 года после отказа османской делегации принять российские условия переговоры были прекращены.

По словам А.М. Обрескова, Петербург был готов признать сохранение в Крыму «высшей духовной власти его салтанова величества яко калифа, начальника всех князей мусульманских и двух священных мест защитника». Русский посол заявил о согласии продолжать упоминать имя халифа во время праздничных и пятничных богослужений в соборных мечетях городов Крыма, получать из Стамбула законное утверждение (мурсале) вновь назначенных таврических исламских судей. В ответ на эти уступки в мусульманском вопросе, по мнению Обрескова, Порты должна была обеспечить в дальнейшем «твёрдую защиту христианским закону и церквям» на османской территории и, самое главное, взять на себя обязательство принимать российские «представления» по тем или иным «обстоятельствам» жизни христиан-османлы³¹.

Переговорный процесс растянулся на полтора года. Во время Фокшанского и Бухарестского конгрессов состоялось около 40 мирных конференций между дипломатами двух сторон без

учёта их неформальных бесед. Только во время Бухарестского конгресса А.М. Обресков провёл свыше 30 мирных конференций с османскими уполномоченными. В Бухаресте Порты, несмотря на неудачи своего флота, продолжала придерживаться жёсткой позиции. Османские флотоводцы всё ещё вынашивали агрессивные планы, связанные с надеждами Стамбула на шведскую диверсию против России и расчётами на помощь европейской дипломатии: франко-австрийской, британской и прусской. Из Константинополя Обресков получал сведения от своих осведомителей о том, что «гордость» турок день ото дня растёт, так как они надеются, что Россия скоро будет занята «в других краях» (т.е. в Швеции)³².

Завершив переговорный марафон, чрезвычайный и полномочный посол на Бухарестском мирном конгрессе А.М. Обресков в письме генерал-майору Г.А. Потёмкину (от 8 (19) марта 1773 г.) пишет о необходимости «возобновления боевых действий с Портой Оттоманскою», связанной «с истечением срока перемирия».

Несмотря на то что переговоры в Бухаресте не привели к окончанию войны, они стали важным этапом в выработке мирного договора между Российской и Османской империями. Неудача Бухарестского конгресса диктовала неизбежность продолжения военной кампании. Возобновились военные действия, которые должны были, по словам графа Н.И. Панина, скорее «привести Порту к миру, нежели самые долговременные перемирия». Султан Мустафа III весь 1773 год получал неутешительные вести с фронта в надежде на чудо и на обещания европейских дворов. Его внезапная смерть 10(21) января 1774 года удручающе повлияла на морально-боевой дух османской армии под командованием садразама Мохсинзаде Мехмед-паши в период весенне-летней кампании. Новый султан Абдул-Хамид I (1774—1789 гг.) передал все государственные дела садразаму Мохсинзаде Мехмед-

паше, включая полномочия на заключение мира с русскими. Сам же великий визирь, трезво оценивая обстановку на фронте, стремился поскорее завершить войну и вернуться в османскую столицу, чтобы «предотвратить серальские интриги, всегда сопровождавшие смену султана», а также лично присутствовать в Серале, «где черные евнухи тщатся по своим видам держать султана взаперти и совершенном от дел удалении»³³.

В 1773 году А.В. Суворов выбил турок из крепости Туртукай, а год спустя его корпус (8000 человек) рассеял 40-тысячное войско османов под командованием «министра иностранных дел» Порты Абдул-Резака при Козлуджи (9 (20) июня 1774 г.). Это во многом определило исход войны в пользу России. Находившийся в своей ставке в Шумле Мохсинзаде Мехмед-паша остался с небольшим войском, едва насчитывавшим 1000 человек. Фактически его положение было сопоставимо с положением окружённого царя Петра I во главе русского войска в ходе неудачного Прутского похода 1711 года.

После сокрушительного разгрома П.А. Румянцевым полностью деморализованной османской армии при Силистрии (совр. г. Силистра, Болгария) султан Абдул Хамид I, не получив поддержки ни от Франции, ни от Швеции, приказал садразам возобновить мирные переговоры. Главная ставка садразама в Шумле была полностью окружена и заперта русскими войсками, в результате чего судьба всей Османской империи повисла на волоске.

Румянцев отверг предложение садразама прислать к нему в Шумлу уполномоченного для обсуждения вопросов перемирия и мирного конгресса, потребовав от Мохсинзаде Мехмед-паши в ответ «прислать в его стан» уполномоченного для обсуждения предварительного «примирения». Затем требования Румянцева стали принимать более категоричный характер: «О конгрессе, а еще менее о перемирии я не могу и не хочу слы-

шать. Ваше сиятельство знаете нашу последнюю волю: если хотите мириться, то пришлите полномочных чтобы заключить, а не трактовать главнейшие артикулы, о коих уж столь много и было объяснено. И доколе сии главнейшие артикулы не утверждены будут, действия оружия никак не перестанут»³⁴.

Получив сообщение об отправке османских уполномоченных, Румянцев не остановил продвижение своих войск, а занял деревню Кючук-Кайнарджа, давая понять, что идёт на Шумлу, на соединение с корпусом генерал-поручика М.Ф. Каменского.

4 (15) июля 1774 года в ставку главнокомандующего русской армией П.А. Румянцева в деревне Кючук-Кайнарджа близ Силистрии от тяжелобольного великого визиря прибыли с предложением мира уполномоченные: первый уполномоченный представитель (мураххас-и эввель) кадровый дипломат нишанджи Ахмед Ресми-эфенди и второй уполномоченный (мураххас-и сани) реис эфенди Ибрахим-Мюниб. Свита османских уполномоченных состояла из 200 человек.

Из-за разлива Дуная Обресков не смог подоспеть к началу переговоров (он прибыл только 12 (23) июля), поэтому Румянцев назначил для ведения «негосиаций» генерал-поручика князя Н.В. Репнина³⁵, командовавшего всеми войсками в Валахии. Переговоры проходили под неустанным контролем и руководством Румянцева, который подробно беседовал с переговорщиками («негосиаторами») с обеих сторон, высказывал свои соображения, а затем обо всём докладывал в рапортах Екатерине II «из лагеря в Болгарии при Кючук-Кайнардже».

После непродолжительных переговоров с Румянцевым, проведённых, по его словам, всего за пять дней, «без всяких обрядов министеральных, а единственно скорою ухваткою военною», трактат был заключён 10 (21) июля³⁶ в ставке П.А. Румянцева. Мирный договор был подписан первым

полномочным представителем Порты Ахмедом Ресми-эфенди и героем войны 1768—1774 гг. генерал-поручиком князем Николаем Репниным в присутствии главнокомандующего русской армией³⁷. Вечером того же дня генерал-фельдмаршал послал своего сына майора М.П. Румянцева вместе с майором Гагариным в Петербург с известием о заключении мира³⁸.

В письме П.А. Румянцева великому визирю Мохсинзаде Мехмед-паше генерал-фельдмаршал поздравил садразама с заключением мира, «яко виновника сему благоденствию народному...»³⁹. Подписание «трактата Вечного мира между Империею Всероссийскою и Портою Оттоманскою» ещё больше подорвало здоровье великого визиря Мохсинзаде Мехмед-паши, который по дороге из Шумлы в Эдирне (Адрианополь) скоропостижно скончался 4 (15) августа 1774 года, не в силах в одиночку перенести горе и позор от постигших его бед и унижений. Так название маленькой болгарской деревеньки Кючук-Кайнарджа стало синонимом возникновения Восточного вопроса⁴⁰.

Мирный трактат состоял из 28 статей и 2 «сепаратных» (секретных)⁴¹, главные из которых сводились к следующему: независимость Крыма; безвозмездный переход под власть России Кинбурна, Керчи и Еникале, а также всей области между Бугом и Днестром; получение Россией права свободного судоходства во всех морях, находившихся под контролем Высокой Порты, включая проход через Дарданеллы, со всеми правами и привилегиями, которые дарованы дружественным нациям; отказ России от всех своих завоеваний, кроме Азова и Таганрога, которые остаются за ней.

Необходимо подчеркнуть, что Румянцев как искусный военный дипломат заключил мир на более выгодных условиях, чем планировали на Дворцовой площади. Именно 10 (21) июля, в день подписания трактата, императрица Екатерина II именным

Высочайшим указом повелела генерал-фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцеву присоединить к его фамилии наименование Задунайский («для прославления опасного перехода его через Дунай») и именоваться графом Румянцевым-Задунайским. Одновременно с этим графу были пожалованы грамота с описанием его побед, фельдмаршальский жезл с алмазами («за разумное полководство»), шпага с алмазами («за храбрые предприятия»), лавровый и масличный венки, украшенные алмазами («за победы»), такой же крест и звезда ордена Андрея Первозванного — высшая награда Российской империи.

Следует иметь в виду, что ряд положений, предложенных русской стороной на Фокшанском и особенно на Бухарестском конгрессах, вошли в виде полноценных статей в Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 года⁴², что со всей очевидностью свидетельствует о неразрывности трёхступенчатого переговорного процесса (Фокшаны — Бухарест — Кючук-Кайнарджа), осуществлявшегося договаривающимися сторонами по двум взаимосвязанным «стежам» — военной и политико-дипломатической. Как только турки-османы терпели военные неудачи, внешние игроки советовали им переходить с военной «дорожки» на дипломатический трек. Когда появлялась надежда на нанесение поражения России (испытывавшей в тот момент серьёзные внутривнутриполитические проблемы), Порту склоняли к возвращению на военную стезю, что в конце концов привело к разгрому её мощной армии. И если до той поры ни одно европейское государство не решалось воевать с Блистательной Портой в одиночку, то в войне 1768—1774 гг. Россия самостоятельно смогла поставить Османскую империю на грань полного разгрома, как это вновь повторилось век спустя, в 1878 году, когда генерал

М.Д. Скобелев, держа в руках ключи от Царьграда, был оставлен приказом императора Александра II из-за угроз Великобритании объявить России «Крымскую войну II». Из страха остаться один на один со всем Западом российская дипломатия во главе с престарелым канцлером А.М. Горчаковым пошла на ревизию положений подписанного Сан-Стефанского мирного договора с Османской империей, обнулив их на Берлинском мирном конгрессе 1878 года.

Вот почему говорить об успехе мирного договора, подписанного в Кючук-Кайнардже, следует с обязательным добавлением мирных конгрессов в Фокшанах и Бухаресте как начальных этапов переговорного марафона, апогей которого был достигнут в болгарской деревне. Таким образом, Фокшанский и Бухарестский мирные конгрессы необходимо рассматривать как две прелиминарные фазы трёхступенчатого диалога Петербурга со Стамбулом, который вёлся попеременно то на военном, то на дипломатическом поприщах и завершился в Кючук-Кайнардже подписанием «Вечного мира» между двумя противоборствующими сторонами.

Несмотря на то что после подписания этого мирного договора прошло уже четверть тысячелетия, уроки двустороннего военно-дипломатического диалога в свете современной международной обстановки не утратили своей значимости и актуальности, поскольку и ныне могут во многом служить подсказкой для дальнейших планов России, против которой, как и прежде, вновь ополчилась агрессивная

Европа. Если гипотетически использовать в качестве трафарета все этапы переговорного пути, наложив Фокшаны на Минск, Стамбул — на Бухарест, то можно поразмышлять над тем, какой географический пункт мог бы соответствовать Кючук-Кайнардже, чтобы Россия прожила без войны ещё как минимум сто лет.

Заключённый с Портой мир стал бесспорным триумфом России как над мощным военным противником, с одной стороны, так и над хитросплетениями западноевропейской дипломатии — с другой. Вчитываясь в статьи этого договора в наше время и зная, что случилось в истории потом, остаётся лишь задним числом посетовать на то, что в данном документе отсутствует артикул о предоставлении Портой России права официально покровительствовать православному миллету (миллет-и рум), в который в Османской империи тогда входили Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский патриархаты. Подобное право покровительствовать всем христианам-католикам на территории Османской империи официально имела лишь Франция, причём получила она его от Порты без военной победы над османами, а в благодарность «за оказанные дипломатические услуги при составлении Белградского трактата⁴³», в результате которого Россия была вынуждена отказаться от всех территориальных приобретений, достигнутых в ходе войны с османами (1735—1739 гг.). Это право сохранялось за французским правительством до начала Первой мировой войны, когда Порта отменила все капитуля-

ции в пользу Франции, выступившей против неё на стороне Антанты.

Однако, даже не закрепив за собой в Кючук-Кайнарджийском договоре права официального покровительства православному населению-османлы (о чём впоследствии пришлось не раз пожалеть в Петербурге), русская дипломатия вела себя в отношениях с Портой в первой половине XIX века, по словам управляющего Министерством иностранных дел К.В. Нессельроде, так, «как будто это право у России есть». Такое неуклюжее толкование послужило в конце концов поводом к Крымской войне (1853—1856 гг.), или «Войне за Святые места Палестины», как её ещё называли на Ближнем Востоке. Желание смыть позор с османского падишаха-халифа за подписание унижительного для всех мусульман Османской империи мирного трактата 1774 года с «неверными» подтолкнуло науськивавшуюся Лондоном и Парижем Блистательную Порту к объявлению России очередной войны (1853—1856 гг.), ознаменовав новый этап военно-дипломатического «переговорного марафона» между Османской и Российской империями, который не прекратился и в ходе Первой мировой войны. Союзники по Антанте (Великобритания и Франция), несмотря на обещание согласиться с передачей проливов и Константинополя России по окончании войны, сделали всё возможное, чтобы лишить её победы и участия в Парижской мирной конференции 1919—1920 гг., а также установить своё господство над территориями бывшей Османской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ **Обресков Алексей Михайлович** (1718—1787) — русский дипломат Екатерининской эпохи, прослуживший 20 лет в Османской империи (1751—1771 гг.), причём с 1768 по 1771 г. находился в заключении у османов. Во время военных действий неоднократно сообщал из заточения в Петербург важные сведения

военно-политического характера. Закончил свою карьеру сенатором в чине действительного тайного советника.

² **Дружинина Е.И.** Русский дипломат А.М. Обресков // Исторические записки. Т. 40. М., 1952.

³ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Сношения

России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 430. Л. 33—40.

⁴ **Дружинина Е.И.** Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 90.

⁵ **Орлов-Чесменский Алексей Григорьевич** (1737—1807(1808)) — граф (с

1762 г.), русский военный и государственный деятель, сподвижник Екатерины II, младший брат её фаворита Г.Г. Орлова, но именно ему, а не старшему брату Григорию принадлежит главная роль в возведении Екатерины на императорский престол.

⁶ Смилянская И.М., Велижев М.Б., Смилянская Е.Б. Россия в Средиземноморье. Архипелагская экспедиция Екатерины Великой. М.: ИНДРИК, 2011. С. 92.

⁷ Русский флот (состоявший из 9 линейных кораблей, 3 фрегатов, 1 бомбардирского корабля, 17 вспомогательных судов и 820 орудий) под общим командованием графа А.Г. Орлова обнаружил и уничтожил под Чесмой османский флот (16 линейных кораблей, 6 фрегатов, 50 малых судов и 1430 орудий).

⁸ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 163.

⁹ Мохсинзаде (также Мухсинзаде, Мохсен-заде) Мехмед-паша (ок. 1704 — 4 августа 1774) — османский государственный деятель, два раза занимал пост великого визиря (30 марта 1765 — 7 августа 1768, 28 ноября 1771 — 4 августа 1774). Сын садразама Мохсинзаде Абдулла-паши. Супруг Эсмы-султан, дочери падишаха Ахмеда III.

¹⁰ Якушев М.М. «Разгромленная Турция лежала у ног русской монархии...». Кючук-Кайнарджийский договор 1774 года // Военно-исторический журнал. 2021. № 8. С. 43.

¹¹ Сановник султанского двора, занимавший пост оруженосца.

¹² Сосланный в Эдирне Мехмед Эмин-паша в сентябре 1769 г. был задушен по приказу Мустафы III. Его имущество и огромное состояние были конфискованы в пользу государства.

¹³ Aksan Virginia. Ottoman Wars, 1700—1870: An Empire Besieged. 2007, Harlow, UK, 2007. P. 150.

¹⁴ После освобождения А.М. Обресков 30 августа 1771 г. прибыл в Петербург. Императрица щедро наградила его за это заключение, назначив членом Коллегии иностранных дел и сделав его кавалером ордена Св. Александра Невского, а также пожаловав ему 200 тыс. руб.

¹⁵ Румянцев-Задунайский Пётр Александрович (1725—1796) — граф, один из выдающихся русских генералов и величайших военачальников, стоящий в ряду первых русских полководцев XVIII в. наряду с Александром Суворовым и Григорием Потёмкиным.

¹⁶ Панин Никита Иванович (1718—1783) — граф, русский государственный деятель, дипломат из рода Паниных, наставник великого князя Павла Петровича Романова, глава русской внешней политики в первой половине правления Екатерины II. Автор плана «Северного Аккорда» и одного из первых в России конституционных проектов.

¹⁷ Орлов Григорий Григорьевич (1734—1783) — фаворит императрицы Екатерины II, второй из братьев Орловых. С 1762 г. — граф, с июня 1773 г. — светлейший князь. В 1772 г. был послан на мирный конгресс в Фокшаны как первый российский полномочный представитель, где потерпел неудачу в своей миссии, отчасти из-за упрямства османов, а отчасти (согласно Н.И. Панину) по вине собственного буйного нрава. От него императрица имела внебрачного сына Алексея, родоначальника графского рода Бобринских.

¹⁸ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 1678. Л. 79—85.

¹⁹ Там же. Д. 442. Л. 47—60 об.

²⁰ На гербах всех трёх государств был изображён чёрный орёл в отличие от белого орла на гербе Речи Посполитой.

²¹ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 163.

²² АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 1678. Л. 46—48. Подлинник, рус. яз.

²³ Там же.

²⁴ В XVII—XVIII вв. Россия в течение почти двух столетий была монополистом по поставкам китайского ревеня в Европу.

²⁵ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 155.

²⁶ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 1671. Л. 46—48.

²⁷ Там же. Д. 442. Л. 47—60 об. Копия, рус. яз.

²⁸ Реис-эфенди — реис-уль-кюттаб (араб.; букв. — «начальник секретарей»)

в Османской империи до создания МИД (1836), сановник, занимавший пост главы внешнеполитического ведомства и являвшийся членом султанского дивана.

²⁹ Aksan Virginia. Ottoman Wars, 1700—1870... P. 149.

³⁰ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 1725. Л. 25. Подлинник, рус. яз.

³¹ Арапов Д.Ю. Исламская политика Екатерины Великой. Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2014. № 5. С. 28.

³² Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 235.

³³ Там же. С. 260.

³⁴ Там же. С. 267.

³⁵ Репнин Николай Васильевич (1734—1801) — князь, генерал-фельдмаршал (1796), дипломат Екатерининской эпохи.

³⁶ Румянцев не случайно выбрал эту дату: 10 июля исполнялась очередная годовщина печально памятного Прутского мира 1711 г., который Румянцев намеревался полностью перечеркнуть содержанием нового договора, отменявшего также и положения Белградского трактата 1739 г.

³⁷ АВПРИ. Ф. Трактаты. Оп. 2. Д. 445.

³⁸ Дружинина Е.И. Кючук-Кайнарджийский мир 1774 года... С. 272.

³⁹ АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89/8. Д. 1964. Л. 9—11. Копия, рус. яз.

⁴⁰ Aksan Virginia. Ottoman Wars, 1700—1870... P. 157, 158.

⁴¹ 1. Порта обязывается заплатить за военные издержки в течение 3 лет 7 млн пиастров, или 4½ млн рублей; 2. Порта всячески вспомоществовать обязывается для скорейшего отплытия Российского флота из Архипелага.

⁴² Якушев М.М. «Трактат вечного мира и дружбы». Эволюция российско-османских отношений конца XVIII века // Военно-исторический журнал. 2022. № 3. С. 16—27.

⁴³ Белградский мирный договор был заключён в 1739 г. при посредничестве французского представителя Вильнёва, из-за интриги которого Россия потеряла тогда все свои завоевания.

M.I. Yakushev

«AS LONG AS THESE MAIN ARTICLES ARE NOT APPROVED, THE ACTION OF ARMS WILL NOT CEASE IN ANY WAY»

Focșani — Bucharest — Küçük Kaynarca: stages of the great road

Information about author. Mikhail Yakushev — senior researcher at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: mikhail.yakushev@tsgg.ru).

Summary. The course of the Russo-Turkish War of 1768—1774 demonstrated Russia's military superiority over the Sublime Porte, leading to the imminent defeat of Turkey. In March 1772, it was decided to declare an armistice and organize negotiations between representatives of the Porte and Russia to discuss the terms of future peace. Catherine II appointed G.G. Orlov and A.M. Obreskov as authorized ambassadors to facilitate these negotiations. The negotiations, which had just begun, reached an impasse. By the end of August, the Turks decided to leave Focșani, breaking the truce. Orlov also departed arbitrarily for St. Petersburg after a short stay at Rumyantsev's headquarters. Consequently, he was suspended from further negotiations with the Ottomans, which were conducted at the Bucharest Peace Congress (1773) by Obreskov alone and also ended in failure and the Ottoman negotiators' departure.

However, it should be noted that the path to victory was not paved at the conference tables of peace congresses, but rather forged in the crucible of battle. Following the Ottoman army's defeat at the Battle of Kozludzha, the Treaty of Küçük Kaynarca was established. This treaty brought the Russo-Turkish War of 1768—1774 to a close and marked the defeat of the Ottoman Empire.

Keywords: High Porte; G.G. Orlov; A.M. Obreskov; peace congress; P.A. Rumyantsev; N.V. Repnin; Mohsinzade Mehmed Pasha; Ahmed Resmi efendi.

«ПРИ ТАКОЙ НИЧТОЖНОЙ НОРМЕ, РАЗУМЕЕТСЯ, ТРУДНО ПРЕДЪЯВЛЯТЬ СУРОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К НАШЕМУ КОМСОСТАВУ...»

**Формирование системы денежного довольствия военнослужащих РККА
(январь 1918 — июнь 1941 г.)**

Сведения об авторе. Насонов Константин Александрович — доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, подполковник, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: 3275500@mail.ru).

Аннотация. В статье раскрывается деятельность Советского государства по развитию системы денежного довольствия военнослужащих в 1918—1941 гг. Анализ нормативных правовых документов, исторической литературы, архивных материалов, докладов и выступлений государственных, военных и партийных руководителей страны позволил раскрыть основные направления и формы данной деятельности, а также пути её совершенствования. Наряду с положительной динамикой роста благосостояния военнослужащих в изучаемый период в статье отражены примеры, свидетельствующие о трудном материальном положении защитников Отечества. Приведена сравнительная оценка уровня денежного довольствия военнослужащих в начале и в конце изучаемого исторического периода, по итогам исследования сформулированы выводы.

Ключевые слова: денежное содержание; оклады; красноармеец; начальствующий состав; материальное положение; цены; тарифные сетки; бюджет.

Система социального обеспечения военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА) своё развитие получила с изданием декрета Совета народных комиссаров (СНК) РСФСР от 15 января 1918 года № 245 «О создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии на добровольческих началах». Этим документом СНК постановил создать новую ар-

мию и наравне с вопросами её строительства и комплектования закрепить за военнослужащими право на полное государственное обеспечение, в т.ч. денежное¹.

После Великой Октябрьской социалистической революции новое правительство объявило демобилизацию старой армии, были отменены все её финансовые привилегии. Ря-

дом декретов правительства все военнослужащие были уравнены в правах, упразднены чины и звания и все связанные с ними преимущества. Квартирные деньги и деньги на наём прислуги, выплачивавшиеся семьям офицеров, военных чиновников, врачей и духовенства, также отменялись, а на членов этих семей было распространено положение, установленное для семей солдат. С 1 января 1918 года была отменена выплата походных, полевых порционных, фуражных денег, дровяных денег, денег на освещение, суточных денег. Также отменялись усиленные и гвардейские оклады денежного содержания.

С 1 января 1918 года были введены новые оклады денежного содержания. Они подразделялись на обыкновенные и боевые. Боевые оклады были больше обыкновенных на 11—16 проц., но не по всем должностям (см. табл. 1). Для высших должностей обыкновенный и боевой оклады были одинаковыми².

Таблица 1

Оклады денежного содержания, введённые с 1 января 1918 г.

№ п/п	Должности	Месячный оклад	
		обыкновенный	боевой
1	Взводный командир	300	350
2	Ротный командир, батальонный командир, начальник хозяйственной части	350	400
3	Командир полка, командир бригады	450	500
4	Начальник дивизии	600	600
5	Командир корпуса	700	700

Составлена по: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. М.: Б.и., 1942. С. 228—230.

Военнослужащие РККА рядового состава состояли на полном государственном обеспечении и, кроме того, получали денежное довольствие в размере 50 руб. в месяц. Нетрудоспособные члены семей красноармейцев, находившиеся ранее на их иждивении, обеспечивались всем необходимым по местным потребительным нормам³.

В дальнейшем было установлено, что раненым солдатам РККА, уволенным в отпуск, в течение двух месяцев сохранялось положенное им денежное содержание (50 руб.), а также 100 руб. взамен получавшегося ими в своих частях продовольствия натурой. Семейные же солдаты получали ещё 100 руб. ежемесячно на продовольствие для семьи⁴.

СНК РСФСР, учитывая тяжёлое положение красноармейцев на фронтах, постановил повысить жалование солдатам РККА на 100 руб., и с 15 июня 1918 года одинокие военнослужащие стали получать 150 руб., а семейные 250 руб.⁵

Дальнейшее развитие система денежного обеспечения военнослужащих получила и для начальствующего состава РККА. Так, 30 апреля 1918 года была введена новая сетка окладов содержания штатных военнослужащих. Весь командный состав был разбит на разряды, по каждому разряду были определены должности и оклады жалования (см. табл. 2).

Из данных, приведённых в таблице 2, видно, что новые оклады были выше, чем оклады, введённые с 1 января 1918 года. Повышение окладов было вызвано главным образом обесцениванием рубля. Но в то же время оклады командного состава демобилизовавшихся частей старой армии оставались на прежнем уровне. Новый табель проводил большую дифференциацию окладов по разным должностям. Теперь командир батальона получал более высокий оклад, чем командир роты, а командир бригады — чем командир полка⁶.

М.В. Фрунзе

Тем не менее денежное содержание начальствующему составу, выплачивавшееся в тот период по семирязрядной тарифной сетке, лишь в незначительной степени отражало специализацию должностей и не давало возможности выделить наиболее значимые, решающие в условиях войны. В то же время военнослужащие рядового состава получали денежное содержание одинаковых размеров. Ведение боевых действий способствовало дифференциации военных специальностей сол-

дат, но это не учитывалось системой денежного довольствия. Данная структура денежного содержания военнослужащих рядового и командного составов оказалась не соответствовавшей новым условиям развития вновь созданной армии и нуждалась в реорганизации.

Необходимо отметить, что в условиях войны важно было обеспечить приоритетное положение военнослужащих действующей армии касательно размеров их денежного довольствия в сравнении с личным составом тыловых частей. Существовавшая на тот момент система таких преимуществ не предусматривала. Реформа денежного содержания, проведённая органами государственной власти и военного управления в 1918—1919 гг., была направлена на устранение указанных недочётов в финансовом обеспечении личного состава армии.

Так, декретом СНК РСФСР от 24 декабря 1918 года «Об обеспечении красноармейцев и их семейств» красноармейцам с 1 января 1919 года устанавливалось жалование в тыловых частях в размере 150 руб., а для действующих частей — 250 руб.⁷ А уже с 1 марта того же года декретом СНК РСФСР «Об увеличении оклада жалования красноармейцам» от 27 февраля 1919 года их денежное содержа-

Таблица 2

Новая сетка окладов содержания штатных военнослужащих, введённая с 30 апреля 1918 г.

№ п/п	Строевые должности	Разряды окладов содержания	Сумма в месяц, руб.
1	Командир взвода	VII	450
2	Командир роты	VI	550
3	Командир батальона	V	600
4	Командир полка	IV	700
5	Командир бригады	III	800
6	Начальник дивизии	II	900
7	Высшие строевые начальники	I	1000

Составлена по: Финансы Вооружённых сил СССР. Ч. I. М.: Воениздат, 1956. С. 133, 134.

ние увеличилось по основному окладу до 250 руб., а по боевому — до 350 руб.⁸ Что можно было купить на эти деньги в 1919 году, видно из следующих данных: в Москве в октябре фунт (0,45 кг) хлеба стоил 150 руб., сахара-рафинада — 500 руб., пуд (16 кг) картофеля — 25 руб. На Урале, в Нижнем Тагиле в мае пуд муки (в зависимости от сорта) стоил от 60 до 120 руб., пуд картофеля — 30 руб., фунт мяса — 6 руб., фунт крупы — 3—4 руб.⁹

В связи с инфляцией оклады продолжали регулярно повышаться. Так, в конце 1920 года месячное жалование военнослужащих уже составляло (руб.): красноармеец — 600; командира отделения — 1000; старшины роты — 1400; взводного — 2400; ротного — 3000¹⁰.

Органами власти за особо выдающуюся работу на фронте были введены дополнительные денежные выплаты. Так, приказом Революционного военного совета Республики (РВСР) № 2065 от 8 декабря 1919 года «Об окладах содержания командному составу, красноармейцам и военнослужащим в частях Красной Армии» лётчикам и наблюдателям выплачивалось по 150 руб. за каждый час полёта при выполнении боевого задания, военнослужащим за подъём на привязанном аэростате — по 75 руб. за каждый час подъ-

ёма, за каждый сбитый самолет противника — по 10 тыс. руб. лётчику и наблюдателю, по 200 руб. за каждый сброшенный пуд бомб, по 100 руб. за каждый пуд сброшенной литературы. За особо выдающуюся работу военнослужащие всех категорий награждались золотыми и серебряными вещами (часами, портсигарами) с соответствующими именными надписями¹¹. А приказом РВСР № 2117 от 14 декабря 1919 года должность специалиста-наблюдателя воздухоплавательного отряда с 1 сентября 1919 года стала относиться к 11-му разряду вместо 10-го¹². Тем самым органы военного управления выделили эту специальность как наиболее значимую и более высокооплачиваемую в военное время.

Военно-политические органы, понимая важность культурно-досуговой работы в условиях войны, в особую категорию выделили красноармейцев-культурников и сотрудников красноармейских клубов, которые в 1919 году получили право на дополнительное денежное обеспечение в размере 350 руб. в месяц, а с 1 января 1920 года — 1000 руб. Красноармейцы — курсанты краткосрочных курсов для подготовки инструкторов клубного дела при просветительском отделе

ПУРа помимо красноармейского жалования от этого отдела получали дополнительно 1000 руб.¹³

Вместе с тем, несмотря на принимавшиеся со стороны государства меры по увеличению денежного довольствия военнослужащих, их материальное положение оставалось тяжёлым, о чём свидетельствуют архивные документы. Так, в адрес начальника Штаба РККА в мае 1923 года поступили доклады от ряда должностных лиц Красной армии. Например, командующий войсками Московского военного округа в рапорте отмечал: «...Лучшие из военнослужащих постарались демобилизоваться и устроиться в трестах, синдикатах и прочих местах, где оплата труда значительно выше. Те же, которым устроиться было некуда, остались у нас, влача самое гнусное существование, добывая средства посторонними заработками, занимаясь мелким взяточничеством и попрошайничеством, что дискредитирует советскую власть и разлагает Красную армию...»¹⁴.

Работа органов государственной власти и военного управления над повышением окладов денежного содержания военнослужащим в изучаемый исторический период не прекращалась, что подтверждают архивные документы. Так, заме-

Таблица 3

Сравнительные сведения окладов денежного довольствия военнослужащих и окладов гражданских наркоматов на октябрь 1924 г.

Должность по единому военному тарифу	Действующие оклады, руб.	Планируемые оклады по 1 поясу, руб.	Соответствующая должность в гражданском наркомате	Оклады по 1 поясу, руб.
Командир отделения, журналист, переписчик	30	35,9	Журналист	46,5
Командир взвода, старший делопроизводитель	40	50,2	Старший делопроизводитель	75
Командир отдельной роты	57	64,5	Старший бухгалтер	82,5
Командир полка, начальник отделения, старший бухгалтер	75	86,5	Зав. хоз. отделом, старший бухгалтер	93

Составлена по: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 190. Л. 71.

ститель председателя РВС СССР М.В. Фрунзе 18 мая 1924 года в своём докладе в адрес СНК СССР указывал на необходимость улучшения материального положения военнослужащих РККА путём повышения их денежного довольствия, что обсуждалось на заседании Пленума ЦК РКП(б) 31 марта 1924 года. На нём рассматривались вопросы увеличения окладов жалования по единому военному тарифу и введения деления территории СССР на два тарифных пояса, учитывая климатические условия, цены и др. За счёт сокращения численности армии, её реорганизации, замены части должностей младшего комсостава красноармейцами образовалась экономия в 1923/24 бюджетном году в размере 79 млн 909 тыс. руб. Эту сумму предполагалось включить в запланированные расходы на повышение денежного довольствия военнослужащих с 1 июня 1924 года¹⁵, что в среднем по всем категориям составляло 14,5 проц. Предложение РВС СССР об увеличении окладов жалования по единому военному тарифу было утверждено на заседании Политбюро ЦК 23 октября 1924 года¹⁶.

Материальное положение военнослужащих в сравнении с соответствующими гражданскими специалистами в тот период могут характеризовать данные таблицы 3, из которых видно, что старший делопроизводитель в военном ведомстве по действовавшему на тот момент окладам получал на 87,5 проц. меньше заработной платы по аналогичной должности в гражданских наркоматах. После повышения денежного довольствия этот разрыв сократился до 49,4 проц.

Вопросы повышения денежного содержания военнослужащих РККА находились в центре внимания должностных лиц органов государственной власти и военного управления и в последующие годы. Например, эти проблемы обсуждались на III Всесоюзном съезде

Советов, состоявшемся в мае 1925 года, в постановлении которого указывалось на необходимость коренного улучшения положения военнослужащих¹⁷. М.В. Фрунзе, выступая на съезде с докладом «Красная Армия и оборона Советского Союза», говоря о низком уровне денежного довольствия военнослужащих, резюмировал: «...При такой ничтожной норме, разумеется, трудно предъявлять суровые требования к нашему комсоставу и получать от него то, что требуется для поднятия боеспособности частей на должную высоту...»¹⁸.

Заместитель председателя РВС СССР М.М. Лашевич 10 ноября 1925 года в своём докладе в ЦК РКП(б) указывал, что частичное увеличение окладов денежного довольствия военнослужащих в июле 1925 года в среднем на 10 проц. является недостаточным, т.к. оно совпало с увеличением на 50 проц. квартирной платы и, соответственно, материального положения не улучшило. Для наглядной характеристики истинного материального положения военнослужащих можно

привести расходы командира взвода в месяц при его ежемесячном денежном довольствии в 53 руб., имевшего на иждивении одного нетрудоспособного члена семьи, по состоянию на ноябрь 1925 года (см. табл. 4)¹⁹. Из приведённого примера очевидно, что командиру взвода ежемесячно не хватало 12 руб. для удовлетворения самых насущных потребностей, не учитывая расхода, скажем, на культурные цели или на приобретение необходимой литературы для повышения уровня командирской подготовки. Положение офицеров, имевших на своём иждивении двух и более нетрудоспособных членов семьи, становилось ещё более трагичным.

В то же время оклады содержания гражданских работников были следующими: машинистка — 69 руб., счетовод — 100 руб., делопроизводитель — 93 руб., телефонистка — 52 руб., курьер — 42 руб. Сравнение показывает, как низко оценивался ратный труд командира взвода, который проводил боевую подготовку с личным составом и имел ненормированный рабочий день, а его

Таблица 4

Характеристика расходов командира взвода в месяц, имевшего на иждивении одного нетрудоспособного члена семьи, на ноябрь 1925 г.

№ п/п	Сумма денежного содержания в месяц	Расходы на нужды	Сумма расходов, руб.
1	53 руб.	Квартирная плата	3
2		Отопление	3
3		Освещение	1
4		Вода	2
5		Питание	40
6		Пошивка одежды и белья для семьи	5
7		Починка обуви, белья и платья	5
8		Стирка белья	5
9		Баня и парикмахерская	1
Итого:			65

Составлена по: РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 190. Л. 81—82.

денежное содержание равнялось окладу телефонистки и было выше на 11 руб. заработной платы курьера²⁰.

Анализируя приведённые сведения, РВС СССР отметил низкую материальную обеспеченность военнослужащих и признал крайне необходимым создание благоприятных условий для их службы и жизнедеятельности. С целью решения этого вопроса совет внёс ходатайство в ЦК РКП(б) об увеличении окладов денежного содержания начальствующего состава РККА с 1 октября 1925 года. При этом проектировавшиеся РВС СССР ставки предусматривали повышение окладов денежного довольствия для наиболее нуждавшихся категорий начальствующего состава — среднего и старшего, как менее всего защищённых. Размер повышения окладов составлял от 2,6 до 24 проц., на что дополнительно требовалось выделить из бюджета страны на 1925/26 бюджетный год 12 млн руб.²¹

В начале 1930-х годов денежное довольствие начальствующего состава РККА снова стало сильно отставать от заработной платы квалифицированных рабочих, административных и инженерно-технических кадров промышленности, о чём свидетельствует доклад К.Е. Ворошилова (сентябрь 1932 г.) в ЦК партии. В нём он указывал, что средний комсостав — командиры взводов и рот — получали от 140 до 180 руб., что в два раза ниже заработной платы квалифицированных рабочих, получавших в тот период в зависимости от разряда 260—375 руб. в месяц. Ещё больший разрыв наблюдался в сравнении с заработными платами технических специалистов, составлявшими 300—600 руб. Из-за недостаточного денежного содержания семьи начсостава испытывали серьёзные материальные трудности. А оклады призывников вообще остались на уровне 1926 года (для красноармейцев пехоты и конницы — 1 руб. 55 коп.). Эта категория военнослужащих

М.М. Лашевич

не могла удовлетворять даже самые минимальные потребности, например, приобретать махорку. Исходя из этого, РВС внёс ходатайство в ЦК партии о повышении окладов содержания по основным должностям командного состава РККА, плавсостава ВМФ, а также военнослужащим срочной, сверхсрочной службы и курсантам военных школ. Было подсчитано, что для реализации этого предложения нужно было выделить из бюджета страны на оставшийся период 1932 года 68 млн руб., а на весь 1933 год — 348 млн руб.²²

Как свидетельствуют архивные материалы, вскоре, 5 ноября 1932 года, в ознаменование 15-летней годовщины Октябрьской революции СНК СССР принял постановление «О повышении окладов содержания личному составу Рабоче-Крестьянской Красной Армии», которое было опубликовано в газете «Правда» от 7 ноября 1932 года № 309²³.

Вопросы материального положения военнослужащих и членов их семей всё время оставались в центре внимания военно-политического руководства страны. При этом органы власти добивались повышения уровня жизни населения, в т.ч.

военнослужащих, в отдалённых регионах Советского Союза. Например, 5 февраля 1934 года на заседании Политбюро ЦК обсуждался вопрос «О льготах для населения Восточно-Сибирского края», после чего был утверждён проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б), согласно которому с 1 января 1934 года оклад содержания личному составу войск, дислоцированных в Забайкальской части Восточно-Сибирского края, увеличивался: красноармейцам и младшему начальствующему составу на 50 проц., среднему, старшему и высшему начсоставу — на 20 проц.²⁴

23 декабря 1934 года В.М. Молотов в служебной записке в Политбюро ЦК на имя И.В. Сталина просил рассмотреть и утвердить проект постановления о повышении окладов по Наркомату обороны, разработанный им, К.Е. Ворошиловым, Г.Г. Ягодой и Г.Ф. Гринько²⁵. Это ходатайство было обусловлено тем, что начсостав РККА с 1 января 1935 года снимался с натурального снабжения хлебом, мукой, крупой и макаронами. В связи с этим, чтобы не произошло ухудшения материального положения как самих военнослужащих, так и членов их семей, уже 1 января 1935 года на заседании Политбюро ЦК одной из главных обсуждавшихся тем был вопрос «О повышении зарплаты по Наркомату обороны» и было принято решение в связи с отменой карточной системы снабжения хлебом, мукой, крупой и макаронами в 1935 году увеличить фонд заработной платы среднего, высшего начсостава и пенсионеров РККА на 211 млн руб.²⁶

Аналогичные меры принимались органами власти и в связи с отменой выдачи военнослужащим махорки натурой. Так, постановлением СНК СССР № 865 от 10 мая 1935 года с 15 мая 1935 года оклад содержания красноармейцев, краснофлотцев и младшего начсостава срочной службы повысился на 2 руб. 50 коп. в месяц²⁷.

Народный комиссар обороны К.Е. Ворошилов, оценивая необходимость дальнейшего повышения денежного довольствия начальствующему составу РККА, в докладе от 27 июля 1935 года в Политбюро ЦК указывал, что в последний раз оклады командирам повышались около трёх лет назад, к празднованию 15-летия Октябрьской революции. Он предлагал улучшить материальное положение начсостава путём повышения ему денежного довольствия с 1 сентября 1935 года в среднем на 32 проц., а также установить процентные надбавки за выслугу лет от 5 до 25 проц. в Сухопутных войсках и надводном флоте, от 10 до 40 проц. лётно-подъёмному составу ВВС и плавающему составу подводного флота. Нарком полагал, что данные надбавки создадут дополнительный стимул к продолжительной службе в армии для всего начсостава и улучшат материальное положение командиров старших возрастов, имевших в большинстве случаев большую семью. Для реализации этих целей в 1935 году необходимо было выделить 125 млн, а в 1936 году — 423 млн руб.

В связи с тем, что повышение денежного содержания планировалось с 1 сентября 1935 года, К.Е. Ворошилов принял решение о выдаче начсоставу, находившемуся в августе на полевой учёбе в лагерях, дополнительно по 2 руб. на человека с целью улучшения материального положения военнослужащих в этот период²⁸.

Для повышения обороноспособности страны и увеличения количества военных специалистов на протяжении нескольких лет начиная с 1931 года проводилась мобилизация граждан с целью укомплектования военно-учебных заведений. При этом отбирались лучшие работники производства и студенты высших учебных заведений. Так, 10 марта 1931 года секретным постановлением СНК СССР № 38 «О материальном обеспечении 7000 человек, моби-

К.Е. Ворошилов

лизуемых в особом порядке для укомплектования в 1931 г. военно-учебных заведений» были установлены, кроме положенного для курсантов натурального и денежного довольствия, дополнительно по 60 руб. ежемесячно, что являлось в то время довольно приличной суммой. Помимо этого семьи мобилизованных курсантов получали денежное пособие в размере разницы между средней заработной платой мобилизованных по последнему месту работы (учёбы) и дополнительной денежной выплатой в военно-учебном заведении. Кроме того, за их семьями на всё время обучения сохранялась жилая площадь в прежних размерах. Далее, секретным постановлением СНК СССР от 17 января 1932 года № 34/7/с «О материальном обеспечении специального набора для укомплектования в 1932 г. военно-учебных заведений РККА» и совсекретным постановлением СНК СССР от 17 апреля 1934 года № 871/154 сс «О спецнаборе курсантов в лётные и технические школы военно-воздушных сил РККА в 1934 г.» указанные выше льготы распространялись на курсантов 1932, 1933 и 1934 гг. набора и членов их семей. Всего по со-

стоянию на январь 1935 года в школах воздушных сил обучались 9418 курсантов спецнабора, в морских училищах — 550 человек, общая сумма выделявшихся дополнительных материальных средств для их семей составляла 14 млн руб. в год²⁹.

Для усиления границ СССР в 1935—1936 гг. проводились мероприятия по увеличению численности РККА. Для этого осуществлялся дополнительный призыв граждан из запаса, которым устанавливались материальные выплаты. Например, призванному младшему, среднему и старшему начсоставу запаса выплачивалось единовременное денежное пособие в размере среднего заработка за 12 рабочих дней. Помимо этого в течение трёх месяцев им выплачивалась средняя заработная плата по месту гражданской службы, а за членами их семей сохранялись прикреплённые места в отделах рабочего снабжения в течение трёх месяцев и право пользования жилплощадью в ведомственных квартирах в течение 1 года. Указанные выше льготы сохранялись и для призванного из запаса рядового состава за исключением того, что средняя заработная плата по месту их гражданской службы выплачивалась в течение 1 месяца³⁰.

В связи со значительным улучшением продовольственного положения в стране, введением единых цен на продукты питания, сокращением расходов на транспортировку к складскому хозяйству К.Е. Ворошилов 9 февраля 1936 года в своём обращении в ЦК ВКП(б) и И.В. Сталину ходатайствовал о снятии командного и начальствующего состава РККА с натурального снабжения красноармейским пайком и о замене его денежной компенсацией³¹. Уже 17 февраля этот вопрос был рассмотрен на заседании Политбюро ЦК. Согласно принятому решению увеличивался оклад денежного содержания всему командному и начсоставу, кроме младшего

состава срочной и сверхсрочной службы в Дальне-Восточном крае и Забайкалье на 100 руб., в остальных областях Союза на 75 руб.; по Военно-морским силам соответственно — 125 и 100 руб. в месяц. Это решение никак не ухудшило материального положения военнослужащих и членов их семей, а было продиктовано новыми сложившимися экономическими возможностями страны, а также дало право военнослужащим самостоятельного выбора продуктов питания³². Цены на продукты в 1936 году в Москве были следующими (за 1 кг): хлеб столовый из ржаной муки 95 проц. помола — 85 коп.; сахар-рафинад — 4 руб.; молоко бутылочное пастеризованное (1 л) — 1 руб. 70 коп.; яйцо 1 категории (десяток) — 5 руб. 50 коп.; говядина средней упитанности 1 сорта — 7 руб. 60 коп.; колбаса любительская высшего сорта — 12 руб.³³ Проведя сравнительный анализ цен на продукты питания в 1919 и 1936 гг., сопоставив их с уровнем денежного довольствия военнослужащих, можно сделать вывод о том, что благосостояние защитников Отечества и членов их семей к концу изучаемого исторического периода значительно улучшилось. Например, по московским ценам командир взвода на своё денежное содержание в 1919 году мог позволить себе купить 1 кг 50 г хлеба или 315 г сахара-рафинада, а в 1936 году уже 411 кг 700 г и 87 кг 500 г соответственно. Суммы денежного довольствия у командира взвода в 1919 и 1936 гг. были одинаковыми, но купить на 350 руб. можно было разный набор продуктов.

Архивные документы свидетельствуют и о том, что проводилась работа над повышением денежного довольствия высшего составу РККА. Так, согласно служебной записке К.Е. Ворошилова от 29 сентября 1937 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) рассматривался вопрос о повышении с 1 октября 1937

Г.Г. Ягода

года окладов содержания командующим, заместителям командующих войсками военных округов, начальникам политуправлений военных округов и ответственным работникам центрального аппарата НКО. Увеличение окладов в среднем составило (проц.): командующим войсками округов — 117, заместителям командующих — 63; членам военных советов округов — 55; начальникам политуправлений округов — 46³⁴.

С целью подготовки квалифицированных кадров, создания условий роста и использования артиллерийских специалистов по прямому предназначению 5 февраля 1938 года на заседании Политбюро ЦК было принято решение об увеличении окладов денежного содержания командному составу артиллерии РККА. С 1 января 1938 года штатно-должностные оклады содержания командному составу артиллерийских частей, соединений, учреждений, институтов и полигонов были повышены в среднем на 14,9 проц.³⁵

Аналогичное решение о повышении денежного довольствия было принято СНК СССР в отношении артиллерийских кадров Наркомата ВМФ. С 1 мая 1938 года оклады содержания

командному составу, имевшему специальное артиллерийское образование, занимавшему артиллерийские должности на кораблях и в соединениях кораблей ВМФ, командному составу артиллерийских частей и соединений береговой обороны, а также преподавателям Военно-морского артиллерийского училища, Военно-морской академии и специальных курсов командного состава ВМФ были повышены в среднем на 14,6 проц.³⁶

В целях дальнейшего улучшения материального положения и обеспечения условий роста офицерского состава Красной армии 15 ноября 1938 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) был утверждён проект секретного постановления СНК СССР «Об увеличении окладов содержания командному и начальствующему составу РККА» (утверждён СНК СССР 19 ноября 1938 г., № 1244-302 с). Постановлением с 1 ноября 1938 года устанавливались штатно-должностные оклады содержания по типовым должностям. Оклады были установлены по тарифной сетке, состоявшей из 31 тарифного разряда (от 550 руб. по 1 разряду и до 3200 руб. по 31 разряду). Оклады содержания по этой тарифной сетке дифференцировались по родам войск. Денежное содержание младшего начальствующего состава РККА сверхсрочной службы повысилось в среднем на 40 руб. в месяц³⁷.

Аналогичное решение СНК СССР принял в отношении офицерского состава ВМФ — секретным постановлением № 1305-309 с от 14 декабря 1938 года «Об увеличении окладов содержания командному и начальствующему составу ВМФ СССР» с 1 ноября 1938 года устанавливались штатно-должностные оклады по типовым должностям³⁸.

Установленные штатно-должностные оклады по типовым должностям для офицерского состава РККА и ВМФ до начала Великой Отечественной войны фактически не изменялись.

Таким образом, анализ исторической литературы и архивных документов свидетельствует о том, что вопросы материального положения военнослужащих всё время были в центре внимания военно-политического руководства страны. Эта деятельность была направлена на улучшение благосостояния защитников Отечества, совершенствовалась и отражалась в следующих направлениях: в борьбе с инфляцией она была ориентирована на повышение денежного содержания всем категориям военнослужащих; в ходе военных действий были предусмотрены

повышенные оклады военнослужащим действующей армии; были введены дополнительные денежные выплаты (за выслугу лет, службу в отдалённых местностях и др.), а также награждение отличившихся ценными подарками; с целью выделения наиболее значимых военных специальностей произошла дифференциация должностных окладов по типовым должностям; осуществлялся мониторинг уровня денежного довольствия военнослужащих и заработной платы должностных лиц гражданских наркоматов; при проведении мероприятий по увеличению штатной числен-

ности РККА для призванных из запаса граждан были предусмотрены дополнительные денежные выплаты и компенсации.

Исходя из этого следует, что по мере роста экономического потенциала страны органы власти изыскивали средства для повышения денежного довольствия военнослужащих. Предпринимавшиеся государством меры позволяли значительно улучшать финансовое положение защитников Отечества, что вело к укреплению их политико-морального состояния, повышению престижа военной службы и боеготовности войск.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Декреты Советской власти. Т. I. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1957. С. 356, 357.

² Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. М.: Б.и., 1942. С. 228—230.

³ Там же. С. 271.

⁴ Там же. С. 511.

⁵ Там же. С. 597, 598.

⁶ Финансы Вооружённых сил СССР. Ч. I. М.: Воениздат, 1956. С. 133, 134.

⁷ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917—1918 гг. С. 1424, 1425.

⁸ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1919 г. М.: Б.и., 1943. С. 346.

⁹ Шуляков Д. В. Сражаясь с капиталом, награждаешься рублем... Награждение военнослужащих Красной армии ценными подарками и денежными премиями в период Гражданской войны (1917—1922 гг.) // Экономическая история. Т. 17. 2021. № 1. С. 72.

¹⁰ Там же. С. 71.

¹¹ Систематизированный сборник приказов и распоряжений центральных учреждений Военного ведомства. Вып. 1 (1—15 января 1920 г.). М.: Лит.-изд. отд. ПУР, 1920. С. 33, 34.

¹² Там же. С. 34.

¹³ Дополнение к руководству по ведению хозяйства, делопроизводства и отчётности по всем видам денежного и материального довольствия в частях войск, штабах и управлениях Красной армии. Изд. РВСР, 1921. С. 33.

¹⁴ Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 190. Л. 27—28.

¹⁵ Там же. Л. 63—65, 69.

¹⁶ Там же. Л. 74.

¹⁷ Там же. Л. 82.

¹⁸ Оборона страны и гражданская школа: сборник статей / Под ред. Л. С. Дегтярёва, Н. Ф. Артёменко. М.; Л.: Гос. изд-во, 1927. С. 39.

¹⁹ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 190. Л. 81—82.

²⁰ Там же. Л. 82.

²¹ Там же. Л. 81—82.

²² Там же. Л. 219—220.

²³ Там же. Л. 227.

²⁴ Там же. Д. 191. Л. 9.

²⁵ Там же. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 12.

²⁷ Там же. Л. 28—33.

²⁸ Там же. Л. 43—44.

²⁹ Там же. Л. 16—22.

³⁰ Там же. Л. 24—25.

³¹ Там же. Л. 48, 48 об.

³² Там же. Л. 47—49.

³³ Справочник единых отпускных и розничных цен на продовольственные товары по гор. Москве. М.: Б.и., 1937. С. 11—159.

³⁴ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 191. Л. 64—78.

³⁵ Там же. Л. 81—82.

³⁶ Там же. Л. 85—89.

³⁷ Там же. Л. 99, 129—137; Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 80. Оп. 12295. Д. 1326. Л. 13.

³⁸ РГАНИ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 191. Л. 147—161.

K.A. Nasonov

«GIVEN THE NEGLIGIBLE NORM, IT IS CHALLENGING TO IMPOSE SIGNIFICANT DEMANDS ON OUR COMMAND STAFF»

The formation of the system of monetary allowances for Red Army servicemen (January 1918 to June 1941)

Information about author. Konstantin Nasonov — assistant professor of the department of military and political work in the troops (forces), the Prince Alexander Nevskiy Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, lieutenant colonel, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: 3275500@mail.ru).

Summary. The paper reveals the activities of the Soviet state in the development of the system of monetary allowances for servicemen in 1918—1941. Through a thorough analysis of normative legal documents, historical literature, archival materials, reports, and speeches of state, military, and party leaders of the country, the main directions and forms of this activity were revealed, as well as ways to improve it. The paper highlights the positive dynamics of servicemen's welfare during the period under study, while also shedding light on the challenging financial circumstances faced by the defenders of the Fatherland. A comparative assessment of the level of servicemen's allowances at the beginning and at the end of the historical period under study is provided, and conclusions are formulated based on the results of the study.

Keywords: military salaries; rate of pay; Red Army soldier; superior staff; material situation; prices; tariff scales; budgets.

«...СПЕКТАКЛИ ПРОХОДИЛИ С БОЛЬШИМ ПОДЪЁМОМ»

О деятельности театрально-концертных бригад театра Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторе. Островская Инна Валериевна — главный научный сотрудник Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя, кандидат исторических наук (г. Севастополь. E-mail: ostrov-33@mail.ru).

Аннотация. На основе документов фондовой коллекции Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя раскрываются малоизвестные страницы деятельности театрально-концертных бригад театра Черноморского флота в годы Великой Отечественной войны. Восполняются страницы военной биографии творческих работников, актёров-черноморцев, впоследствии известных мастеров советского театра и кино, чья творческая судьба была связана с Севастополем и Черноморским театром военных действий в 1941—1945 гг. Дается представление о военном репертуаре, актёрском составе театрально-концертных бригад. Среди главных задач краснофлотского театра были: служить на благо Родины, разделяя с бойцами фронтовую жизнь, выступать мощной агитационной системой и поддерживать боевой дух и веру в победу у личного состава армии, Военно-морского флота и населения. Комплексное исследование документов фондовой коллекции музея-заповедника и электронных баз, содержащих недавно введенные в научный оборот документы, позволяет представить целостную картину вклада артистов в победу над фашистской Германией.

Ключевые слова: Севастополь; театр Черноморского флота; театрально-концертные бригады; Великая Отечественная война; Музей-заповедник героической обороны и освобождения Севастополя; военный репертуар; Дом Военно-морского флота имени П. Шмидта; гастроли в Румынии и Болгарии; художественный руководитель театра Черноморского флота А.С. Лившиц.

С началом Великой Отечественной войны лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» стал всеобщим. Под этим лозунгом работал и театр, выступая на импровизированных сценах в боевых условиях. Вдохновенный труд артистов воодушевлял бойцов, вселял в них уверенность в победе над врагом. Сложный и в то же время героический этап в истории театра нашёл отражение в многотомном издании «История советского драматического театра»¹. Фронтовые концертные бригады, фронтовой театр в годы Великой Отечественной войны сегодня находятся в центре внимания исследований И.И. Фахретдиновой², Ю.Г. Думанян³, В.В. Поповой⁴.

История театра Черноморского флота неразрывно связана с флотом и раскрывается в основном в контексте

политико-воспитательной, идейно-политической работы с личным составом. Краткие сведения о его участии в обороне и освобождении Севастополя, Черноморского побережья в 1941—1945 гг. даны в монографии «Российский Черноморский флот»⁵. К военно-морской театральной тематике обращалась севастопольский искусствовед Л.И. Васильева⁶, а также севастопольские музейщики, ведущие постоянный поиск документов и материалов по истории города и флота. Итогом их работы стал ряд статей в энциклопедическом справочнике «Севастополь»⁷.

Фонды музея — кладёз документов военного времени. Только негативов и фотографий, рассказывающих об обороне и освобождении Севастополя, насчитывается около 10 тыс. единиц. Есть здесь и небольшая коллекция материалов о деятель-

ности театра Черноморского флота и его театрально-концертных бригад в годы войны. Наличие данного комплекса и его хорошая сохранность очень важны для флота и города, т.к. до сих пор театр не имеет своего музея.

«Держать марку военного флота!» — творческий девиз театра Черноморского флота на все времена. Краснофлотский театр возник незадолго до начала Великой Отечественной войны и работал на базе Дома Военно-морского флота имени П. Шмидта. За небольшой промежуток времени были сформированы разноплановый актёрский состав, административно-хозяйственная, художественная части. Героико-патриотическая тематика являлась ведущей в его репертуаре.

Наиболее полно проявилась такая направленность

в годы Великой Отечественной войны. 3 июля 1941 года президиум Всероссийского театрального общества постановил: «Организовать артистические бригады по обслуживанию частей Красной армии»⁸. К работе бригад предъявлялись требования в духе военного времени: мобильность, готовность и способность выступать в непосредственной близости к передовой при угрозе обстрела. А главное — поднимать боевой дух бойцов, вдохновлять, вселять надежду на победу. Во время войны около 400 театрально-концертных и цирковых бригад обслуживали части Красной армии на фронтах. Среди 23 фронтовых театров был и театр Черноморского флота. Став фронтовым, он шёл в одном походном ордере с флотом. «Театр-матрос», «Театр-воин», «Театр на колёсах» — так были озаглавлены многие рецензии на его работы в тот период.

Реалии военного времени требовали новых, более подвижных форм работы. Созданные концертные бригады каждый день выезжали на корабли и в части. А вскоре была оборудована специальная машина с раскладной сценой, и артисты получили возможность выступать непосредственно на передовой. Репертуар концертных бригад был создан на местном материале, деятельное участие в его формировании приняли флотские поэты и прозаики. Горячее призывное искусство флотских артистов звучало на палубах кораблей и на аэродромах, на пирсах и в штольнях, в госпиталях и лазаретах, на батареях и в блиндажах. Нередко единственным освещением для них была луна. И всегда зритель встречал актёров радостно, как дорогих гостей.

С началом войны и до октября 1941 года городская

Концерт артистов театра Черноморского флота на базе подводных лодок. Выступает артистка Л. Федотова
Август 1941 г.

Бригада артистов театра Черноморского флота выступает перед бойцами 7-й бригады морской пехоты (крайний слева — Б.А. Чукаев, художественный руководитель театра)
г. Севастополь, 1942 г.

Дом Военно-морского флота имени П. Шмидта
г. Севастополь, 1940-е гг.

творческая жизнь театрального коллектива не прекращалась. На сцене Дома Военно-морского флота шли «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского, «Профессор Мамлок» Ф. Вольфа, «Очная ставка» Бр. Тур и Л. Шейнина⁹. В то время художественным руководителем театра был А.С. Лившиц, а режиссуру осуществляли В. Тан (главный режиссёр), П. Ершов, Н. Михайлов.

В военной обстановке создавались новые образы, спектакли, учившие мужеству, воспитывавшие непреклонную волю к победе. Такими были «Русские люди» К. Симонова, «Офицер флота» А. Крона, «Давным-давно» А. Гладкова, «Фронт» А. Корнейчука, «Нашествие» Л.М. Леонова¹⁰. В спектакле по пьесе «Русские люди» проявился глубокий интерес театра к обычным людям, рядовым солдатам, сражавшимся за свободу Родины. Существенно новой чертой, воплотившейся в данной постановке, стал отказ от поверхностного показа сил противника. Постановки пьес К. Симонова, А. Корнейчука, Л. Леонова стали важным творческим событием не только для флотского, но и для советского театра в целом, оказав влияние на становление советской драматургии.

В октябре 1941 года командованием Черноморского флота было принято решение об эвакуации театра в город Туапсе, но связь с Севастополем и его защитниками не терялась. Из трёх образованных в новых условиях бригад две вернулись обратно в осаждённый город, где разместились в подвале библиотеки. Другая же гастролировала на объектах флота по Кавказскому побережью.

Словами благодарности преисполнено письмо из военного госпиталя № 4525, что в мае 1942 года распола-

гался в Геленджике: «...Трудно передать в словах чувства бойцов, командиров, политработников, слушавших постановки. Актуальность затронутых в отдельных сценах тем обострила в такой мере переживания людей, что спектакли проходили с большим подъёмом, и, несмотря на историчность фактов, игра приближала людей к современности. Добросовестно сыграли артисты свои роли и немало усилий приложили к достижению основной цели: своей игрой максимально воздействовать на зрителя...»¹¹.

Во время кавказских гастролей черноморцы давали спектакли и среди гражданского населения с целью сбора средств на военные нужды. Так, на афише к спектаклю «Очная ставка», который играли в декабре 1941 года, по нижнему краю большими красными буквами была сделана надпись: «Весь сбор от спектаклей поступит в фонд обороны страны»¹². А в верхнем левом углу афиши располагалась одна из первых эмблем краснофлотского театра в форме красно-синего треугольника с матросской лентой посередине.

И всё-таки значительное число выездов небольшими театрально-концертными бригадами было на передовую. Здесь приходилось выступать в сложных бытовых условиях, ночью, в землянках, где с трудом размещались 15—20 человек.

5 ноября 1942 года приказом командующего Черноморским флотом группа артистов-черноморцев «за образцовое выполнение боевых заданий на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» были награждены медалью «За боевые заслуги». В списке числились актёры, краснофлотцы,

О.В. Грязнов, Л.Г. Любецкой, старшина 2-й статьи Р.Л. Фискович, Г.А. Шварцер, А.В. Гюльцен, старшина 1-й статьи Е.В. Перов¹³.

Когда же Туапсе стал ежедневно подвергаться вражеским авианалётам, театр передислоцировался в Потти. При эвакуации всё театральное имущество погибло, и труппа лишилась возможности играть спектакли. Как раз в то время шла работа над пьесой «Фронт» А. Корнейчука. Репетиции проводились по частям, по мере получения номеров газеты «Правда», где печаталась пьеса. Все актёры «превратились» в плотников, столяров, портных — готовили оформление и костюмы к премьере. Правда, некоторых костюмов всё-таки не хватало. Как вспоминал ветеран флотской сцены заслуженный артист СССР В.А. Красильников, «тогда наш костюмер становился “на вахту” у входа в театр и, высмотрев на бойце или командире подходящий для спектакля костюм, вежливо приглашал его за кулисы и просил “выручить”»¹⁴. И бойцы выручали. Премьера в итоге прошла с большим успехом.

В конце октября 1944 года театр вернулся в родной город, но свой боевой путь окончил в Румынии и Болгарии, куда отправился после двух месяцев отдыха вместе с наступавшими частями армии и флота.

23 декабря на небольшом вспомогательном судне труппа вышла из Севастополя, корабль взял курс на Констанцу, но разразился шторм, повредивший рулевое управление. Судно стало дрейфовать. Нашли потерявшихся артистов вовремя, практически у самых минных полей. Театр добрался благополучно до цели. Гастроли и в Варне, и в Бургасе прошли с большим успехом. Предварительно во флотской типографии были

отпечатаны программки спектаклей на двух языках, где помимо актёрского состава были представлены содержание действий и история возникновения краснофлотского театра.

В Севастополь вернулись в апреле 1945 года¹⁵. Поселились на барже. Здесь в течение шести лет жили, работали, репетировали новые спектакли.

Бойцам армии и флота, сражавшимся с фашистскими захватчиками на Черноморском театре военных действий, было за что сказать артистам спасибо: за время войны они дали для фронта 711 спектаклей и свыше 1500 концертов. Командование высоко оценило их труд: большая группа работников флотского театра была награждена орденами и медалями. Среди них медаль «За оборону Севастополя» — это особая награда, признание на государственном уровне вклада актёров краснофлотского театра в борьбу с немецко-фашистскими захватчиками и проявленных при этом доблести и мужества¹⁶.

Трагична судьба художественного руководителя театра ЧФ Александра Соломоновича Лившица. О нём упоминает Константин Симонов в книге «Сто суток войны». Как выяснилось, Александр Соломонович являлся руководителем театра до декабря 1943 года. «Ставя у себя в театре военные пьесы, он, очевидно считал своим долгом режиссёра знать, как выглядит война вблизи, и за это заплатил жизнью», — отмечал К. Симонов¹⁷.

По собственной инициативе и как работник политуправления ЧФ 7 декабря 1943 года А.С. Лившиц отправился с экипажем сторожевого корабля МО-04 в Керчь на операцию по снятию десантных войск Приморской армии. При попада-

Сцена из спектакля по пьесе В. Дыховичного
«Свадебное путешествие» в постановке театра Черноморского флота
г. Севастополь, 1940—1941 гг.

нии снаряда в рубку корабля Лившиц погиб.

С начала обороны Севастополя и вплоть до 1947 года главным режиссёром театра ЧФ оставался Виктор Васильевич Тан. Под его творческим руководством театральное искусство черноморцев шло на передовую и в тыл. В условиях военного времени он уделял значительное внимание работе с молодыми актёрами. Творческими удачами коллектива стали постановки «Фронт» и «Русские люди»¹⁸. Значительный период послевоенной творческой биографии В.В. Тана связан с Казанским театром юного зрителя, куда он перебрался в 1948 году, а затем с Калининградским областным драматическим театром.

Путь в профессию театрального режиссёра в биографии Петра Ершова, известного теоретика театра, родоначальника современной театральной педагогики, также связан с театром Черноморского флота. Там он встретил начало Великой Отечественной войны. В сезон 1940—1941 гг., будучи его актёром, в некоторых спектаклях выступал и как режиссёр. Фонды Севастопольского музея-заповедника сегодня хранят театральные программы, афиши к спектаклям П. Ершова. В Севастополе на базе краснофлотского театра в сезон 1941—1942 гг. он поставил спектакль «Амазонки» по пьесе Юрия Стабового. На севастопольскую сцену актёр П. Ершов также выходил в роли Галкина («Очная ставка»)¹⁹.

Сегодня фондовая коллекция музея-заповедника располагает небольшим комплексом материалов и документов об артистах-фронтовиках театра Черноморского флота Борисе Александровиче Чукаеве (заслуженный артист Крымской

АССР, заслуженный артист РСФСР), Василии Александровиче Красильникове (заслуженный артист УССР), Евгении Владимировиче Перове (заслуженный артист Крымской АССР, народный артист РСФСР), Михаиле Александровиче Днепрове (заслуженный артист РСФСР) и др.

Появление новых, постоянно пополняющихся баз данных по участникам Великой Отечественной войны позволяет музейщикам расширить объём знаний об имеющихся персональных сведениях. В наградном листе о награждении орденом Красной Звезды Б.А. Чукаева от 2 марта 1946 года читаем: «Товарищ Чукаев является одним из лучших и способных актёров Театра ЧФ. В период Великой Отечественной войны он создал ряд больших и интересных ролей: Мирон Горлов, директор авиазавода — пьеса “Фронт”, Глоба, военфельдшер — пьеса “Русские люди”, Ермолов, лётчик — пьеса “Жди меня”, фельдмаршал Кутузов — пьеса “Давным-давно”, Ткаченко, богатый крестьянин — пьеса “Шёл солдат с фронта”. Одновременно в период обороны Севастополя он проводил огромную работу по культурному обслуживанию личного состава, являясь бригадиром фронтовой концертной бригады»²⁰.

Среди актёров театра ЧФ, членов концертной бригады краснофлотского театра был и Николай Иванович Михайлов. С 1938 года он выступал на сцене Дома Военно-морского флота в Севастополе. Яркие, запоминающиеся художественные образы главных героев советских пьес — Алексея в «Оптимистической трагедии», капитана Сафонова в пьесе «Русские люди» — полюбили и запомнились севастопольской публике надолго, как и созданные

им образы Пирогова в «Сёстрах», Беркутова в «Волках и овцах», Бродского в «Интервенции», Незнамова в «Без вины виноватые». Актёрская деятельность совмещалась с концертной. В составе концертной бригады театра Николай Иванович неоднократно выезжал в распоряжение подразделений Новороссийской и Туапсинской военно-морских баз. В одном из документов военного времени читаем: «Благодаря своей повседневной напряжённой работе, своей правдивой игрой Михайлов делает всё возможное, чтобы донести до краснофлотцев и командиров со сцены идеи нашей большевистской партии, воспитывает в личном составе ненависть к немецким оккупантам и вселяет уверенность в нашей победе над врагом...»²¹.

И, конечно, нельзя не сказать о женском составе концертных бригад и фронтовых театральных трупп на Черноморском театре военных действий. Женщины-актрисы во время Великой Отечественной войны наравне с мужчинами сражались за родную землю силой искусства. Они внесли свою лепту в победный май 1945 года. Мария Александровна Михайлова, Валентина Ивановна Назарова, Мария Григорьевна Спендиарова, Тамара Вацловна Юшкевич, Валентина Павловна Соловьёва неоднократно отмечались правительственными наградами; пройдя войну, смогли не только сохранить женственность, профессионализм, но и повысить актёрское мастерство. Об этом нам рассказывают многочисленные рецензии на спектакли с их участием в сохранившейся послевоенной городской и флотской прессе.

«Многие севастопольцы знали и любили талантли-

вую актрису, создавшую на севастопольской сцене столько ярких и интересных образов. М.Г. Спендиарова принесла с собой на сцену особую значимость и интеллигентность, свойственные ей по происхождению и воспитанию. Мария Григорьевна являлась племянницей замечательного композитора А.А. Спендиарова. Помимо актёрской деятельности она была задействована и в разнообразной военно-шефской работе на Черноморском флоте. Актриса принимала активное участие в лекционной, просветительной работе

среди моряков-черноморцев, в творческих встречах с флотской молодёжью, в руководстве матросской самодеятельностью. Её концертные программы на кораблях и в частях буквально захватывали слушателей, очаровывая эмоциональностью, искренностью, исполнительским мастерством», — отмечалось в одном из выпусков городской газеты «Слава Севастополя» накануне празднования Дня Победы²².

Театр в годы Великой Отечественной войны играл важную роль в повышении морального, боевого духа

солдат. Подвиг советских актёров был оценён по достоинству: свыше 3000 работников искусства наградили боевыми орденами и медалями. Свой вклад в дело разгрома врага внесла и труппа молодого театра Черноморского флота. Боевой творческий заряд, полученный коллективом в годы борьбы с врагом, помогал ему брать новые творческие высоты и в послевоенное время.

Иллюстрации из фондов Музея-заповедника героической обороны и освобождения Севастополя.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История советского драматического театра в 6 т. М.: Наука, 1966—1971.

² Фахретдинова И.И. Фронтные концертные бригады в годы Великой Отечественной войны // Colloquium-journal. 2020. № 8. С. 64, 65.

³ Думанян Ю.Г. Фронтные бригады и театры ВТО в период Великой Отечественной войны // Театрон: электронный журнал. 2012. 27 августа. URL: <https://teatron-journal.ru>.

⁴ Попова В.В. Фронтные и артистические бригады московских театров на фронте и в тылу // Universum: общественные науки: электронный научный журнал. 2013. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru>.

⁵ Российский Черноморский флот: исторический очерк: к 225-летию Черноморского флота России и его главной

базы Города-Героя Севастополя / Под общ. ред. А.Д. Клецкова. Симферополь: ДИАИПИ, 2008. 728 с.

⁶ Васильева Л.И. Театр легендарного города. Киев: Мистецтво, 1988. 85 с.

⁷ Севастополь: энциклопедический справочник / Ред.-сост. М.П. Апошанская. Симферополь: Салта ЛТД, 2008. 1117 с.

⁸ Великая Отечественная война, 1941—1945: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.

⁹ Фонды Музея обороны Севастополя. А 23903.

¹⁰ Марета А.С. С маркой военного флота // Морской сборник. 1976. № 7. С. 102.

¹¹ Фонды Музея обороны Севастополя. А 23879.

¹² Там же. А 23871.

¹³ Центральный военно-морской архив (ЦВМА). Ф. 3. Оп. 2. Д. 35. Л. 1.

¹⁴ Красильников В. В огневые годы // Флаг Родины. 1972. № 63. 18 марта. С. 3.

¹⁵ Фонды Музея обороны Севастополя. А 23876.

¹⁶ Севастополь: энциклопедический справочник. С. 488.

¹⁷ Симонов К.М. Сто суток войны. Смоленск: Русичи, 1999. С. 519.

¹⁸ Фонды Музея обороны Севастополя. А 238778.

¹⁹ Ершов П.М. Сверло в будущее [Статья к 100-летию К.С. Станиславского] // Театральная жизнь. 1963. № 1. С. 15.

²⁰ ЦВМА. Ф. 3. Оп. 1. Д. 784. Л. 2.

²¹ Там же. Д. 588. Л. 1.

²² Фонды Музея обороны Севастополя. НВ 18135.

I.V. Ostrovskaia

«THE PERFORMANCES WERE MET WITH GREAT ENTHUSIASM»

On the activities of theater and concert brigades of the Black Sea Fleet Theater during the Great Patriotic War

Information about author. Inna Ostrovskaia — senior researcher at the Museum-Reserve of the Heroic Defense and Liberation of Sevastopol, Cand. Sc. (Hist.) (city of Sevastopol. E-mail: ostrov-33@mail.ru).

Summary. The Museum-Reserve of the Heroic Defense and Liberation of Sevastopol has a collection of documents that reveal little-known pages of the activities of the theater and concert brigades of the Black Sea Fleet Theater during the Great Patriotic War. The collection also includes the military biographies of notable creative professionals, including Black Sea actors who later became renowned masters of the Soviet theater and cinema. These individuals' creative legacies were intricately intertwined with Sevastopol and the Black Sea theater of military operations during the years 1941 to 1945. The paper provides a comprehensive overview of the military repertoire and the acting staff of the theater and concert brigades. The Red Navy Theatre's primary objectives included serving the Motherland, sharing front-line experiences with soldiers, functioning as a significant propaganda mechanism, and reinforcing the fighting spirit and confidence in victory among the armed forces, Navy personnel, and the general public. A thorough examination of the documents in the museum-reserve's collection and the electronic databases containing recently introduced documents allows us to present a comprehensive picture of the artists' contribution to the victory over Nazi Germany.

Keywords: Sevastopol; Black Sea Fleet Theater; theater and concert brigades; Great Patriotic War; Museum-Reserve of the Heroic Defense and Liberation of Sevastopol; military repertoire; P. Schmidt House of the Navy; tours in Romania and Bulgaria; artistic director of the Black Sea Fleet Theater A.S. Livshits.

«НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ, ПРОВЕДЕННЫХ В ПЛЕВНЕ, НАПОМНИЛИ МНЕ ЖИВО СЕВАСТОПОЛЬ»

Неизвестные письма лазутчика К.Н. Фаврикодорова,
посланные из Софии и осаждённой Плевны в 1877 году

Сведения об авторе. Фролова Марина Михайловна — старший научный сотрудник Института славяноведения РАН, кандидат исторических наук (Москва. E-mail: marinafrolova59@mail.ru).

Аннотация. В статье сообщается об обнаружении автором в Российском государственном военно-историческом архиве трёх писем лазутчика (разведчика) Константина Николаевича Фаврикодорова — от 4 июля, 27 августа и 24 сентября 1877 года, посланных во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. из Софии и осаждённой Плевны. В историографии хорошо известны его опубликованные воспоминания, а также «Свидетельство», подписанное полковником Генерального штаба Н.Д. Артамоновым 2 мая 1879 года. Вводимые в научный оборот новые факты, не отражённые в мемуарах разведчика, дополняют сведения о его деятельности. Они также существенно корректируют информацию о маршруте его второй поездки — вглубь Балканского полуострова. Кроме того, эти письма позволяют составить представление о личности самого К.Н. Фаврикодорова.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877—1878 гг.; разведка; К.Н. Фаврикодоров; Н.Д. Артамонов; Осман-паша; г. София; г. Плевна.

12 апреля* 1877 года Россия вступила в войну с Османской империей. В Дунайской армии стали набирать переводчиков и лазутчиков, т.к. перед войной на территории Болгарии не была создана разведывательная сеть. Причин тому много, но одна из главных заключалась в том, что пока император Александр II пытался разрешить конфликт на Балканах мирным путём, несмотря на мобилизацию нескольких военных округов 1 ноября 1876 года, Военное министерство не отпускало необходимых денежных средств. Перед полковником Генерального штаба Н.Д. Артамоновым (1840—1918), штаб-офицером над вожатыми, т.е. начальником разведки, стояла задача активизации деятельности лазутчиков с целью получения информации о противнике.

В конце мая 1877 года в румынский г. Плоешти, где находилась Главная квартира главнокомандующего Дунайской армией великого князя Николая Николаевича (Старшего), из Кишинёва прибыл грек Константин Николаевич Фаврико-

доров (примерно 1835—?) и предложил свои услуги в качестве переводчика полковнику Артамонову. Тот в свою очередь пригласил его совершить «небольшую прогулку» по Болгарии. И в этом 42-летнем человеке раскрылся удивительный талант разведчика. О себе Фаврикодоров рассказал, что он уроженец Македонии, до 20 лет помогал своим родным и часто разъезжал по торговым делам по Турции, что дало ему возможность изучить не только турецкий язык, но и почти все наречия Балканского полуострова. Перед Крымской войной он поступил в Греческий легион императора Николая I, участвовал в обороне Севастополя, был ранен и удостоился ордена Св. Георгия 4-й степени и серебряной медали «За защиту Севастополя». После войны Фаврикодоров принял подданство Российской империи и поселился в Кишинёве. Начавшуюся в 1877 году новую войну с Турцией ветеран Крымской кампании встретил сочувственно и, несмотря на свой возраст, прибыл в Плоешти, оставив семью и своё дело.

* Здесь и далее даты приводятся по старому стилю.

После окончания войны рассказы Константина Николаевича о похождениях в тылу турок и в осаждённой Плевне с огромным интересом воспринимались его слушателями, и «по неотступным просьбам» друзей, которые помогли ему как советами, так и «карманом», Фаврикодоров издал свои мемуары, снабжённые иллюстрациями и картой, под названием «Среди врагов. Из воспоминаний лазутчика русской армии в войну 1877—1878 гг. бывшего волонтера Греческого легиона К.Н. Фаврикодорова» (Одесса, 1882). В книгу было включено также «Свидетельство», подписанное полковником Н.Д. Артамоновым 2 мая 1879 года, где подробно перечислялись все поездки Фаврикодорова и сведения, которыми он снабжал русское командование.

В 1885 году журнал «Исторический вестник» перепечатал воспоминания лазутчика (исключив из них IV главу, в которой рассказывалось о населении Болгарии, домашней

жизни болгар и турок, о гаремах, турецком и болгарском духовенстве, а также иллюстрации и карту Болгарии). Благодаря этой журнальной публикации воспоминания Фаврикодорова стали известны широкой читающей публике. И до сих пор исследователи ссылаются именно на это, более доступное издание.

Воспоминания Константина Николаевича о рискованных проникновениях вглубь Балканского полуострова летом 1877 года, о его разведывательной деятельности в Плевне, написанные хорошим литературным языком, послужили основой для многих художественных произведений. Более всего известен роман Б. Акунина* «Турецкий гамбит», в главном герое которого Э. Фандорине узнаются черты греческого лазутчика, с лёгкостью перевоплощавшегося в пастуха, турецкого торговца,

цирюльника, башибузука. В историографии, посвящённой исследованию разведки в Российской империи, непременно упоминается имя Фаврикодорова¹ и нередко содержится краткий пересказ самих воспоминаний².

В Российском государственном военно-историческом архиве автор настоящей статьи обнаружила три письма (от 4 июля, 27 августа и 24 сентября 1877 г.) за подписью Фаврикодорова, адресованных полковнику Н.Д. Артамонову. А если принять во внимание указания самого разведчика в его воспоминаниях об отправленных им письмах, получается, что их должно было быть не менее восьми. С данным архивным делом работал российский учёный А.А. Улуян, но в своём исследовании «Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг.» (М., 1971) он упомянул только одно письмо — от 24 сентября³.

Впрочем, радость от архивной находки быстро сменилась удивлением, поскольку выяви-

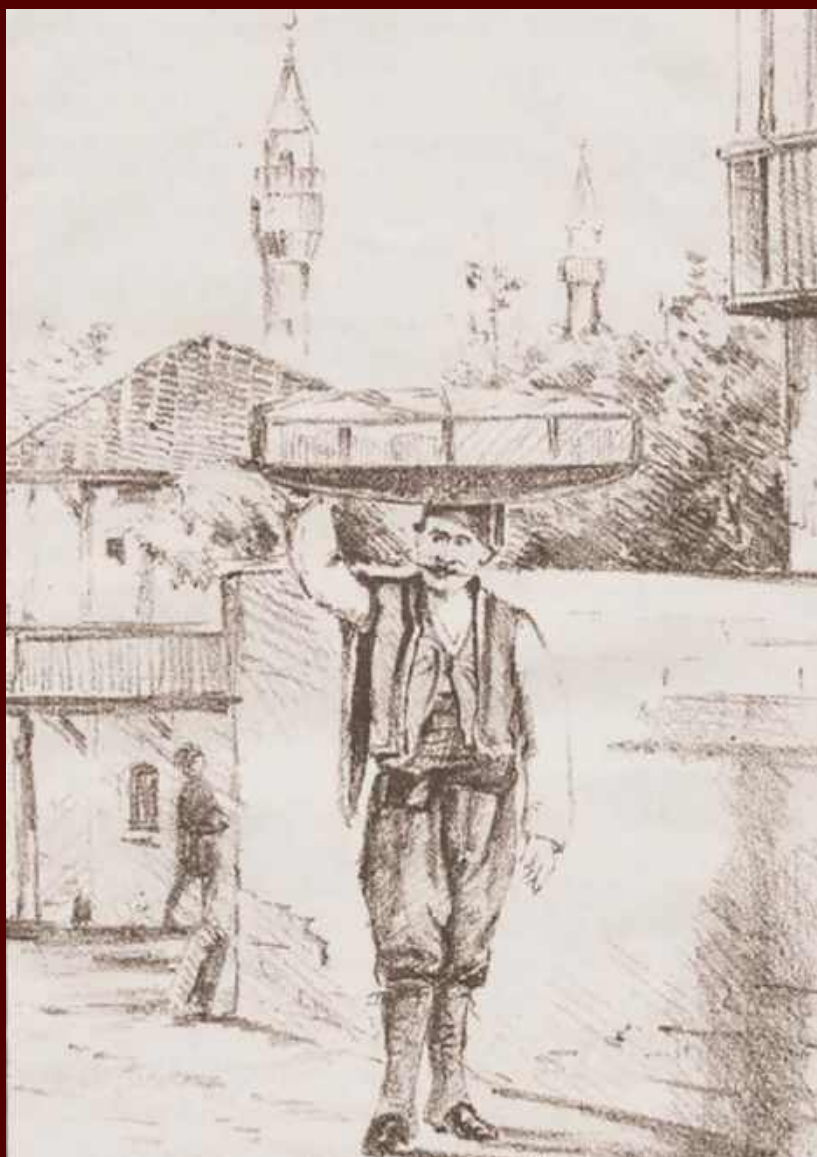
* 18 декабря 2023 г. включён в реестр террористов и экстремистов. 12 января 2024 г. Минюстом РФ внесён в реестр иноагентов.

Карта Балканского полуострова (Русско-турецкая война 1877—1878 гг.)

Получение инструкций от генерала Скобелева 2-го
*Среди врагов. Из воспоминаний лазутчика русской армии в войну 1877—1878 гг.
 бывшего волонтера Греческого легиона К.Н. Фаврикодорова.
 Одесса: тип. П.А. Зеленаго, 1882. С. 6—7.*

Фаврикодоров — продавец рахат-лукума в Плевне
*Среди врагов. Из воспоминаний лазутчика русской армии в войну 1877—1878 гг.
 бывшего волонтера Греческого легиона К.Н. Фаврикодорова.
 Одесса: тип. П.А. Зеленаго, 1882. С. 48—49.*

лась огромная разница между опубликованными воспоминаниями и подлинными донесениями лазутчика. Оказалось, что за годы проживания в России он так и не освоил русский язык, о чём свидетельствует не только смешение русских и болгарских слов, но и само написание русских слов с бесконечными орфографическими ошибками, которые явно отражают его своеобразную речь, характерную для южного славянина-иностранца. К тому же Фаврикодоров произвольно соединял и разъединял слова интервалами, совсем не пользовался знаками препинания (точками, запятыми), поэтому в письмах идёт сплошной текст, в котором нет и заглавных букв, обозначающих начало предложения. Косноязычие вкупе с подобным «правописанием» указывает на явную малообразованность Фаврикодорова, что отнюдь не умаляет его профессиональных качеств как разведчика. Похоже, что после окончания войны его рассказы вдохновили кого-то из слушателей не без литературного дара, и теперь мы имеем яркие воспоминания. Но при их сопоставлении с подлинными письмами и со «Свидетельством» обнаруживаются некоторые расхождения в фактах. Свои письма он подписывал «Косстантин Фаврикадоров, К.Н. Фаврикадоров, Костантин Николаев Фаврикадоров»⁴, однако мы будем придерживаться привычного варианта написания его фамилии из изданных воспоминаний. При цитировании писем будет соблюдаться современная орфография при сохранении, по возможности, их стилистических особенностей.

Свое первое путешествие по правому берегу Дуная Фаврикодоров совершил в начале июня. Он посетил Видин, Никополь, Систово (совр. — Свиштов), Рушук (Русе), Ловчу (Ловеч), Плевну (Плевен) — сначала в costume пастуха и со

стадом овец, а затем в облике зажиточного турка.

Первое донесение бесстрашный лазутчик отправил из Рущука с моряком, греком Димитраки, уроженцем Ионических островов, который за условленную плату вплавь преодолел Дунай и доставил в Журжево (Джурджу) письмо (даже не замочив его), адресованное генерал-майору М.Д. Скобелеву⁵.

Закончив разведку, Фаврикодоров переправился на левый берег ниже Турну-Северина и через Зимницу (Зимнича) добрался до Систова, где 24 июня застал Главную квартиру русской армии. Здесь он отчитался о своей поездке перед полковником Артамоновым, вручив ему полную записку о вооружении крепостей Никополя и Рущука с указанием количества орудий и расположения всех укреплений, а также передал всё, что им было замечено особенного относительно состава турецкой армии, её вооружения, продовольствия, военных запасов и санитарной части. При этом особое внимание он обратил на присутствие в неприятельской армии множества английских офицеров, преимущественно инженеров и артиллеристов. Столь отлично выполненное задание немедленно повлекло за собой новое поручение: 26 июня Артамонов предложил Фаврикодорову разузнать о турецких войсках в Румелии, а именно: в крепостях Шумле (Шумен), Варне и Адрианополе (Эдирне)⁶.

Разведчик доехал до Турну-Северина по железной дороге, со знакомым рыбаком переправился на правый берег Дуная и в Видине приобрёл паспорт на имя Хасан-Демержи-оглу. Согласно посланному 4 июля письму из Софии в Видине Фаврикодоров застал мяшира⁷ Осман-пашу, который с войском в 50 тыс. человек намеревался выйти из города в сторону Балкан на Белградчик. 1 июля по дороге в Софию

между Берковицей и Клисурой лазутчик встретил египетского пашу — Хасан-пашу, который имел под своей командой 15 тыс. войска и 32 пушки «маленького калибра. Одну пушку тянут четыре лошади и те слабые. Эти пушки называют потурецки шешханне топу⁸»⁹. В воспоминаниях литературный соавтор Фаврикодорова пояснял, что это горные орудия и египетский паша следовал на выручку Никополя¹⁰.

Утром 2 июля лазутчик прибыл в Софию, купил 500 бубликов и начал ходить по кофейням — «послушать». Турки были недовольны новым указом своего правительства, согласно которому можно было набирать в солдаты мужчин с 16 до 60 лет: «хотя зубов нет, лишь бы ружье держал». На следующий день Фаврикодоров закупил хлеба и солёной рыбы и отправился в турецкий лагерь, где услышал, что собираются устроить ещё четыре батареи и два пороховых погреба («минни»). В Софии имелось 20 тыс. войска, но войска «без куража, и каждый божий день грызутся между собой через голод, и жалованье не дают, отнимают». Некий грек, приехавший из Плевны, рассказал лазутчику, что «будто бы там собирается ужасно много турок, имеют серьезно во цель пройти русскую армию»¹¹. Данной информации, раскрывающей методы работы разведчика, нет в опубликованных воспоминаниях, где, впрочем, сообщается, что в Софии он застал самого Сулеймана с 45-тысячной армией хорошо обученных и обстрелянных в Черногории солдат. Их направили для защиты проходов в Больших Балканах, отделявших Северную Болгарию от Фракии¹². Этих сведений нет в «Свидетельстве», да они и неверны. Ведь корпус Сулейман-паши был переброшен из Черногории на кораблях из порта Антивари (Бар) в порт Енос (Энез), затем по железной дороге — в Адрианополь, куда

его головные части прибыли 12 июля¹³.

Перед отъездом в Шумлу Фаврикодоров 4 июля составил письмо для полковника Н.Д. Артамонова, в котором просил: «Ежели со мной случится несчастье и попаду в турецкие руки, то прошу дайте сведения моей жене в городе Кишиневе Анне Фаврикадоровой», а также чтобы ей отправили его документы. Из Софии к Артамонову разведчик послал с письмом Николу Буянжи, жителя г. Жумага, т.е. Джума (Благоевград), заплатив ему 6 золотых, и после доставления письма полковнику курьеру следовало дать ещё 10 золотых. Буянжи «вам передаст словесно много», он также должен был указать безопасные дороги, о которых ему рассказал Фаврикодоров. Грек рекомендовал своего посыльного как надёжного человека: «Он молодец и не хриstopродавец»¹⁴. По воспоминаниям же, разведчик приискал посыльного болгарина Николу Буяджи¹⁵ родом из Джумы, и не в Софии, а в Адрианополе¹⁶. К сожалению, память Фаврикодорова здесь немного подвела.

Из письма также следует, что лазутчик ехал из Видина в Софию не через Плевну, а избрал более короткую дорогу¹⁷. Из Софии, согласно воспоминаниям и письму, он устремился уже в Шумлу. И здесь налицо несоответствие: в воспоминаниях Фаврикодорова рассказывается, как он всю дорогу из Видина до Плевны обгонял большие турецкие отряды, перегнал штаб-квартиру Османа, остановившегося на днёвку, и попал в Плевну, когда город уже занял авангард Осман-паши. Тысячи болгар, согнанных из окрестных селений, под руководством английских инженеров сооружали целую сеть траншей и редутов на окружавших город высотах. Разведчик под видом торговца рахат-лукумом и иными сладостями беспрепятственно обходил места, где велись ра-

боты, исподволь высматривая, расспрашивая и узнавая «все нужное». «Английские офицеры в европейском платье, некоторые даже в своих английских мундирах, были неумоимы», — констатировал лазутчик и признавал: «Несколько дней, проведенных в Плевне, напомнили мне живо Севастополь». Затем он двинулся далее по Софийскому шоссе¹⁸.

Известно, что в ночь с 26 на 27 июня Осман-паша послал телеграмму султану, в которой изложил свой план дальнейших действий: оставить 12 батальонов для обороны Видина и с остальными 20 батальонами идти к Плевне, присоединив по пути гарнизон Рахова, дивизию Хассан-Хаири-паши из Никополя и вместе двигаться через Ловчу в Тырново на соединение с корпусом Ахмед-Эюб-паши, шедшего от Шумлы. Затем Осман-паша намеревался наступать по направлению к Систову. В случае если объединение с Ахмед-Эюб-пашой не удастся, Осман-паша собирался занять Ловчу, которая имела стратегическое значение для обороны балканских перевалов. Предложения мяшира были одобрены султаном. Он приказал военному министру и главнокомандующему (сердар-и-экрему) Абдул Керим-паше приступить к исполнению плана Осман-паши, который получил соответствующий приказ 28 июня (10 июля). 1 (13) июля его отряд (19 батальонов, 9 батарей с 54 крупнокалиберными орудиями 6-, 4- и 3-фунтовыми, 5 эскадронов регулярной кавалерии и 150 черкесов) выступил из Видина¹⁹.

На марше Осман-паша получил известие из Константинополя о том, что русские перешли Балканы и угрожают Казанлыку и Иени-Загре (Нова-Загора). Это ускорило продвижение турецкого отряда, сократившего стоянки на отдых. Новости о взятии русскими Никополя (4 июля) и Ловчи (5-го) изменили маршрут. Чтобы помочь ливе²⁰ Атуф-паше²¹

удержать Плевну до прибытия основных сил, Осман-паша выслал вперёд три батальона, которые пришли в город 6 июля.

На рассвете 7-го и основные силы турок вступили в Плевну, пройдя за семь дней 115 миль (184 км), и сразу заняли позиции, указанные Атуф-пашой и одобренные Осман-пашой после рекогносцировки окрестностей²². В полдень на севере, на дальних скалистых вершинах, турки заметили русских — полки 1-й бригады 5-й пехотной дивизии IX армейского корпуса под командой генерал-лейтенанта Ю.И. Шильдер-Шульднера. 8 июля состоялось первое сражение под Плевной.

Рассказ Фаврикодорова о дороге из Видина к Плевне, о пребывании там в течение пяти или шести дней, о поездке в Софию по шоссе через населённые пункты Горный Дубняк, Телеш, Луковит, на что потребовалось три дня, во всём противоречит содержанию письма от 4 июля. С другой стороны, в упомянутом выше «Свидетельстве» не указан г. София. После встречи с египетским Хасан-пашой в нём сообщается о встречах в Этрополе 2000 черкесов и затем среди поля с 10 тыс. башибузуков, шедших в Плевну. Разведчику удалось пробраться в Плевну, где он слышал английские и другие иностранные, но не турецкие слова; попытался проникнуть в лагерь под видом продавца рахат-лукума, но его туда не пустили. И затем, сообщив о войсках, стоявших в местностях Сельви-оглу и Жемаса, он добрался до г. Шумлы²³.

Если Фаврикодорова из Софии поехал в Плевну 4 июля, то на этот путь ему понадобилось бы не менее трёх дней. К тому же в Луковите, Телеше и Горном Дубняке в то время ещё не возводились упомянутые им укрепления — они появились там гораздо позднее. Следовательно, лазутчик должен был прибыть в Плевну 6 или 7 июля и неминуемо

стать свидетелем сражения 8 июля. Но об этом не сообщается ни в воспоминаниях, ни в «Свидетельстве».

Данные нестыковки можно объяснить только тем, что рассказ в воспоминаниях о пути из Видина в Плевну и о пребывании в городе накануне сражения 8 июля — это плод совместного творчества Фаврикодорова и его литературного соавтора (не исключено, что участника войны). Рассказ был написан, вероятно, на основе мемуаров других очевидцев, собственных впечатлений и сведений, полученных во время и после войны.

3 августа Фаврикодорова благополучно вернулся из поездки вглубь Балканского полуострова, где побывал в Шумле (под видом цирюльника), в Варне, Ямболе, Адрианополе, Филиппополе (Пловдив). Здесь он преобразился в башибузука и верхом добрался до Сербии. В Главной квартире, переехавшей в Горный Студень (Горна-Студена), разведчик получил от полковника Артамонова новое задание: следить за Осман-пашой и доносить обо всём, что делалось в Плевне, куда он проник 6 августа²⁴.

14 (или 15) августа Фаврикодорова, с величайшим трудом выбравшись из города, встретился с полковником Артамоновым, чтобы сообщить о намерении Осман-паши перейти в наступление 22 августа. Согласно «Свидетельству» Артамонов во второй раз послал лазутчика в Плевну 16 августа, куда тот «пробрался с большими трудностями через три дня, в ночное время, через берег Вида»²⁵.

Во втором письме Фаврикодорова от 27 августа сообщалось, что он вошёл в Плевну утром 22 августа. Турки в тот день закончили устройство батарей и пороховых погребов. Разведчик обратил внимание на то, что войск в городе было значительно меньше. Турок-цирюльник объяснил ему, что 30 таборов²⁶ послали в Ловчу,

кроме того, войска каждый день теряли ранеными по 200—300 солдат. На следующий день Осман-паше принесли печальные сведения, что русские заняли Ловчу, а турки потеряли более 20 тыс. человек²⁷. По словам разведчика, турки утратили свой кураж на 60 проц. В тот момент в городе находились не более 60 тыс. человек (причём регулярного войска), башибузуков осталось очень мало. Турки доставляли провизию на подводах из Софии, каждая лошадь везла по 100 ока²⁸ груза. В турецкой армии было 460 полевых и 48 осадных пушек. Батареи и пороховые погреба были построены вокруг Плевны. Фаврикодоров советовал: «Ежели наши войска пойдут, штурмуя, надо бить крепко усторожни²⁹ от левого фланга города». Далее он сообщал, что войска противника начали усиливаться в Софии, Шумле и Силистрии. В Плевне у турок было мало продовольствия, но много пороха. В городе находились четыре паши: Осман-паша, Халил-паша, Дервиш-паша и некто Деут-паша. Последний из поляков, а прежде его называли Лингевич. Ходили слухи, что султан отправил двух визирей на Кавказ, чтобы поднять его против России. Из-за сильного артиллерийского обстрела, начавшегося 26 августа, лазутчик решил выехать из города в с. Чириково. Здесь он должен был ожидать ответа от Артамонова: прибыть в Горный Студень или отправиться дальше: «Ежели прикажете ехать дальше, так пошлите деньги, этих денег не хватает, и здесь все дорого, и негде достать ничего, лавки заперты, и здесь холодно, по ночам не имею покрывалец, надо мне купить теплую бурку, так пропаду»³⁰.

Данный контекст с упоминаемыми деньгами противоречит неоднократным сетованиям Фаврикодорова в его воспоминаниях на то, что русское командование в лице полковника Артамонова не

Н. Д. Артамонов

оплачивало его поездки и не вознаграждало его за труды и риск³¹. Письмо от 27 августа доставил Никола Стерю, грек из с. Крушова. «Сам турецкий подданный, честного поведения, он не хриstopродавец, можно надеяться на него»³², — характеризовал его Фаврикодоров.

Как известно, третий штурм Плевны 30 августа начался с усиленного артиллерийского обстрела, и лазутчик, не желая понапрасну рисковать, заблаговременно удалился из города. Можно полагать, что точно так же он поступил и в начале июля (если он реально был в Плевне), когда здесь разгорелось первое сражение.

8 сентября Артамонов в очередной раз послал Фаврикодорова в Плевну. 29 сентября, получив письмо разведчика от 24 сентября, Артамонов сразу составил рапорт начальнику штаба действующей армии генералу от инфантерии генерал-адъютанту А. А. Непокойчицкому — настолько важны были полученные сведения. По словам лазутчика, он вернулся в Плевну 12 сентября и застал турецкое войско «в неблагоприятном виде»: оно терпело нужду и в хлебе,

и в военных запасах; солдатам уже стали раздавать только по 100 драмов³³ (меньше одного фунта) хлеба — «лишь бы могли поддержать у себя души». «Хорошая помощь явилась 14 сентября»: «некто Шефет-паша³⁴» с 15 таборами низама и 12 пушками; «8 пушек везли по шесть лошадей, а четыре везли на одна конка на три колеса»³⁵. Артамонов указал в рапорте: 8 полевых и 4 горных орудия. На основании, вероятно, других источников полковник изменил имя прибывшего в Плевну турецкого военачальника, отметив, что это Ахмед-Хивзи-паша (что было верно), присланный султаном «для возбуждения фанатизма». Он также дополнил сведения Фаврикодорова о прибывших войсках, которые пришли большей частью из Адрианополя и состояли из восьми батальонов арнаутов, национальной гвардии, башибузуков и черкесов³⁶.

В Плевну под прикрытием этого отряда проследовали около 1700 подвод, из них около 700 — с порохом и снарядами (Артамонов уточнил, что, по газетным известиям, в транспорте было до 1 млн 500 тыс. армейских снарядов и до 3 млн патронов), около 50 — с разными аптечными запасами, лекарствами, корпией, полотном и проч.; 950 подвод были нагружены съестными припасами — галетами, рисом, фасолью, маслом в бурдюках, мукой и пр.

В Плевне было более 30 водяных мельниц, работавших непрерывно и день и ночь; в городе устроили несколько мучных складов. Крестьяне собрали хороший урожай, и турки стали свозить из ближайших селений (Дольняя и Горная Метрополия, Горный Дубняк, Трнин, Дисевица, Петриница, Крушовица и Чириково) зерно — пшеницу, кукурузу, ячмень, просо, фасоль и т.п., а сверх того, забирали у болгар теплую одежду и вещи, в которых нуждались³⁷.

Военный историк Е.И. Мар-
тынов подчёркивал в своём ис-
следовании, что Осман-паша
воспользовался бездействием
русской кавалерии и несколь-
ко раз произвёл фуражировку
в окрестных селениях, собрал
запас зерна и сена, не уничто-
женный русскими из прояв-
ленной ими «не всегда умест-
ной на войне гуманности»³⁸.

12 сентября русский отряд,
несмотря на свою малочис-
ленность, смог отбить у ту-
рок из всего транспорта 90
повозок с провиантом. Далее
Фаврикодоров перечислил по-
строенные турками батареи у
Плевны: № 1 (Опанец Баир),
2 (Буковлык), 3 (Гривица), 4
(Кованлык), 5 (Каилык), 6 (Пе-
тем Могила), 7 (при р. Вид).
Он не знал, сколько орудий
на каждой батарее, но брался
разведать. Все батареи были
связаны между собой глубо-
кими траншеями, по которым
шло постоянное движение,
не заметное для русских. В то
время в Плевне находились
войска — не более 50 тыс.,
но ожидали прихода из Кон-
стантинополя ещё 45 тыс.³⁹
Полковник Н.Д. Артамонов в
рапорте привёл иные цифры:
в городе имелись до 52 тыс.
регулярных войск, до 3000—
4000 башибузуков и до 1000
черкесов; больных и раненых
— 1200 человек, которые были
распределены по домам⁴⁰. Ос-
ман-паша переменил свою
квартиру и ныне жил у еврей-
ского кладбища.

Следующую информацию
из письма лазутчика Артамо-
нов не включил в свой рапорт,
а она достаточно интересна и
ценна. Фаврикодоров утверж-
дал, что турки в Плевне знали
всё, что делалось у русских: что
прибыли гвардия и войско для
пополнения полков, а генерал
Скобелев ездил в Бухарест и
уже вернулся. Говорят, писал
разведчик, что «наш импера-
тор получил письмо от России.
Россия просит его величество
приехать в Петербург», на что
Александр II отвечал с благо-
душностью⁴¹.

В своих воспоминаниях раз-
ведчик несколько раз касался
темы шпионажа. Он уверенно
заявлял, что в турецкой ар-
мии шпионили болгары, но
не потому, «что паша забрал
жену и детей, а просто шли
за вознаграждение или по-
тому, что были давнишние
друзья туркам и вовсе не же-
лали их падения»⁴². В другом
месте Фаврикодоров уточнял:
«Это — мироеды, для кото-
рых решительно все равно,
кто правит Болгарией — ту-
рок ли, или русский, мадьяр
или грек, — лишь бы в стране
господствовал произвол, при
котором так удобно “ловить
рыбу в мутной воде”. Эти-то
господа и были добротными
шпионами», — делал вы-
вод Фаврикодоров⁴³.

В письме от 24 сентября ла-
зутчик писал: «Турки креп-
ко боятся нашего великого
князя Николая Николаевича
главнокомандующего». Ос-
ман-паша получил от султана
награду — «золотую шпагу»⁴⁴,
украшенную дорогим кам-
нем, за то, что он держал до
сих пор Плевну и не сдал»⁴⁵.
На письме стоит помета пол-
ковника Н.Д. Артамонова:
«Принес Никола Стерио,
родом Крчиово»⁴⁶ в Македо-
нии»⁴⁷.

Согласно воспоминаниям в
этот раз Фаврикодоров нап्रा-
вил к Артамонову болгарина,
который помогал ему готовить
рахат-лукум. Разведчик под-
чёркивал, что он установил
настолько искренние отноше-
ния со своим помощником, что
«поверил ему свой секрет» и
отправил в Главную кварти-
ру той же дорогой, которой
пользовался сам. Посыльный
болгарин возвратился назад
«здрав и невредим»⁴⁸.

27 октября Фаврикодоров
второй раз послал своего по-
мощника со сведениями о
положении турецкой армии,
в которой произошли значи-
тельные изменения в связи с
установленной блокадой. Од-
нако болгарин не вернулся,
и лазутчик сам отправился в

Главную квартиру. Путь его
был тяжёл, в тумане он за-
блудился, в крошечной тьме
сорвался с обрыва, но остал-
ся жив и очнулся, когда на-
чал светать. До Богота, куда
переехала Главная квартира,
он добрался к вечеру. О сво-
ём помощнике Фаврикодоров
узнал только то, что тот до-
ставил письмо, а куда делся
потом, никто сказать не смог.
В Плевну разведчик вернулся
2 ноября⁴⁹.

14 ноября Фаврикодоров по-
слал в Главную квартиру сво-
его нового помощника грека
Николая Крумувалийца с
сообщением о том, что 13 но-
ября⁵⁰ Осман-паша собрал
военный совет, на котором
было решено: «С 25 ноября
вывозить все горные орудия
к Сыр-Базару, туда же свозить
все оставшиеся военные запасы
и знамена, а 28 или 29 но-
ября, подготовившись артил-
лерийским огнем, обрушиться
на русские войска». Сам раз-
ведчик «остался ожидать кон-
ца этой кровавой эпопеи»⁵¹.
28 ноября войска Осман-паши
были разбиты, Плевна пала,
а Фаврикодоров тяжело про-
болел до мая 1878 года. Война
закончилась.

Таким образом, рассмот-
ренные подлинные письма
К.Н. Фаврикодорова допол-
няют наши представления о
разнообразии приёмов при
добывании необходимой ин-
формации, к каким он при-
бегал, например, в Софии.
Анализ писем лазутчика по-
мог выявить многие факти-
ческие ошибки, допущенные
в его опубликованных воспо-
минаниях. Благодаря этим
документам удалось устано-
вить, что у Фаврикодорова
был литературный соавтор,
что сам лазутчик «не дру-
жил» с орфографией и гово-
рил на русском языке с силь-
ным акцентом. Но сделанное
открытие отнюдь не умаляет
его профессионализма как
умного, смелого, хитрого,
изобретательного и удачли-
вого разведчика.

¹ Улуян А.А. Болгарский народ и русско-турецкая война 1877—1878 гг. М.: Наука, 1971. С. 82, 83, 85, 86; Костечко Н. Оперативная разведка: зарождение, становление, развитие // Родина. 2012. № 10. С. 85; Колпакиди А.И., Север А. Спецслужбы Российской Империи: уникальная энциклопедия. М.: Эксмо; Яуза, 2010. С. 550.

² Алексеев М.Н. Военная разведка в Российской империи — от Александра I до Александра II. М.: Вече, 2010. С. 312—329; Григорьев Б.Н. Лазутчик русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Судьба разведчика / Молодость в сапогах. URL: <https://dzen.ru/a/ZqAbbQvOgi-VC0NT>

³ Улуян А.А. Указ. соч. С. 82, 83, 85, 86.

⁴ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 2. Л. 19—20 об., 206—207, 300—301.

⁵ Фаврикодоров К.Н. Воспоминания лазутчика русской армии в войну 1877—1878 гг. // Исторический вестник. 1885. Т. 22. № 10. С. 81, 82.

⁶ Там же. С. 86, 87.

⁷ Звание мюшира в турецкой армии было эквивалентно званию фельдмаршала в австро-венгерской, германской, английской армиях и генерал-фельдмаршала — в русской армии.

⁸ Согласно справке, данной историком-османистом А.А. Леонтьевой, речь идёт о şîşane toru, т.е. пушке с шестью нарезками в стволе. Шишане (şîşhane) происходит от персидского «шеш»/«шиш» — шесть, звук Х (h) в устной речи нередко проглатывается, так что слово может встречаться и как «шишХане», и как «шишане», и в отдельном написании, особенно если человек знал его только на слух. По тому же принципу может меняться шЕш и шИш, когда записывалось на слух, и начальное персидское значение числительного уже было забыто.

⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 2. Л. 19.

¹⁰ Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. № 11. С. 295.

¹¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 2. Л. 19 об.

¹² Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. № 11. С. 295.

¹³ Описание русско-турецкой войны 1877—78 гг. на Балканском полуострове. СПб.: Т. 3. Ч. 1. Воен.-истор. комиссия Гл. штаба, 1904. С. 43.

¹⁴ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 2. Л. 20, 20 об.

¹⁵ Фаврикодоров в письме указывает Буянжи, а в своих воспоминаниях — Буйджи, но речь явно идёт об одном и том же человеке.

¹⁶ Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. № 11. С. 300.

¹⁷ Расстояние от Софии до Видина составляло 100 миль (160 км) по прямой, но из-за изгиба дороги маршрут увеличивался до 140 миль (224 км). От Софии дорога шла прямо на север до г. Лом-Паланка (совр. — Лом), а затем вдоль Дуная до Видина.

¹⁸ Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. № 11. С. 295.

¹⁹ Таль-ат. Описание военных действий под Плевной в войну 1877 года. Сочинение майора турецкой службы Таль-ат / Пер. с турецкого подпоручик Абдурахман // Военный сборник. 1885. № 1. С. 8, 9.

²⁰ Звание лива в турецкой армии приблизительно соответствовало званию генерал-майора в русской армии или бригадного генерала — в английской и французской армиях.

²¹ Хассан-Хаири-паша, комендант Никополя, 26 июня 1877 г. в 8 часов вечера направил в Плевну ливу Атуф-пашу с отрядом (три батальона пехоты, один эскадрон и 4 орудия, два из них крупновские 6-фунтовые), который вступил в город на следующий день, 27 июня, в 16 часов. См.: Таль-ат. Указ. соч. С. 5.

²² Herbert F.W.V. The defence of Plevna, 1877, written by one who took part in it, by captain Frederick William von Herbert. London: John Murray, 1911. P. 86, 92.

²³ Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. № 11. С. 319.

²⁴ Там же. С. 303.

²⁵ Там же. С. 319.

²⁶ Осман-паша назначил для подкрепления ловченского отряда 20 батальонов пехоты, два эскадрона регулярной кавалерии, один полк салоникского ополчения,

незначительное число черкесов при трёх батареях артиллерии.

²⁷ Данное сведение неверно.

²⁸ Ока (окка) — старая турецкая мера веса, равная приблизительно 1,282 кг.

²⁹ Так в тексте.

³⁰ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 2. Л. 206—207.

³¹ См.: Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. № 10. С. 87; № 11. С. 303, 304.

³² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 2. Л. 206 об.

³³ Драм — старая (греческо-арабская) мера веса, равная 1/400 оки.

³⁴ Шевкет-паша, начальник Орханийского округа, прибыл с обозом из Орхание в Плевну 26 сентября.

³⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 2. Л. 300.

³⁶ Там же. Л. 298.

³⁷ Там же. Л. 300, 300 об.

³⁸ Мартынов Е. Блокада Плевны (по архивным материалам). СПб.: изд. В. Березовский, 1900. С. 75.

³⁹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 2. Л. 301.

⁴⁰ Там же. Л. 299.

⁴¹ Там же. Л. 301.

⁴² Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. № 11. С. 310.

⁴³ Там же. С. 311.

⁴⁴ В воспоминаниях — саблю. Фаврикодоров рассказал о параде в Плевне по случаю этой высокой награды султана.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 2. Л. 301.

⁴⁶ Вероятно, Кырчово (совр. — Кичево).

⁴⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7468. Ч. 2. Л. 300.

⁴⁸ Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. № 11. С. 313.

⁴⁹ Там же. С. 314.

⁵⁰ Осман-паша собрал военный совет 18 ноября и затем еще дважды приглашал военачальников для выработки плана действий и инструкций // Описание русско-турецкой войны 1877—78 гг. на Балканском полуострове. СПб., 1911. Т. 7. Ч. 1. С. 105.

⁵¹ Фаврикодоров К.Н. Указ. соч. № 11. С. 315.

M.M. Frolova

«A FEW DAYS SPENT IN PLEVNA EVOKED MEMORIES OF SEVASTOPOL»

The following is an excerpt from the letters of the infiltrator K.N. Favrikodorov, sent from Sofia and besieged Plevna in 1877

Information about author. Marina Frolova — senior researcher at the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Cand. Sc. (Hist.) (Moscow. E-mail: marinafrolova59@mail.ru).

Summary. The paper discusses the author's discovery in the Russian State Military History Archive of three letters written by the infiltrator (scout) Konstantin Nikolayevich Favrikodorov. The letters are dated July 4, August 27, and September 24, 1877, and were sent during the Russo-Turkish War of 1877—1878 from Sofia and besieged Plevna. His published memoirs are well known in the field of historiography, as is the Testimony signed by Colonel of the General Staff N.D. Artamonov on May 2, 1879. The new facts introduced into the scientific turnover, not reflected in the memoirs of the scout, supplement the information about his activities. They also significantly correct the information about the route of his second trip to the interior of the Balkan Peninsula. Furthermore, these letters offer insights into K.N. Favrikodorov's personal character.

Keywords: Russo-Turkish War of 1877—1878; intelligence; K.N. Favrikodorov; N.D. Artamonov; Osman Pasha; Sofia; Plevna.

А.А. Будко,
И.М. Чиж,
Н.Ю. Бринюк,
С.Л. Спиридонов

В БОРЬБЕ ЗА «ЗДОРОВЬЕ» ВОИНСКИХ ЭШЕЛОНОВ

Организация противоэпидемической защиты на железнодорожных коммуникациях в годы Великой Отечественной войны

Сведения об авторах. Будко Анатолий Андреевич — директор Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Санкт-Петербург. E-mail: milmedmuseum@mil.ru);

Чиж Иван Михайлович — генерал-полковник медицинской службы в отставке, советник при ректорате Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова, член-корреспондент РАН, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РФ (Москва. E-mail: chizh_i_m@staff.sechenov.ru);

Бринюк Надежда Юрьевна — научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: brinyuk2013@yandex.ru);

Спиридонов Сергей Леонидович — старший научный сотрудник Военно-медицинского музея Министерства обороны РФ (Санкт-Петербург. E-mail: sergspsirid@yandex.ru).

Аннотация. Масштабные железнодорожные перевозки значительных воинских контингентов, характерные для всего периода Великой Отечественной войны, создавали серьёзную эпидемическую угрозу как для действующей армии, так и для тыловых районов страны. В этой связи руководством Народного комиссариата обороны и Наркомата путей сообщения был выработан целый ряд противоэпидемических мер, включавших создание системы противоэпидемических барьеров: санитарно-контрольных, изоляционно-пропускных и обсервационных пунктов, привокзальных санпропускников, медицинских пунктов на вокзалах и др. Масштабные организационно-санитарные мероприятия, проведённые на железнодорожном транспорте, позволили избежать серьёзных эпидемий на фронте и сохранить боеспособность войск.

Ключевые слова: Великая Отечественная война; военно-медицинская служба; Е.И. Смирнов; железные дороги; воинские перевозки; воинские эшелоны; противоэпидемическое обеспечение; санитарно-контрольные пункты; изоляционно-пропускные пункты; чрезвычайные полномочные противоэпидемические комиссии; полевые прачечные отряды; Главное военно-санитарное управление; Противоэпидемическое управление ГВСУ.

Великая Отечественная война потребовала мобилизации огромной по своей численности армии, занимавшей фронт в 3000 км. На протяжении 1941—1945 гг. сохранялась необходимость непрерывного пополнения личного состава и обеспечения войск, а также вывоза ране-

ных и больных военнопленных. Всё это уже с первых дней боевых действий поставило чрезвычайно ответственную и тяжёлую задачу перед советскими железными дорогами, которые являлись основными путями сообщения в гигантской по своим размерам стране.

Уже 23 июня 1941 года народный комиссар путей сообщения Л.М. Каганович подписал приказ о введении с 24 июня воинского графика движения поездов на 44 дорогах. В этом графике предусматривались первоочередное продвижение воинских эшелонов и транспортов, максимальное использование пропускной способности линий, обеспечение чёткой работы станций¹. На-

чалником Управления военных сообщений 8 июля 1941 года был назначен военный инженер 1 ранга И.В. Ковалёв.

Из внутренних районов СССР в сторону фронта двигались воинские части и соединения, эшелоны со всеми видами боевого и материального обеспечения, одиночные военнопленные, возвращавшиеся из отпусков и командировок. В сторону тыла направлялись раненые

и больные, военнопленные, эвакуированное население, отдельные лица, следовавшие в отпуска и командировки. За четыре военных года непосредственно для армии в составе свыше 440 тыс. поездов были использованы более 19,7 млн вагонов, в их числе — 9,8 млн вагонов для перевозки войск. По железным дорогам в эвакуацию были вывезены 18 млн человек². Такие объём и интенсивность

железнодорожных перевозок не имели аналогов в мировой истории.

Передвижения огромного количества людей железнодорожным транспортом создавали серьёзную эпидемическую угрозу: инфекции могли быстро распространяться по всей стране, включая и фронт, подрывая тем самым боеспособность войск. Вот почему первостепенную значимость в поддержании эпидемического благополучия в действующей армии имело противоэпидемическое обеспечение железнодорожных воинских перевозок. В условиях крупномасштабной войны оно должно было решить несколько важнейших задач: не допустить проникновения инфекции на фронт вместе с перевозившимися контингентами из эпидемических очагов, находившихся в тыловых районах; предупредить возможность инфицирования эшелонов в пути следования; не допустить развития эпидемических вспышек в эшелонах при их продолжительном движении³.

Организация противоэпидемических мероприятий на железных дорогах базировалась на ряде директивных документов. Так, 30 сентября 1941 года приказом Народного комиссариата обороны (НКО) № 324 была введена в действие «Инструкция о порядке материального обеспечения и санитарного обслуживания пополнения, отправляемого в действующую армию, в период следования по железной дороге». 26 января 1942 года Главное военно-санитарное управление (ГВСУ) выпустило директиву № 465317 об усилении противоэпидемических мероприятий в частях, соединениях и на железной дороге против сыпного тифа⁴.

Начальник ГВСУ Красной армии Е.И. Смирнов 25 октября 1941 года отправил начальнику Генерального штаба, члену Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) маршалу Б.М. Шапошникову письмо, в котором отметил ухудшение санитарно-эпидемиологического

состояния в стране и недостаточность проводившихся противоэпидемических мероприятий. Е.И. Смирнов просил помощи в осуществлении комплекса необходимых мероприятий, которые помимо прочего должны были включать в себя организацию очистки и строжайшего санитарного надзора на всех без исключения железнодорожных станциях⁵. За этим последовало постановление Государственного комитета обороны (ГКО) № 1234 от 2 февраля 1942 года «О мероприятиях по предупреждению эпидемических заболеваний в стране и Красной Армии»⁶. Им предусматривалось создание на местах чрезвычайных полномочных противоэпидемических комиссий в составе председателей местных Советов, представителей Народного комиссариата здравоохранения (НКЗ), Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) и военных властей гарнизонов, санитарной службы и партийных органов. Согласно этому постановлению ГВСУ должно было сформировать 200 полевых прачечных отрядов для обслуживания войск, а НКО — выделить 15 тыс. военнослужащих и обеспечить пайками 27 тыс. человек личного состава отрядов, включая и вольнонаёмных. Народный комиссар здравоохранения Г.А. Митерёв был назначен уполномоченным ГКО по противоэпидемической работе⁷.

Борьбой с распространением остроинфекционных заболеваний в армии руководил начальник Противоэпидемического управления ГВСУ Т.Е. Болдырев. Значительную часть предупредительных мероприятий на железных дорогах выполнял санитарно-противоэпидемический отдел Главного врачебно-санитарного управления Народного комиссариата путей сообщения (ГВСУ НКПС), которое возглавлял А.Н. Соколов. При начальнике ГВСУ НКПС был учреждён учёный совет, выполнявший функции научно-консультативного органа, в состав которого входили

крупные специалисты по всем отраслям профилактической и лечебной медицины, а также руководящие работники НКЗ и ГВСУ РККА. Взаимная связь между ГВСУ РККА и ГВСУ НКПС в процессе повседневной оперативной работы поддерживалась непрерывно.

Всем перечисленным службам необходимо было создать несколько противоэпидемических барьеров на пути следования воинских контингентов по железным дорогам. Тыловые запасные части должны были стать первым противоэпидемическим барьером, который не допускал бы проникновения в войска инфекционных заболеваний вместе с призывниками. По результатам первичного медицинского осмотра и санитарной обработки тех бойцов, у которых были выявлены симптомы заболевания, госпитализировали. Призывников с подозрением на болезнь отправляли в изолятор, где они находились до установления диагноза и при необходимости также госпитализировались. Контактировавшие с больными после соответствующей санитарной обработки размещались отдельно от остальных, и за ними устанавливалось медицинское наблюдение на срок максимальной инкубации возможного заболевания⁸.

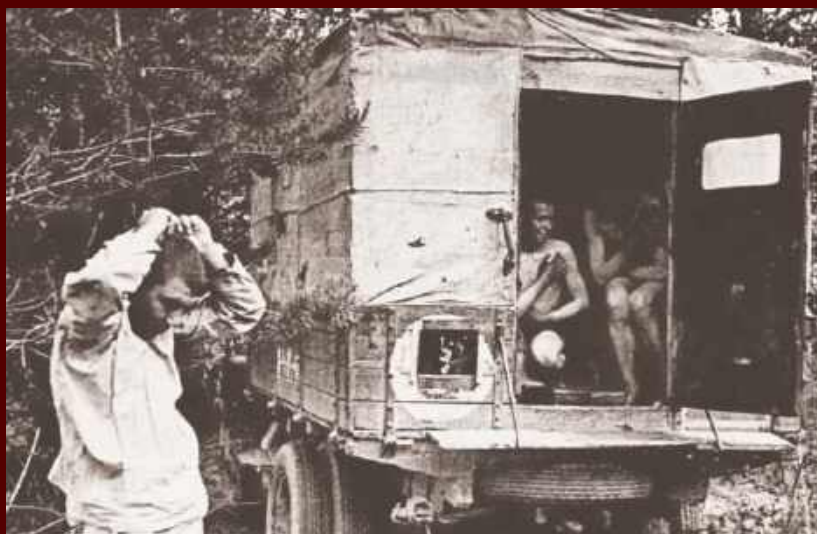
Формирование маршевых команд, рот и батальонов для отправки на фронт происходило только из числа призывников, которые не вызывали никаких сомнений в отношении их эпидемической безопасности. Перед отправкой они проходили заключительную обработку и медицинский осмотр. Для их транспортировки использовались специально оборудованные железнодорожные составы, в которых были предусмотрены вагон-изолятор и вагон-кухня. Также в них в обязательном порядке присутствовали медицинский персонал, запас необходимых лекарств, дезинфицирующих средств и предметов для ухода за больными. Начальник эшелона получал

Воинский эшелон
1943—1944 гг.
Из фондов ВММ МО РФ

Оборудование вагона банно-прачечного дезинфекционного поезда периода Великой Отечественной войны
Из фондов ВММ МО РФ

Помывка бойцов Красной армии в автомобильной бане
1942—1943 гг.
Из фондов ВММ МО РФ

паспорт его санитарного состояния на момент отправки. Такой порядок, разработанный в целях предотвращения распространения эпидемических заболеваний из тыловых частей в полевые войска, нередко нарушался в силу ряда причин, что зачастую приводило к ухудшению эпидемиологической обстановки в действующих войсках. Так, например, в 1942 году среди новобранцев было зафиксировано до 66 проц. инфекционных заболеваний из общего числа зарегистрированных в армии⁹.

Второй противоэпидемический барьер на железных дорогах состоял из нескольких звеньев. Прежде всего это были санитарно-контрольные пункты (СКП). В 1941 году на 25 железных дорогах были организованы 198 СКП НКПС, в 1942 году число СКП было доведено до 270, за 1943—1944 гг. количество их возросло до 396, и в 1945 году на 54 железных дорогах уже насчитывалось 435 штатных СКП¹⁰.

СКП возглавлялись врачами, которые имели в своём распоряжении установленное штатом количество среднего и младшего медицинского персонала. Для обустройства СКП на станциях отводились специальные здания с учётом возможности развёртывания изолятора для временного размещения снятых с поездов инфекционных больных. В распоряжение начальников СКП выделялось необходимое медицинское имущество: носилки, халаты для персонала, фонендоскопы, запас медикаментов и перевязочного материала для оказания первой медицинской помощи.

При осмотре поездов и эшелонов работники СКП выявляли инфекционных больных и завшивленных, проверяли санитарное состояние подвижного состава и контролировали работу медицинского персонала, сопровождавшего эшелоны. Выявленные инфекционные больные, при возможности их госпитализации в данном пункте, снимались с поездов

и помещались в изолятор СКП до отправки их в лечебное заведение. Вагоны, в которых ранее находились больные, отцеплялись для дезинфекции. Оставшиеся пассажиры в зависимости от реальных возможностей и рода инфекции либо оставлялись на данной станции для прохождения санитарной обработки, либо перемещались в другой освобождённый вагон, где за ними устанавливалось медицинское наблюдение и в случае необходимости проводилась санобработка на одной из последующих станций. При обнаружении признаков завшивленности начальник СКП имел право задержать весь эшелон или отцепить отдельные вагоны для санитарной обработки людей и подвижного состава. В процессе выполнения всех вышеуказанных мероприятий начальник СКП поддерживал непрерывную связь с начальником станции, дежурным диспетчером и военным комендантом. Помимо оперативной работы по обслуживанию проходивших поездов в его обязанности также входило осуществление санитарного надзора за содержанием территории станции, железнодорожных путей и вокзальных помещений¹¹.

Лишь за период с ноября 1942 по апрель 1943 года, по данным санитарных паспортов 556 эшелонов, каждый из них подвергся в пути следования проверке на СКП от 1 до 17 раз, при этом завшивленность находившихся в них контингентов колебалась от единичных случаев до поголовной. С 261 эшелона были сняты 919 больных, в т.ч. сыпным тифом — 50, лихорадивших — 274 и соматических — 595 человек. За первую половину 1943 года четырем СКП Закавказского фронта при осмотре 1114 эшелонов были сняты 245 больных (в их числе 145 инфекционных и подозрительных по инфекционному заболеванию), санитарной обработке подверглись 115 воинских эшелонов. На Северо-Западном фронте за то же время с воинских эшело-

нов СКП сняли 282 больных, из них 160 инфекционных, а санитарной обработке подлежали 478 эшелонов. В результате работы СКП в 1943 году на 1-м Белорусском фронте с воинских эшелонов был снят 1151 заболевший солдат, из которых 735 страдали инфекционными и подозрительными по ним заболеваниями, 644 эшелона подверглись санитарной обработке. На 1-м Украинском фронте из 502 снятых с эшелонов больных 219 были инфекционными.

Однако санитарной обработке подвергались не все нуждавшиеся в ней по заключению СКП воинские эшелоны. Доля прошедших её колебалась от 36,6 проц. на Волховском фронте до 97,5 проц. на Западном. Подобная негативная практика стала следствием отказа многих комендантов железнодорожных станций в задержке составов для проведения санитарной обработки. Так, по донесениям начальника военно-санитарного управления (ВСУ) 1-го Прибалтийского фронта А.И. Бурназяна, за время с 8 по 12 октября 1943 года военными комендантами станций Калинин и Ржев-П было отказано в санитарной обработке 15 воинских эшелонов, где завшивленность среди следовавших в них бойцов составляла от 25 до 80 проц.¹²

Подобные действия военных комендантов железнодорожных узлов и станций объяснялись угрозой срыва плана массовых оперативных перевозок ввиду нарушения графика движения поездов. Зная об этих обстоятельствах, Е.И. Смирнов справедливо указывал, что центр тяжести противозидемических мероприятий следует перенести на пункты формирования и погрузки эшелонов, особенно если это эшелоны оперативного назначения¹³.

В ходе своей круглосуточной деятельности СКП вскрыли массу недостатков в организации воинских перевозок. Введённые в практику паспорта санитарного состояния эшелона во многих случаях не велись. Так, в январе

1945 года на 1-м Украинском фронте из 371 осмотренного СКП воинского эшелона не имели этого важного документа 178 (47,9 проц.), а в следующем месяце из 272 осмотренных эшелонов — 146 (53,6 проц.). При наличии же санитарного паспорта обнаруживалось, что соответствующие записи в нём делались врачами лишь в пунктах отправления и прибытия, а на промежуточных станциях они нередко вовсе не делались или делались санинструктором. В ряде случаев для сопровождения эшелонов не выделялись полагавшийся медицинский персонал и медицинское имущество. Большое количество составов продолжали следовать без вагонов-изоляторов, что создавало значительную угрозу распространения инфекционных заболеваний среди перевозившихся контингентов. Так, на 1-м Украинском фронте в январе—феврале 1945 года таких вагонов не было обнаружено в 1020 (36,7 проц.) осмотренных воинских эшелонах. И как результат были выявлены и сняты 291 инфекционный и подозрительный на инфекционное заболевание больной, а также 1042 соматических больных¹⁴. Под руководством СКП 1-го Белорусского фронта в указанный период из 443 воинских эшелонов, нуждавшихся в санитарной обработке, прошли таковую 345 (77,8 проц.)¹⁵.

Благодаря интенсивной и целеустремлённой деятельности СКП был заметно снижен показатель заноса инфекционных заболеваний в действующую армию с прибывавшим пополнением. Если в 1943 году этот показатель равнялся 3 проц., то в 1944 году — всего лишь 1,2 проц.¹⁶

Санитарные отделы военных округов с самого начала военных действий также приступили к организации на крупнейших железнодорожных узлах нештатных военных санитарно-контрольных пунктов (ВСКП), предназначенных для контроля проходивших воинских эшело-

Врачебная сумка образца 1937 г. с набором медикаментов, инструментов и перевязочных средств
Из фондов ВММ МО РФ

Стирка белья в одном из вагонов банно-прачечного дезинфекционного поезда
Июнь 1942 г.

нов (в первые месяцы войны на железных дорогах были развёрнуты 28 ВСКП). Согласно решению ГКО в 1942 году началось формирование штатных военных СКП на железнодорожных станциях во фронтовых и армейских тылах, а также во внутренних военных округах. К августу 1942 года на всех железных дорогах работали 155 штатных и нештатных ВСКП, а в 1943 году — 121 штатный и 64 нештатных ВСКП¹⁷.

С 1942 по апрель 1945 года всеми ВСКП были осмотрены более 208 тыс. воинских эшелонов, санитарной обработке подверглись около 35 тыс. эшелонов и более 21 млн человек. За этот же период были сняты около 60 тыс. больных, в т.ч. более 20 тыс. человек инфекционных и подозрительных на инфекционные заболевания¹⁸.

На железнодорожных коммуникациях активно работали банно-прачечные дезинфекционные поезда (БПДП) и банно-дезинфекционные поезда (БДП), которые использовались в качестве подвижных средств усиления ВСКП. Так, только в 1942 году действовали более 60 БПДП и БДП, которые совместно с объединёнными дезинфекционными ротами (ОДР) и полевыми прачечными и банными отрядами (ППО и ПБО) осуществили 106 млн 636 тыс. санитарных обработок личного состава войск, продезинфицировали 73 млн 224 тыс. комплектов обмундирования, провели стирку 120 974 т белья¹⁹.

Ещё одним звеном противоэпидемического барьера стали изоляционно-пропускные пункты (изопропункты) НКПС, расположенные на крупных железнодорожных узлах и находившиеся в подчинении начальника врачебно-санитарной службы дороги. В 1941 году были введены в действие 42 изопропункта, в 1942 году их число снизилось до 39, а к началу 1945 года по всей сети железных дорог работали 45 изопропунктов и в стадии строительства находились четыре новых изопро-

пункта на освобождённой от противника территории.

Основными функциями изо-пропунктов были: санитарная обработка личного состава проходивших эшелонов с дезинфекцией одежды и вещей, временная изоляция снимавшихся с эшелонов инфекционных больных и подозрительных на инфекционные заболевания и, наконец, дезинфекционная обработка эшелонов при отсутствии на железнодорожном узле специального дезинфекционного отряда. В состав каждого изо-пропункта входили: санитарный пропускник с мощными стационарными дезинфекционными камерами, изолятор, прачечная с обменным фондом белья, аптека, кухня, паротепловые установки, складские помещения и гараж.

Начальника изопропункта (как правило, это был железнодорожный санитарный врач) назначал начальник дороги по представлению начальника врачебно-санитарной службы дороги. Он непосредственно подчинялся последнему и перед ним отчитывался. В распоряжении начальника изопропункта имелся штатный врачебный, средний и младший медицинский персонал, в том числе значительные кадры квалифицированных дезинфекторов, а также необходимый технический состав для обеспечения эксплуатации изопропункта²⁰.

Помимо всего на крупных железнодорожных узлах действовали наблюдательные пункты НКЗ²¹. Ко второму году войны насчитывался 21 наблюдательный пункт вместимостью от 500 до 1500 наблюдательных коек. Так как показания к карантинизации воинских контингентов во время войны были редки, а задержка эшелонов на продолжительное время, как уже отмечалось выше, наталкивалась на большие трудности, наблюдательные пункты в отношении передвигавшихся войск выполняли функции СКП, обслуживая средствами санитарной обработки проходившие эшелоны²².

На фронт

Фото А. Шайхета
Московская область, 1941 г.

Вагон-теплушка времён Великой Отечественной войны Передвижной выставочно-лекционный комплекс РЖД

Противоэпидемический банно-прачечный поезд

Фото А. Братолюбова
Южный фронт, 1942 г.
РГА КФД

Парикмахерская в противоэпидемическом банно-прачечном поезде Брянского фронта
1942 г.

Фронтовые будни банно-прачечного отряда

Железнодорожный транспорт в годы войны получил, таким образом, мощную сеть санитарно-противоэпидемических и лечебных учреждений. Часть из них была предназначена для медико-санитарного обслуживания передвигающихся по железным дорогам контингентов: санитарно-контрольные пункты, изопродпункты, привокзальные санпропускники, медицинские пункты на вокзалах и т.д. Другая часть, имевшая своей задачей обслуживание населения, проживавшего в полосе отвода железных дорог, в военное время в значительной мере использовалась как для лечебного, так и для противоэпидемического обеспечения людских и, в частности, воинских перевозок. Сюда можно отнести железнодорожные больницы, поликлиники, бани жилищно-коммунального сектора и других служб дороги, подвижные обмывочно-дезинфекционные установки, лаборатории и пр.

Весь комплекс санитарно-противоэпидемических мероприятий, проводившихся в пунктах формирования эшелонов и в пути следования, а также система контроля и санитарных барьеров по всей трассе движения эшелонов выдержали серьёзное испытание в период масштабных операций Великой Отечественной войны и послужили достаточно надёжной гарантией против заноса инфекции из тыла на фронт и обратно.

Целый ряд железных дорог во время войны показал примеры чёткой санитарно-противоэпидемической деятельности. Так, следует отметить героическую работу медико-санитарных организаций на прифронтовых дорогах; образцовое медико-санитарное обслуживание эвакуировавшегося из блокадного Ленинграда взрослого и детского населения врачебно-санитарными службами Октябрьской, Северной, Пермской и Свердловской железных дорог; энергичную противоэпидемическую работу на Ташкентской, Ашха-

бадской, Туркестано-Сибирской железных дорогах²³.

Результатом огромной напряжённой работы всех звеньев противоэпидемической службы на железнодорожных коммуникациях было, по данным Противоэпидемического управления ГВСУ Красной армии, почти полное отсутствие эпидемических вспышек завозного происхождения на фронте на протяжении всего периода военных действий. Не было также сколько-нибудь значительных вспышек инфекционных забо-

леваний и в военных округах в результате передвижения войсковых контингентов из фронтовых районов, неблагополучных в эпидемическом отношении. И, наконец, несмотря на длительное пребывание эшелонов в пути, отсутствовали случаи возникновения значительных эпидемических вспышек во время движения, и лишь редко возникала необходимость в использовании обсервационных пунктов для карантинизации воинских контингентов. Чрезвычайно редки были также слу-

чай проникновения инфекции в эшелоны в пути следования.

Таким образом, сложная и мощная система противоэпидемических мероприятий, реализованная на железнодорожном транспорте, вместе с разветвлённой сетью соответствующих учреждений внесла значимый вклад в обеспечение эпидемиологического благополучия нашей страны в годы Великой Отечественной войны, что существенно способствовало победе над нацистской Германией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Железнодорожники в Великой Отечественной войне / Под ред. Н.С. Конарева. М.: Транспорт, 1987. С. 67, 68.

² Там же. С. 486.

³ Кротков Ф.Г. Противоэпидемические мероприятия на транспорте // Военно-санитарное дело. 1941. № 12. С. 36—40.

⁴ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 2. Оп. 795437. Д. 6. Л. 213; Филиал Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (архив военно-медицинских документов) (Филиал ЦАМО РФ). Ф. 1. Оп. 1403. Д. 26. Л. 23—25.

⁵ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 1. Оп. 35488. Д. 237. Л. 66—67.

⁶ Смирнов Е.И. Война и военная медицина 1939—1945 гг. М.: Медицина, 1979. С. 232, 233.

⁷ Великая Отечественная война 1941—1945 годов в 12 т. Т. 12. Итоги и уроки войны. М.: Кучково поле, 2015. С. 463.

⁸ Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Под ред. Е.И. Смирнова. Т. 32. М.: Медгиз, 1951. С. 36, 37.

⁹ Там же. С. 41.

¹⁰ Беляев Е.Н., Селюнина С.В. Обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия в годы Великой Отечественной войны // Вопросы управления и социальной гигиены. 2015. № 5. С. 7.

¹¹ См.: Инструкция санитарно-контрольным пунктам на железнодорожном транспорте. ГВСУ НКПС. М., 1942.

¹² Перельман Н.Р. Санитарно-контрольный пункт (СКП) // Труды ВММ МО СССР. Т. 11. Л.: Издание Военно-медицинского музея МО СССР, 1962. С. 178—188.

¹³ Смирнов Е.И. Проблемы военной медицины. М.: Медгиз, 1944. С. 48.

¹⁴ Перельман Н.Р. Указ. соч. С. 181, 184.

¹⁵ Там же. С. 187.

¹⁶ Филиал ЦАМО РФ. Ф. 1. Оп. 1405. Д. 29. Л. 133.

¹⁷ Акимихин И.Ф. Противоэпидемическое обеспечение железнодорожных воинских перевозок в период Великой Отечественной войны. Дисс. ... канд. мед. наук. Л., 1946. С. 102, 103.

¹⁸ Там же. С. 108.

¹⁹ Смирнов Е.И. Война и военная медицина... С. 238; ЦАМО РФ. Ф. 67. Оп. 12020. Д. 5. Л. 45, 85.

²⁰ См.: Положение об изоляционно-пропускных пунктах НКПС. Центр. воен. отд. НКПС. М., 1943.

²¹ Беляев Е.Н., Селюнина С.В. Указ. соч. С. 7.

²² Акимихин И.Ф. Указ. соч. С. 103, 104.

²³ Там же. С. 146.

A.A. Budko, I.M. Chizh, N.Yu. Brinyuk, S.L. Spiridonov

IN THE STRUGGLE FOR THE «HEALTH» OF MILITARY TRAINS

Organization of epidemic protection of railway communications during the Great Patriotic War

Information about authors. Anatoly Budko — director of the Military Medical Museum of the Ministry of Defense of the Russian Federation, D. Sc. (Med.), professor, Distinguished Physician of the Russian Federation (St. Petersburg. E-mail: milmedmuseum@mil.ru);

Ivan Chizh — colonel general (ret.) of medical service, advisor to the rectorate of I.M. Sechenov First Moscow State Medical University, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, D. Sc. (Med.), professor, Distinguished Physician of the Russian Federation (Moscow. E-mail: chizh_i_m@staff.sechenov.ru);

Nadezhda Brinyuk — researcher at the Research Institute (Military History) of the Military Academy of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation, Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: brinyuk2013@yandex.ru);

Sergey Spiridonov — senior researcher at the Military Medical Museum of the Ministry of Defense of the Russian Federation (St. Petersburg. E-mail: sergspirid@yandex.ru).

Summary. During the entire period of the Great Patriotic War, large-scale railway transportation of significant military contingents posed a serious epidemic threat both to the active army and to the rear areas of the country. In response, the leadership of the People's Commissariat of Defense and People's Commissariat of Railways implemented a series of anti-epidemic measures, including the establishment of a system of anti-epidemic barriers: sanitary-control, isolation and checkpoints, observational stations, station sanitary checkpoints, and medical stations at railway stations. The implementation of these measures resulted in the establishment of a comprehensive system of anti-epidemic barriers. Large-scale organizational and sanitary measures implemented in the railway transport sector effectively prevented major epidemics and ensured the combat effectiveness of troops.

Keywords: The Great Patriotic War; military medical service; Ye.I. Smirnov; railroads; military transportation; military echelons; anti-epidemic provision; sanitary control points; epidemic control and isolation point; emergency authorized anti-epidemic commissions; field laundry detachments; Main Army Medical Services; Anti-epidemic Directorate of the Main Army Medical Services.

«ОБРАЗЕЦ ВОИНСКОЙ ЧЁТКОСТИ, ПОДТЯНУТОСТИ И ДИСЦИПЛИНЫ»

Судьба инженер-капитана 1 ранга Ю.Ю. Кимбара

Сведения об авторе. Близниченко Сергей Сергеевич — доцент кафедры транспортных сооружений Кубанского государственного технологического университета, кандидат технических наук (г. Краснодар. E-mail: Flagman.Flota@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе архивных документов и воспоминаний современников воссоздаётся образ одного из первых флотских минёров, крупнейшего отечественного специалиста по торпедному оружию, старейшего педагога императорских и советских военно-морских учебных заведений, орденосца и лауреата Сталинской премии инженер-капитана 1 ранга Ю.Ю. Кимбара. За время своей педагогической деятельности, которая началась ещё в 1911 году, он подготовил сотни отличных командиров Военно-морского флота, талантливых инженеров и конструкторов. При этом Юлий Юльевич внёс большой вклад в разработку и создание передовых для своего времени систем корабельного минно-торпедного вооружения, был автором десятков научных трудов по данной тематике.

Ключевые слова: инженер-флагман 3 ранга Ю.Ю. Кимбар; инженер-капитан; профессор-изобретатель; лауреат Сталинской премии; системы корабельного минно-торпедного вооружения; Военно-морские силы РККА; ВМФ СССР; Научно-технический комитет Морского ведомства; Высшие специальные курсы командного состава флота; репрессии 1930-х годов.

Заслуженный флотский минёр и старейший военно-морской педагог Юлий Юльевич Кимбар родился в Санкт-Петербурге в дворянской семье 21 июля (3 августа) 1884 года¹. В 1903 году окончил 5-ю Санкт-Петербургскую гимназию. Социальное происхождение позволило ему получить в дальнейшем добротное военно-морское образование². По архивным данным, с 1903 года Ю.Ю. Кимбар числился кадетом Морского кадетского корпуса (МКК)³, в течение трёх последующих лет успешно обучался в специальных классах МКК, а в 1906 году окончил это военно-учебное заведение⁴. После чего вместе с остальными выпускниками на год отправился в практическое плавание, по завершении которого его произвели в мичманы⁵.

Служба молодого мичмана Ю.Ю. Кимбара началась на кораблях Российского Императорского флота (РИФ). А через четыре года его направили для обучения минному делу в специализированное флотское учебное заведение — Минный

офицерский класс (МОК). За время учёбы он досконально освоил минное дело и получил отличные оценки по всем предметам. Ему очень нравилось заниматься усовершенствованием конструкции мин и торпед, что сразу отметили начальник и преподаватели училища. Они прочили Юлию Юльевичу большие успехи на этом поприще и предлагали остаться в учебном заведении в качестве преподавателя. Так в конце концов и произошло.

В 1911 году Ю.Ю. Кимбар окончил обучение⁶, ему был присвоен чин лейтенанта флота. Как наиболее подготовленного минёра, склонного к научным исследованиям, его назначили преподавателем электротехники в Минном офицерском классе. Спустя несколько десятилетий после описываемых событий контр-адмирал советского флота В.А. Белли писал в своих воспоминаниях: «Практические занятия по электротехнике были поставлены отлично. Здесь мы составляли схемы динамо-машин “шунт”, “компаунд”, схемы моторов и т.п. Огромную

роль на этих занятиях играл Ю.Ю. Кимбар, большой знаток своего дела и замечательный человек»⁷.

В течение полутора лет после начала Первой мировой войны лейтенант Ю.Ю. Кимбар пытался перевестись на действующий флот, но его каждый раз оставляли на прежней преподавательской должности. Наконец, он получил назначение на флот Балтийского моря (ФБМ), где проявил свои лучшие офицерские качества. 6 декабря 1915 года он был «произведен в старшие лейтенанты за отличие»⁸. Вскоре его ожидало и повышение по службе. Старший лейтенант Ю.Ю. Кимбар был направлен в штаб начальника 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота, в котором в течение 1916—1917 гг. служил в должности исполняющего обязанности флагманского минного офицера. Он принимал активное участие в разработке планов учений кораблей бригады, а также лично выходил на флагманском корабле (линкоре «Гангут») в море на манёвры, учебные минные постановки

и артиллерийские стрельбы в качестве старшего минного офицера корабля. В приказах командования не раз отмечались его высокий профессионализм и глубокие познания в минном деле.

Упоминание о дальнейшем прохождении службы Ю.Ю. Кимбаром содержится в одном из ведомственных флотских изданий. В нём идёт речь о Штурманском офицерском классе. Согласно представленной информации в конце 1916 года Юлий Юльевич вновь вернулся к преподавательской деятельности — на этот раз в данном флотском учебном заведении. «Занятия с 31 офицером третьего военного набора Штурманского класса велись с 1 декабря 1916 г. до начала марта 1917 г. Их проводили на транспорте “Митава” Н.Н. Матусевич и В.А. Любимов — по астрономии; Н.Н. Струйский и В.Я. Павлинов — по девиации; Ю.Ю. Кимбар — по электротехнике и минному оружию; Д.П. Руденский — по навигации и лоции; Б.И. Кудревич — по гирокомпасу Сперри; Н.Н. Зубов — по тактической навигации»⁹.

После Октябрьской революции старший лейтенант Ю.Ю. Кимбар остался служить в прежней должности. Он сравнительно легко перенёс отмену чинов и званий в армии и на флоте и 7 февраля 1918 года добровольно вступил в ряды военморов Рабоче-крестьянского Красного флота (РККФ)¹⁰. В 1918—1921 гг. военмор Ю.Ю. Кимбар был главным минёром Морских сил Балтийского моря (МСБМ), участвовал в Гражданской войне — в боях против Юденича и английских интервентов. К этому периоду относится упоминание его фамилии и должности в одном из архивных документов, в котором содержится информация о подготовке взрывов на судах МСБМ в связи с угрозой их захвата немцами. В упомянутом документе указано, что 7 августа 1918 года стар-

Начальник минного сектора СККС Ю.Ю. Кимбар 1935 г.

ший минёр крейсера «Баян» В.И. Перетерский был назначен техническим руководителем этой секретной операции, а также приводится его переписка с главным минёром флота Ю.Ю. Кимбаром¹¹. Операция была отменена, Юлий Юльевич продолжал служить в прежней должности, а с 4 по 9 июля 1920 года даже временно исполнял обязанности начальника штаба МСБМ¹². Вскоре последовало повышение — дальнейшую службу Ю.Ю. Кимбар проходил в Морском штабе Республики (Морштаресп). С мая 1921 по январь 1922 года он являлся старшим помощником главного минёра Морштареспа¹³. Это был очень сложный период, когда после Кронштадтского мятежа проходила «чистка» кадров бывших офицеров РИФа. Хотя она напрямую и не затронула Юлия Юльевича, ему всё же пришлось уйти со штабной работы.

В январе 1922 года Ю.Ю. Кимбар был переведён на должность преподавателя Военно-морской академии (ВМА), в которой пробыл до середины

сентября следующего года¹⁴. Затем его назначили помощником начальника факультета ВМА, где он прослужил до ноября 1923 года. В этот сравнительно небольшой период Юлий Юльевич закончил работу над своим фундаментальным научным трудом «Минные заграждения в Балтийском море в войну 1914—1917 гг.», который был опубликован в материалах Морской исторической комиссии¹⁵.

С ноября 1923 года Ю.Ю. Кимбар служил в должности заведующего классом Высших специальных курсов командного состава (ВСККС), а в июне 1924 года по совместительству стал председателем минной секции Научно-технического комитета Морского ведомства (НТКМ).

При создании Рабоче-крестьянского Красного флота советское руководство столкнулось с отсутствием практического опыта восстановления старых и проектирования новых военных кораблей, утраченного за годы Гражданской войны и разрухи народного хозяйства. Опустели доки и стапеля, сильно поредели инженерно-технические кадры кораблестроителей. Между тем зарубежная техническая мысль не стояла на месте: значительные изменения претерпели вооружение и основное корабельное оборудование. Для решения этих и многих других вопросов требовалось создание единого научного центра, который мог бы организовать полный цикл НИОКР на флоте. Как раз таким органом и стал Научно-технический комитет Морского ведомства, учреждённый приказом Реввоенсовета СССР № 2475 от 8 ноября 1923 года. На НТКМ возлагались рассмотрение и разработка проектов новых судов для военного флота, их боевого вооружения и снабжения; проектов переустройства существовавших кораблей, их боевого вооружения и снабжения; проектов развития и усиления средств морской обороны; проектов

Слушатели и преподаватели СКОС ВМФ (в первом ряду второй слева — начальник кафедры торпедного оружия Ю.Ю. Кимбар)
г. Астрахань, 1941 г.

Подводные лодки типа «Щ» в дальнем походе

Знак об окончании Минного офицерского класса

оборудования баз, портовых плавучих средств, доков и т. д. для обслуживания военного флота; проектов по подъёму затонувших судов, изготовлению вспомогательных средств, необходимых для ведения работ.

При НТКМ состояли опытовый судостроительный бассейн (сооружённый в августе 1893 г. в Петербурге по инициативе Д.И. Менделеева); научно-техническая лаборатория, занимавшаяся взрывчатыми и дымообразующими веществами, осветительными и зажигательными средствами для нужд флота; научно-испытательный полигон связи и комиссия морских минных опытов. Ю.Ю. Кимбар активно включился в эту работу.

Так, начатые при его участии в 1926 году испытания химической торпеды Особого технического бюро (Остехбюро) были успешно завершены 6 октября 1928 года на Петергофском рейде. Она представляла собой торпеду образца 1910 года, снабжённую специальным зарядным отделением с хоботом, оканчивавшимся форсункой для выпуска дымообразующего вещества (12 л четырёххлористого олова и 5 кг углекислоты). Испытания проводились в присутствии комиссии в составе: флагманского минёра Балтфлота И.Г. Любовича (председатель), представителей НТК — Ю.Ю. Кимбара, В.И. Перетерского, В.Е. Эмме; Остехбюро — А.Г. Цялова, И.М. Наберухина, Н.М. Александрова¹⁶.

Также известно, что в феврале 1930 года командование ВМС РККА одобрило первый вариант эскизного проекта «эсминца-торпедоносца», в разработке которого самое активное участие принимал Ю.Ю. Кимбар.

Но через два месяца начался настоящий погром Научно-технического комитета, завершившийся в 1931 году. ОГПУ, предъявив необоснованные обвинения во вредительстве, последовательно арестовало председателя НТКМ Н.И. Иг-

натъева, председателя артиллерийской секции Г.Н. Пелля, минной — Ю.Ю. Кимбара, подводного плавания — А.Н. Гарсоева, члена минной секции В.Е. Эмме и других ведущих специалистов. Эти аресты существенно ослабили проектные возможности флотского научного учреждения.

Председатель минной секции НТКМ Ю.Ю. Кимбар был арестован 13 марта 1930 года. Как вспоминал профессор ВМА В.А. Белли, в Бутырской тюрьме всех прибывших моряков сначала поместили в одной камере. В ней Владимир Александрович встретил своих бывших сослуживцев: Н.В. Новикова, П.В. Мессера, Ю.Ю. Кимбара и многих других¹⁷. По результатам следствия¹⁸ Ю.Ю. Кимбар был осуждён на 10 лет ИТЛ (исправительно-трудовых лагерей). По ходатайству нового начальника Военно-морских сил РККА В.М. Орлова Юлия Юльевича досрочно освободили из заключения 11 февраля 1932 года.

15 ноября 1932 года Ю.Ю. Кимбар был вновь зачислен в кадры ВМС РККА¹⁹. Его назначили преподавателем Спецкурсов комсостава флота (СККС). С ноября 1933 года он служил в должности начальника минного сектора СККС и с 1935 по 1940 год по совместительству преподавал на факультете морского оружия Военно-механического института (ВМИ).

В 1935 году преподаватель СККС Ю.Ю. Кимбар издал свой основной научный труд — «Атлас к описанию торпедных аппаратов подводных лодок типа “Л” и “Щ”»²⁰. Его многочисленные печатные работы, как и многолетняя деятельность по подготовке минёров для флота, были отмечены советским правительством. В марте 1936 года ему присвоили воинское звание инженер-флагмана 3 ранга²¹. В том же году он стал доцентом.

С июля 1937 по ноябрь 1939 года Ю.Ю. Кимбар был исполняющим должность старшего

преподавателя СККС. А затем его назначили начальником кафедры торпедного оружия Высших специальных курсов командного состава Рабоче-крестьянского Военно-морского флота (ВСК). В 1940 году учёным советом Высшего военно-морского ордена Ленина, Краснознамённого училища (ВВМОЛКУ) имени М.В. Фрунзе ему было присвоено учёное звание профессора.

Научно-педагогическая деятельность Ю.Ю. Кимбара получила достойную оценку руководства Наркомата Военно-морского флота. После введения новых воинских званий 8 июня 1940 года приказом НК ВМФ № 01705 он стал инженер-капитаном 1 ранга. Конечно, Юлий Юльевич, как и некоторые другие инженер-флагманы 3 ранга, заслуживал звания инженер-контр-адмирала. Но для этого нужно было иметь другую, «незапятнанную» биографию. Ведь присвоение адмиральских званий являлось прерогативой советского правительства, а оно, за редким исключением, не считало возможным поощрять бывших заключённых. Кроме того, преподавателям военных учебных заведений, включая флотские, в то время присваивались воинские звания на одну ступень ниже, чем строевым офицерам. Так и остался Ю.Ю. Кимбар инженер-капитаном 1 ранга до конца своих дней.

С началом Великой Отечественной войны на Высших специальных курсах командного состава Рабоче-крестьянского Военно-морского флота была начата подготовка к переходу на программы с сокращённым сроком обучения, а в конце июля 1941 года нарком ВМФ принял решение об их передислокации в Астрахань. Уже в августе начались демонтаж учебно-лабораторного оборудования и подготовка к его погрузке. Эвакуация была произведена двумя эшелонами в июле—августе 1941 года.

Вместе с курсами на Нижнюю Волгу отбыл и инженер-капитан 1 ранга Ю.Ю. Кимбар.

С января 1942 года в отделах ВСК начались занятия первого военного набора по программам военного времени с сокращённым, 6-месячным, сроком обучения. И уже в июне 1942 года состоялись выпускные экзамены. Учебная практика не проводилась, что было отмечено в свидетельствах об окончании ВСК.

В начале августа 1942 года приступили к учёбе слушатели второго набора. Но в связи с быстрым приближением фронта курсы были вновь эвакуированы, на этот раз в Самарканд. Личный состав приложил много сил и старания для того, чтобы в не оборудованных для учебных целей помещениях создать кабинеты и лаборатории, отвечавшие требованиям учебного процесса, и разместить в них необходимую технику и тренажёры. В этой работе принимал активное участие инженер-капитан 1 ранга Ю.Ю. Кимбар.

В 1943 году за многолетнюю плодотворную преподавательскую и научную деятельность Юлий Юльевич был представлен к своей первой высокой правительственной награде. Как было указано в наградном листе, подписанном начальником минно-торпедного отдела ВСК ВМФ капитаном 2 ранга Л.Я. Плискиным, Ю.Ю. Кимбар — «один из старейших педагогов, свою преподавательскую деятельность начал в 1911 году... За время своей педагогической деятельности подготовил сотни отличных командиров нашего ВМФ. Обладает примерной аккуратностью, являет собой образец воинской чёткости, подтянутости и дисциплины. Высоко требователен, ни одна мелочь не уходит из его внимания и, вместе с тем, учит примером и показом, давая образец в методике преподавания. Всесторонне образованный и грамотный офицер. Отличный организатор

Здание Минного офицерского класса в Кронштадте

Погрузка торпед на подводную лодку

Советские торпедные катера типа Г-5, загруженные минами

и методист. К военно-морской службе относится ревностно, с любовью, прививая качества свои воспитанникам. Крупный специалист по торпедному оружию, особенно торпедным аппаратам... Имеет 22 научных трудов. Умело растит преподавательские кадры, непрерывно совершенствуясь сам. Тесно связан с промышленностью, принимая деятельное участие в испытаниях новых образцов. Активно участвует в НИР-овской работе, изучая опыт войны, новую технику, направляя всё это на лучшую подготовку своих преподавателей и слушателей. Путём личной проверки и постоянных указаний добился чёткой и хорошей работы своей кафедры, что неоднократно отмечалось приказами по ВСК. Достоин правительственной награды ОРДЕН "ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ"²².

Профессор Ю.Ю. Кимбар получил эту награду в следующем году, в День Красной армии и Флота.

В июле 1943 года приказом наркома ВМФ сроки обучения на курсах были увеличены до одного года. А 9 сентября ВСК были переименованы в Специальные курсы офицерского состава ВМФ (СКОС). Спустя 12 месяцев, в августе 1944 года, в соответствии с решением наркома ВМФ СКОС были перебазированы в Ленинград. За время Великой Отечественной войны на них прошли подготовку свыше 1500 офицеров, принявших активное участие в боях. Поэтому 20 апреля 1945 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «за исключительные заслуги перед Родиной в деле подготовки квалифицированных офицерских кадров для Военно-Морского Флота и успешную научно-исследовательскую работу, направленную на повышение боевой деятельности Военно-Морского Флота», Специальные курсы офицерского состава ВМФ были награждены орденом Ленина. В том же

году Ю.Ю. Кимбар был удостоен ордена Красного Знамени (3 ноября 1944 г.), а 21 февраля 1945 получил высшую правительственную награду — орден Ленина. Стоит отметить, что ранее Ю.Ю. Кимбар стал лауреатом Сталинской премии за разработку систем минно-торпедного вооружения.

Одно из упоминаний о Юлии Юльевиче содержится в исторической справке, подготовленной вице-адмиралом А.А. Римащевским. В тексте указывалось: «Большой вклад в подготовку специалистов вносили офицеры управления классов и преподавательский состав П.П. Глазков, Г.Г. Мидин, Г.С. Трахтенберг, Ю.Ю. Кимбар, С.А. Венкстерн, А.Д. Шеин, Б.Ф. Винтер, Г.А. По-

ложинцев, С.А. Запутряев, Н.И. Славянский, А.А. Юшко, А.В. Ждан-Пушкин и многие другие. Они обучали слушателей на основе приобретённого боевого опыта в ходе Великой Отечественной войны. Основное место в учебном процессе занимали практические занятия на приборах, оружии, вооружении и технике. Эти занятия подкреплялись минимумом теоретических обоснований, основываясь на принципе “учить тому, что требуется на войне”»²³.

В послевоенный период Ю.Ю. Кимбар продолжил службу на флоте. 10 августа 1945 года его назначили начальником минно-торпедного отдела Специальных курсов командного состава РККФ, а 31

декабря 1946 года он стал начальником кафедры Высших офицерских классов ВМФ. Эту должность Юлий Юльевич занимал в течение четырёх лет, но солидный возраст не позволил ему далее продолжить службу. 6 января 1950 года Ю.Ю. Кимбар был уволен в отставку (по возрасту) с правом ношения военной формы с особыми отличительными знаками на погонах.

Умер заслуженный флотский минёр, профессор, инженер-капитан 1 ранга Юлий Юльевич Кимбар 18 февраля 1956 года в Ленинграде. Похоронен на Красненьком кладбище, где 26 октября 1959 года упокоилась и его супруга Екатерина Рудольфовна.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Российский государственный архив Военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 432. Оп. 5. Д. 8556. Л. 1.

² Там, за Невой, — моря и океаны: история Высшего военно-морского ордена Ленина, Краснознамённого, ордена Ушакова училища имени М.В. Фрунзе. М.: Воениздат, 1976. 363 с.

³ РГА ВМФ. Ф. 432. Оп. 2. Д. 937. Л. 12.

⁴ Там же. Ф. 873. Оп. 10. Д. 192. Л. 1.

⁵ Там же. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Белли В.А. В Российском Императорском флоте: воспоминания. СПб.: Петербургский институт печати, 2005. С. 248, 250, 251.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 873. Оп. 10. Д. 192. Л. 6.

⁹ Штурманский офицерский класс ВМФ России: история создания и развития // Издание Высших специальных офицерских классов ВМФ. СПб., 2004. С. 16.

¹⁰ Список начальствующего состава Военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии / Составлен Управлением кадров УВМС РККА. М., 1932. С. 629.

¹¹ РГА ВМФ. Ф. Р-92. Оп. 10. Д. 64. Л. 523, 525.

¹² Березовский Н.Ю., Бережной С.С., Николаева З.В. Боевая летопись Военно-морского флота, 1917—1941. М.: Воениздат, 1992. С. 681.

¹³ Список начальствующего состава Военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии. С. 29.

¹⁴ Там же. С. 629.

¹⁵ Кимбар Ю.Ю. Минные заграждения в Балтийском море в войну 1914—1917 гг. // РГА ВМФ. Ф. Р-29. Оп. 2. Д. 40.

¹⁶ Шошков Е.Н. Репрессированное Остехбюро. СПб.: Мемориал, 1995. С. 54.

¹⁷ Белли В.А. Из воспоминаний // Звезда. 1996. № 5. С. 164—175.

¹⁸ Надзорное производство Главной военной прокуратуры № 56311-55 по делу Н.И. Игнатьева, А.А. Тошакова, М.А. Петрова и др.

¹⁹ Список начальствующего состава Военно-морских сил Рабоче-крестьянской Красной армии. С. 629.

²⁰ Кимбар Ю.Ю. Атлас к описанию торпедных аппаратов подводных лодок типа «Л» и «Щ». М.; Л., 1935. 31 л. // РГА ВМФ. Ф. Р-906. Оп. 1. Д. 274.

²¹ Приказ НКВМФ № 01168/п от 15 марта 1936 г.

²² Центральный Военно-морской архив. Ф. 3. Оп. 1. Кимбар Ю.Ю. Орден Трудового Красного Знамени. 22 февраля. 1944 г.

²³ Римащевский А.А. Минный офицерский класс. Историческая справка // Mil. Press FLOT. URL: https://flot.com/education/academies/stpetesecsecondbranch/1/index.php?sphrase_id=4675591.

S.S. Bliznichenko

«A MODEL OF MILITARY PRECISION, RIGOR AND DISCIPLINE»

Fate of the engineer captain 1st rank Yu.Yu. Kimbar

Information about author. Sergey Bliznichenko — assistant professor at the department of transportation structures, Kuban State Technological University, Cand. Sc. (Tech.) (city of Krasnodar. E-mail: Flagman.Flota@yandex.ru).

Summary. The paper draws from archival documents and contemporary accounts to provide a comprehensive portrait of Yuly Yulyevich Kimbar, a pioneering figure in the field of naval minesweeping. Kimbar's distinguished career also includes roles such as leading expert on torpedo weapons, educator at both the Imperial and Soviet naval schools, order-holder and Stalin Prize laureate, and engineer-captain 1st rank. During his distinguished teaching career, which commenced in 1911, he trained hundreds of excellent naval commanders, talented engineers, and designers. Concurrently, Yuly Kimbar made significant contributions to the development and creation of advanced ship mine-torpedo armament systems, and was the author of numerous scientific works on this subject.

Keywords: engineer-flagman 3rd rank Yu.Yu. Kimbar; engineer-captain; professor-inventor; Stalin Prize winner; systems of ship mine-torpedo armament; naval forces of the Red Army; USSR Navy; Scientific and Technical Committee of the Naval Department; Higher Special Courses of Fleet Command Staff; repressions of the 1930s.

«ОТ КОЕГО ПРОСИТЕЛЬ ПОКАЗЫВАЕТ СВОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗНАЧИТЬ»

Древняя родословная адмирала Ф.Ф. Ушакова

Сведения об авторах. Нехай Руслан Шамсудинович — директор Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого Министерства обороны РФ, генерал-майор запаса, кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург. E-mail: navalmuseum_dm@mail.ru);

Климовский Сергей Данилович — учёный секретарь Центрального военно-морского музея имени императора Петра Великого Министерства обороны РФ, кандидат исторических наук (Санкт-Петербург. E-mail: pensi-396@yandex.ru).

Аннотация. В статье на основе архивных материалов исследуются вопросы происхождения дворянского рода Ушаковых, к которому относился выдающийся русский флотоводец Ф.Ф. Ушаков. Рассказывается о его далёком предке, жившем в XI веке на Северном Кавказе, касожском князе Редее, упомянутом в памятниках древнерусской литературы — «Повести временных лет» и «Слове о полку Игореве». Приводится переписка Ушаковых с правительственными инстанциями в целях получения подтверждения их дворянского происхождения и утверждения родового герба для последующего его внесения в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи.

Ключевые слова: адмирал Ф.Ф. Ушаков; род Ушаковых; князь касожский Редее; род Редеди; князь тмутараканский Мстислав; Тмутараканское княжество; адыгский союз племён; черкесы; дворянские родословные книги; Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи; герб Ушаковых; пароход «Редее князь Косогский».

Памятник адмиралу Ф.Ф. Ушакову
перед Центральным военно-морским музеем
имени императора Петра Великого

В истории России широко известен род Ушаковых, давших Отечеству ряд замечательных личностей: воевод, генералов, чиновников и моряков. Среди них особое место занимает выдающийся русский адмирал Фёдор Фёдорович Ушаков (1745—1817). По мнению биографа флотоводца Р.К. Скаловского, адмирал был в родстве с графом А.И. Ушаковым¹ — сподвижником Петра I, генеральным начальником тайной розыскной канцелярии в 1731—1746 гг. Современный исследователь В.Д. Овчинников считает, что «Ушаковы приходились роднёй многим именитым русским фамилиям,

таким как Долгорукие, Голицыны, Волконские, Трубецкие, Репнины, Вяземские»². К этому же роду относился и знаменитый московский иконописец XVII века Симон Ушаков.

К сожалению, сведения о многих видных представителях Ушаковых не вошли в капитальный труд «Русский биографический словарь», выпускавшийся с 1896 по 1918 год, поскольку так и не был издан том на буквы Т и У (в границах Ткачёв — Фабер). В то же время в томе 15 этого словаря, увидевшем свет в 1910 году, упоминается о дальнем предке Ушаковых князе Редеди³.

Принято считать, что именно этот летописный князь племени касогов, обитавшего на Северном Кавказе более тысячи лет назад⁴, является родоначальником не только фамилии Ушаковых, но и именитых Лопухиных, известных с начала XI века. Так, один из представителей Лопухиных, боярин М.Ю. Сорокоум, живший в начале XIV века, считал себя потомком «владельческого князя касогов Редеди», что признавалось тогда официально⁵. Были и менее знатные боярские фамилии, провозглашавшие его своим предком. По некоторым источникам, от «рода Редегина» пошли дворяне Симские, Зайцовы, Елизаровы, Гусевы, Хабаровы, Бирдюковы, Поджегины, Белеутовы, Ключины, Сорокоумовы, Глебовы, Кошкарковы, Векентьевы, Бобровы, Ощерины, Моревы, Добрыньские, Кокошкины, Лаптевы, Буруновы, Колтовские, Обедовы и др.⁶

Редедя (?—1022) был верховным князем адыгского союза племён (преимущественно касогов и зихов). Адыги — общее наименование для многочисленной в прошлом группы племён Северного Кавказа, называвших себя адыге. В ев-

Герб рода Ушаковых
(«потомства касогского князя Редеди»)

ропейской и восточной литературе со времён Средневековья они были известны под именем черкесов. Из современных народов Кавказа к адыгам, как считают учёные, относятся адыгейцы, кабардинцы и черкесы. В древности адыгские племена обитали в западной части Северного Кавказа, на Кубани и в Причерноморье. С X века наши предки начали именовать адыгов касогами, что впервые было отмечено в русских летописях 965 года в рассказе о походе киевского князя Святослава в Хазарский каганат. Арабы в X веке считали их мощным «благоустроенным» племенем⁷. Со времени монгольского нашествия XIII века вместо касо-

гов распространяется наименование черкесы. Зарубежные историки употребляют до сих пор этноним «черкесы» для обозначения всех адыгов⁸. В наши дни потомками древних касогов принято считать адыгские племена, главным образом, кабардинцев.

Редедя владел Касожским княжеством, которое располагалось на землях, пограничных с русским Тмутараканским княжеством, находившимся на Таманском полуострове и имевшим в качестве столицы г. Тму-

таракань (на месте нынешней Тамани). Могучий великан Редедя обладал большой физической силой. Западно-адыгские предания сообщают, что «не было в адыгейском (адыгейском). — Прим. авт.) народе никого, кто мог устоять против силы Редеди»⁹. В 1022 году войска касогов и Тмутараканского княжества встретились близ границы последнего. Редедя предложил князю Мстиславу во избежание кровопролития устроить поединок с условием, что победитель возмёт семью, имущество и «все». В итоге Редедя погиб в единоборстве с Мстиславом, и битва между войсками не состоялась. Впоследствии князь касогов стал

героем эпических сказаний, преданий и песен ряда народов Северного Кавказа, в его честь в конце XIX века даже был назван один из самых мощных в мире речных буксирных пароходов.

Противник Редеди князь Мстислав по прозвищу Храбрый или Удалой (?—1036) был третьим сыном киевского правителя князя Владимира Святославовича, крестителя Руси, от брака с Рогнедой — дочерью полоцкого князя Рогволода, выходца, как считают ряд историков, из Скандинавии. Мстислав впервые упоминается в летописи 980 года. О его внешнем облике говорилось: «Был же Мстислав могуч телом, красив лицом, с большими очами, храбр на ратях, милостив, любил дружину без меры, имения для нее не щадил...»¹⁰.

В 988 году Мстислав получил от отца по наследству в удел Тмутараканское княжество, в 1016 году боролся с хазарами и в союзе с византийцами совершил поход в Тавриду. В 1022 году он подчинил касогов, победив их князя Редедю. Затем до 1024

Единственный известный прижизненный живописный портрет Ф.Ф. Ушакова, выполненный на острове Корфу в 1800 г.

года воевал со своим братом Ярославом, который не стал делиться наследством отца, а

предложил ему далёкую Муромскую землю. Попытка захвата Киева Мстиславом в отсутствие Ярослава не удалась. Несмотря на поражение войск последнего в битве с ратью Мстислава у Чернигова, братья заключили мир и Мстислав отказался от притязаний на Киев. В 1026 году они поделили русские земли, и Мстислав стал владеть огромным княжеством со столицей в Чернигове. В 1031 году, помогая Ярославу вернуть ряд городов, он совершил поход в Польшу. Мстислав был погребён в заложенном им соборе Спаса в Чернигове¹¹.

Поединок Редеди с Мстиславом подробно описан в наиболее раннем из дошедших до нашего времени древнерусских летописных сводов — «Повести временных лет» и кратко упомянут в «Слове о полку Игореве». В «Повести временных лет» 1022 года дан в форме диалога следующий сюжет (приводится в современном переводе): «В то же время Мстислав находился в Тмутаракани и пошел на касогов. Услышав же это, князь ка-

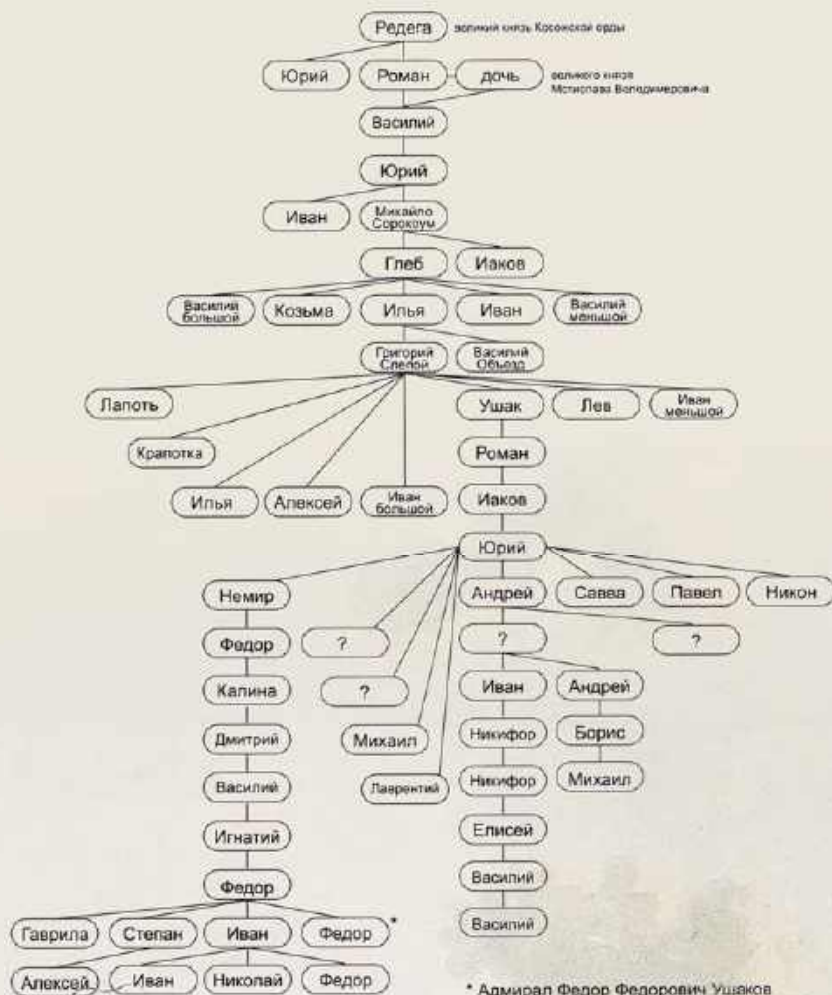
Российская эскадра под командованием Ф.Ф. Ушакова, идущая Константинопольским проливом 8 сентября 1798 г.

Художник М.М. Иванов, 1799 г.

Государственный Эрмитаж (Санкт-Петербург)

сойжский Редедя вышел против него. И, когда стали оба полка друг против друга, сказал Редедя Мстиславу: “Чего ради погубим дружины? Но сойдемся, чтобы побороться самим. Если одолеешь ты, возьмешь богатства мои, и жену мою, и детей моих, и землю мою. Если же я одолею, то возьму твое все”. И сказал Мстислав: “Да будет так”. И сказал Редедя Мстиславу: “Не оружием будем биться, но борьбою”. И схватились бороться крепко, и в долгой борьбе стал изнемогать Мстислав, ибо был велик и силен Редедя. И сказал Мстислав: “О пречистая Богородица, помоги мне! Если же одолею его, воздвигну церковь во имя твое”. И, сказав так, бросил его на землю. И выхватил нож, и зарезал Редедю. И, пойдя в землю его, забрал все богатства его, и жену его, и детей его, и дань возложил на касогов»¹². В «Слове о полку Игореве» говорилось: «Боян же вещий... пускал он десять соколов на стаю лебедей, на которую (сокол) налетал, та первая

* Адмирал Федор Федорович Ушаков

Родословная адмирала Ф.Ф. Ушакова
Составитель Р.К. Скаловский

песнь пела старому Ярославу, храброму Мстиславу, что зарезал Редедю пред полками касожскими»¹³.

По условиям поединка и в соответствии с обычаями того времени жена князя Редеди, чьё имя неизвестно, двое сыновей (после принятия христианства — Юрий и Роман), княжеская дружина и часть его владений перешли к князю Мстиславу. Младший сын Редеди — Роман женился на дочери Мстислава, как считается, внучке Святого равноапостольного князя Владимира. Под водительством Романа Редедича касожские воины вступили в дружину князя Мстислава и помогли ему в борьбе за киевский престол и овладение Черниговским княжеством. Позже потомки Романа Редедича получили земли в этом княжестве, а после Батыева нашествия, когда в 1239 году Чернигов был сожжён, переселились во Владимирскую Русь. Потомки Романа Редедича,

от которых произошли многие древние русские дворянские роды, княжеского титула не унаследовали, так как в то время князьями именовали лишь представителей правившей династии Рюриковичей. Старший сын Редеди, в крещении Юрий, не оставил потомства.

Родоначальник фамилии Ушаковых Павел по прозвищу Ушак был потомком внука Редеди Василия Романовича в шестом колене¹⁴. Фамилия Ушаков имеет в своей основе тюркское слово «ушак» — малый, невысокий человек, а также дитя, ребёнок, сын, мальчик¹⁵. К Ушаковым относились несколько родов столбового дворянства, наиболее значимый из которых претендовал на происхождение от летописного князя Редеди. Многие из рода Ушаковых служили российским царям в разных чинах и были пожалованы ими земельными наделами — вотчинами.

Во второй половине XVIII века роль дворянского сосло-

вия России в государственном устройстве империи заметно усилилась. Положение дворян в обществе было закреплено рядом законодательных актов. Начало этому положил император Пётр III, который в феврале 1762 года издал манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», по которому оно освобождалось от обязательной 25-летней военной службы. В апреле 1785 года Екатерина II подписала жалованную «Грамоту на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства». В ней давались указания о составлении и продолжении дворянской родословной книги в наместничестве и был размещён раздел «О доказательствах благородного происхождения»¹⁶.

Согласно «Грамоте...» все дворяне записывались в дворянские родословные книги, которые делились на шесть частей. К четвёртой части относились «иностранные роды», вступившие в

Хазарский каганат

российское подданство, к шестой части — «древние благородные дворянские роды», бравшие начало в древности¹⁷.

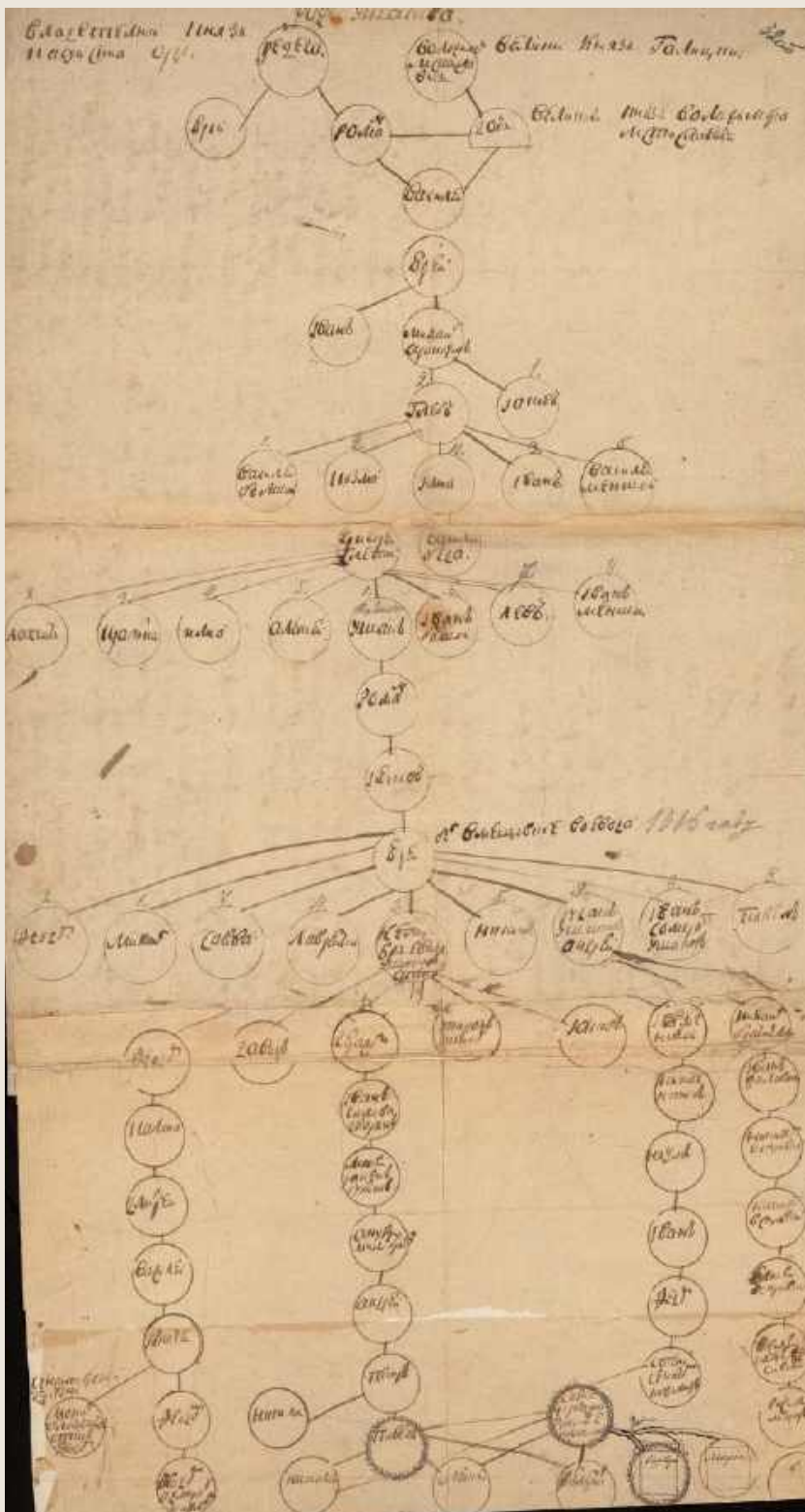
Сохранившихся у дворян родословных книг снимались копии, а для составления и ведения общей родословной книги в каждой губернии создавалось дворянское депутатское собрание. Дворяне должны были предъявить в него жалованные грамоты на дворянство, а те, у кого их не было, вынуждены были отыскивать доказательства принадлежности к этому сословию. Указами императора Павла I от 20 января и 27 июля 1797 года всем дворянам предписывалось представить эти доказательства, надлежащим образом засвидетельствованные. Местным архивам велено было помогать в этих поисках и во включении родословных в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи¹⁸.

Потребовалось заняться поиском доказательств и вице-адмиралу Ф.Ф. Ушакову, который не имел документов о своём дворянском происхождении. В начале 1798 года он обратился в московский архив Государственной коллегии иностранных дел и представил поколенную роспись своего рода, происходившего, по его словам, от «Косожского князя Редеги». Он просил о выдаче ему выписки как о начальном происхождении от рода Редеги, так и о службе его предков. В рукописной родословной книге, хранившейся в архивной библиотеке, было указано, что от рода Редегина «пошли Симские, Зайцовы, Елизаровы, Гусевы, Хабаровы, Бирдюковы, Поджегины, Белеутовы, Ключины, Сорокоумовы, Глебовы» и упоминалось о сыновьях Редеди и их потомках, в том числе о сыне Григория Слепого Ушаке. Сообщалось, что о потомстве Ушака в родословных книгах «не показано». Далее следовали выписки о службе представителей фамилии Ушаковых¹⁹.

12 июля 1798 года Ф.Ф. Ушаков получил выписку, подтверждающую его дворянское проис-

хождение²⁰. Любопытно, что это произошло буквально за месяц до его отправки в Средиземноморский поход 1798—1800 гг., в котором он руководил боевыми действиями союзной русско-турецкой эскадры против наполеоновской Франции. К тому

же времени относится составленная родословная Ушаковых, начиная с «владельческого князя Касуйския орды Редега»²¹. По указу императора Павла I и по определению «правительствующего Сената герольдмейстерских дел» в ноябре 1798 года Ушаков

Род Ушаковых
РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573. Л. 32 об.

получил официально заверенную копию поколенной росписи для составления «дворянским родам Гербовника»²².

В январе 1799 года родственник Ф.Ф. Ушакова майор В.В. Ушаков обратился в Правительствующий сенат с просьбой о предоставлении справки о службе его предков для внесения сведений в гербовник. В полученном документе был указан «первоначальный предок тех фамилий князь Редига и его потомство» с упоминанием имени Ушак²³. В приводившихся далее родословных росписях родов Зайцовых-Бирдюкиных и Сорокоумовых-Глебовых также упоминалось об их происхождении от «Касуйские орды государя Редиги» и приводилось прозвище Ушак, «от коего проситель (В.В. Ушаков. — Прим. авт.) показывает свое происхождение назначить»²⁴.

В апреле 1804 года адмирал Ф.Ф. Ушаков обратился к императору Александру I с прошением о внесении полученного им герба своего рода в Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи²⁵. В прошении указывалось, что «князь Касуйския орды Редига, воюя с великим князем Владимиром Мстиславичем (ошибка Ф.Ф. Ушакова, должно быть: Мстиславом Владимировичем. — Прим. авт.), был от него убит, а два его сына взяты и крещены в веру греческого исповедания, коим даны имена Юрий и Роман, за младшего из них Романа великий князь Владимир Мстиславич выдал дочь свою, и родился от них сын Василий, у коего был праправнук Григорий Слепой, а у сего сын Ушак, от коего произошел мой род Ушаковых, и многие из них служили Всероссийскому престолу службой в разных чинах и жалованы от государей вотчинами»²⁶. По словам Ушакова, о «дворянском происхождении уже доказано было в Герольдии в 1759 году»²⁷. Далее он просил предоставить ему родословную и герб своего рода, ещё не внесённый в гербовник,

за подписью «знатнейшего дворянства»²⁸. Также адмирал желал, чтобы «высочайшим... указом повелено было сие мое прошение с доказательствами в герольдию принять, и герб рода моего Ушаковых с изъяснением происхождения от князя Касуйския орды Редиги внести в Гербовник»²⁹. Архивисты подтвердили, что адмирал Ушаков «происходит действительно от потомков Ушака Григорьевича, означенных в той родословной, в которой первоначальным предком показан князь Касуйския орды Редига». Вердикт чиновников гласил: «Герб древнего дворянского рода адмирала и кавалера Федора Федоровича и майора Василия Ушаковых внести в Гербовник»³⁰.

Уже будучи в отставке, в апреле 1807 года Ушаков обратился с прошением на имя императора Александра I о выдаче копий высочайше утверждённого и внесённого в Общий гербовник герба ему и его родственнику майору В.В. Ушакову. Также адмирал просил предоставить ему родословную с описанием службы предков и его службы³¹. В Герольдмейстерской конторе подготовили выписку, в которой говорилось, что Ушаков в прошении от 1804 года «изъяснял, что князь Касуйския орды Редига, воюя с великим князем Владимиром Мстиславичем (должно быть: Мстиславом Владимировичем. — Прим. авт.), был от него убит, а два его сына взяты и крещены в веру греческого вероисповедания, коим даны имена Юрий и Роман...». Далее приводились сведения о потомках младшего брата Романа, в т.ч. о сыне Григория Слепого Ушаке, и отмечалось, что у Юрия детей не было³².

Уже в июне 1807 года Ф.Ф. Ушакову из Герольдии в Москве выдали копию родового герба, внесённого в VIII часть высочайше утверждённого Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи (в гербовник были внесены ещё три фамилии Ушаковых). Герб Ушаковых представлял собой

щит, по обеим сторонам которого находились фигуры двух воинов с копьями в руке. В щите изображена «княжеская шапка», что может служить намёком на происхождение рода Ушаковых от князя Редеди³³. В описании герба кратко сообщалась история рода Ушаковых.

При выдаче адмиралу Ф.Ф. Ушакову копии родового герба в 1807 году он и его родственники были записаны в шестую часть Ярославской дворянской родословной книги («Древние благородные дворянские роды», берущие начало в древности). Однако в определении Ярославского дворянского собрания от 17 марта 1815 года говорилось: поскольку из доказательств Ф.Ф. Ушакова следовало, что «предки его происходят от Касуйския князя Редиги, то на основании 80-й статьи Высочайшей грамоты просителя Ушакова и род его внести в четвертую часть родословной книги и дать грамоту». Четвёртая часть представляла собой «иностранные роды», вступившие в российское подданство³⁴.

Хотя род Ушаковых был в России довольно знатным, он впоследствии обеднел. Поскольку его представители не имели княжеского титула, упомянутые выше прошения Ф.Ф. Ушакова могли быть истолкованы некоторыми лицами как просьбы в пожаловании ему этого титула.

Интересно отметить, что имя прародителя своего рода в конце XIX века привлекло внимание волжского судовладельца, по некоторым сведениям, отставного штабс-капитана П.Н. Ушакова. К сожалению, более подробных данных о нём найти не удалось. В 1888—1889 гг. по его заказу на Мотовилихинском пушечном заводе близ Перми был построен самый мощный на то время в России буксирный пароход «Редедя князь Косогский» с проектной мощностью энергетической установки 2000 л.с. До революции 1917 года он славился как «первый силач» на Волге и мог водить баржевые составы с грузом до 16 тыс. т.

В советское время после радикальной модернизации пароход «Степан Разин», как стали называть «Редедю князя Косогского», уже мог буксировать нефтяные баржи с грузом более 35 тыс. т. По своей мощности «Степан Разин» занимал одно из первых мест в мире среди речных буксирных пароходов и

многие годы был в нашей стране крупнейшим среди них. Судно вывели из эксплуатации только в 1958 году, т.е. оно проработало на речном транспорте почти 70 лет!³⁵ Так спустя восемь с половиной столетий имя основателя рода адмирала Ф.Ф. Ушакова воплотилось в одном из лучших речных судов России.

Авторы выражают искреннюю признательность руководителям и сотрудникам Российского государственного архива древних актов (РГАДА) и Российского государственного исторического архива (РГИА) за оказанное содействие в подготовке статьи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Скаловский Р.К. Жизнь адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова. СПб.: Русская симфония, 2006. С. 34.

² Овчинников В.Д. Непобедимый праведный воин Фёдор Ушаков. М.: ИП Журбенко, 2021. С. 34.

³ Русский биографический словарь. [Т. 15]. Притвиц — Рейс. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1910. С. 531.

⁴ «Касоги — народ черкесского (адигского) племени (предки нынешних кабардинцев)» // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. Т. XIV а. СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1895. С. 665; «Касоги — нынешние черкесы» // Там же. Т. XXVI. СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1899. С. 467; Русский биографический словарь. [Т. 15]. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1910. С. 531; «Касоги — русское название средневековых адыгов, обитавших в Прикубанье» // Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М.: Советская энциклопедия, 1965. Стб. 86.

⁵ Лопухины: краткое историческое родословие к 1000-летию рода. М.: Старая Басманная, 2021. С. 11, 12, 14.

⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573. Л. 17, 21; Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия. Т. 2. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 241.

⁷ Советская историческая энциклопедия. Т. 7. Стб. 86.

⁸ Там же. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1961. Стб. 221; Т. 15. Стб. 843, 844.

⁹ Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. 3-е изд. Пятигорск: тип. И.П. Афанасьева, 1890. С. 67.

¹⁰ Повесть временных лет. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. С. 203.

¹¹ Советская историческая энциклопедия. Т. 9. М.: Советская энциклопедия, 1966. Стб. 755; Славянская энциклопедия. Киевская Русь — Московия. Т. 1. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 765, 766.

¹² Повесть временных лет. 3-е изд. СПб.: Наука, 2007. С. 202.

¹³ Слово о полку Игореве: древнерусский текст и переводы. М.: Просвещение, 1965. С. 65.

¹⁴ Овчинников В.Д. Указ. соч. С. 34.

¹⁵ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М.: Наука, 1979. С. 35, 71.

¹⁶ Жалованная грамота дворянству 1785 [г.] // Советская историческая энциклопедия. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1964. Стб. 524; Жалованные грамоты // Энциклопедический словарь [Брокгауза и Ефрона]. Т. XI а. СПб.: Семеновская типолитография (И.А. Ефрона), 1894. С. 715.

¹⁷ Овчинников В.Д. Святой адмирал Ушаков (1745—1817): историческое повествование о земном пути святого праведного воина. М.: Олма-Пресс, 2003. С. 363.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573. Л. 21, 30а, 30а об.

²⁰ Там же. Л. 31 об.

²¹ Там же. Л. 32 об.

²² Там же. Л. 16 об.

²³ Там же. Л. 17, 17 об.

²⁴ Там же. Л. 18, 18 об.

²⁵ Овчинников В.Д. Святой адмирал Ушаков... С. 364; он же. Святой праведный воин — адмирал Фёдор Ушаков: архивные документы против легенд // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 285—287.

²⁶ РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573. Л. 26.

²⁷ Там же. Л. 26 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 2 об.

³⁰ Там же. Л. 28. К записке был приложен «герб издревле в роде Ушаковых»; там же. Л. 28 об.

³¹ Российский государственный архив древних актов. Ф. 286. Оп. 2. Ед. хр. 96. Л. 161.

³² Там же. Л. 167 об.

³³ РГИА. Ф. 1343. Оп. 30. Д. 4573. Л. 28 об.

³⁴ Овчинников В.Д. Святой праведный воин — адмирал Федор Ушаков: архивные документы против легенд. С. 285—287.

³⁵ Речное судоходство в России. М.: Транспорт, 1985. С. 196; Черников И.И. Пароход «Редедя князь Косогский» // Судостроение. 2002. № 2. С. 77—79.

R.Sh. Nekhay, S.D. Klimovsky

«FROM WHOM THE PETITIONER SHOWS HIS ORIGIN TO APPOINT»

Ancient genealogy of Admiral F.F. Ushakov

Information about authors. Ruslan Nekhay — Director of the Central Naval Museum named after Emperor Peter the Great, the Ministry of Defense of the Russian Federation, major general (ret.), Cand. Sc. (Pol.), associate professor (St. Petersburg. E-mail: navalmuseum_dm@mail.ru);

Sergey Klimovsky — Scientific Secretary of the Central Naval Museum named after Emperor Peter the Great of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Cand. Sc. (Hist.) (St. Petersburg. E-mail: nensi-396@yandex.ru).

Summary. The article, based on archival materials, examines the origins, the noble family of the Ushakovs, to which the outstanding Russian naval commander F.F. Ushakov belonged. The article tells about his distant ancestor, who lived in the 11th century in the North Caucasus, the Kassog prince Rededy, mentioned in the monuments of ancient Russian literature — "The Tale of Bygone Years" and "The Tale of Igor's Campaign". The correspondence of the Ushakovs with government authorities is given in order to obtain confirmation of their noble origin and approval of the family coat of arms for its subsequent inclusion in the General Armorial of the noble families of the All-Russian Empire.

Keywords: Admiral F.F. Ushakov; the Ushakov family; the Kassog prince Rededy; the Rededy family; the Tmutarakan prince Mstislav; Tmutarakan principality; the Adyghe union of tribes; Circassians; noble genealogical books; the General Armorial of the noble families of the All-Russian Empire; the Ushakov coat of arms; the steamship "Rededy prince Kosogsky".

ИЮЛЬ В ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

1 июля — День ветеранов боевых действий.

2 июля 1860 года, 165 лет назад, был основан военный пост Владивосток.

2 июля 1915 года, 110 лет назад, начался Готландский морской бой в ходе Первой мировой войны 1914—1918 гг.

3 июля 1790 года, 235 лет назад, русская эскадра одержала победу над шведской эскадрой в Выборгском морском сражении в ходе Русско-шведской войны 1788—1790 гг.

5 июля 1770 года, 255 лет назад, русская эскадра адмирала Г.А. Спиридова одержала победу над турецкой эскадрой в Хиосском морском сражении во время Русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

6 июля 1885 года, 140 лет назад, родился В.А. Артемьев (1885—1962 гг.), советский конструктор ракетной техники, участник разработки и испытаний первых советских ракет на бездымном порохе, один из создателей Газодинамической лаборатории, разработчик реактивных снарядов для реактивного миномёта «катюша», создатель первого отечественного реактивного бомбомёта с реактивной глубинной бомбой.

8 июля 1915 года, 110 лет назад, в состав Черноморского флота вошёл первый в мире подводный минный заградитель «Краб», построенный на верфи г. Николаева. Во время Первой мировой войны в 1915—1916 гг. он успешно проводил минные постановки в районах Босфора и г. Варны. Во время Гражданской войны был потоплен интервентами вблизи г. Севастополя в 1919 году.

10 июля 1765 года, 260 лет назад, родился П.И. Багратион, полководец, ученик А.В. Суворова, герой Отечественной войны 1812 года, генерал от инфантерии. Был ранен в Бородинском сражении и скончался от ран 24 сентября 1812 года.

10 июля — День воинской славы России. День победы русской армии под командованием Петра I над шведами в Полтавском сражении (1709 г.).

12 июля 1855 года, 170 лет назад, во время Крымской войны 1853—1856 гг. погиб адмирал П.С. Нахимов.

14 июля 1700 года, 325 лет назад, Русское царство и Турция заключили Константинопольский мирный договор, закрепивший результаты Азовских походов 1695—1696 гг. За Россией остался город Азов с прилегающей территорией и вновь построенные крепости: Таганрог, Павловск, Миус.

15 июля 1710 года, 315 лет назад, во время Северной войны 1700—1721 гг. русские войска под командованием генерал-фельдмаршала Б.П. Ше-

реметева взяли крепость Ригу, считавшуюся в то время одной из сильнейших крепостей в Европе.

15 июля 1920 года, 105 лет назад, вышел первый номер газеты Черноморского флота «Флаг Родины».

15 июля 1975 года, 50 лет назад, начался первый в истории совместный полёт космических кораблей СССР и США: советский «Союз-19» (экипаж в составе командира корабля А.А. Леонова и бортинженера В.Н. Кубасова) и американский «Аполлон» (экипаж в составе Т. Стаффорда, Д. Слейтона и В. Бранда). Через два дня была осуществлена стыковка двух космических аппаратов.

17 июля 1945 года, 80 лет назад, начала работу Потсдамская (Берлинская) конференция глав правительств держав — победительниц во Второй мировой войне (СССР — И.В. Сталин, США — Г. Трумэн, Великобритания — У. Черчилль),

обсудившая проблемы послевоенного устройства мира в Европе. Завершилась 2 августа.

19 июля 1790 года, 235 лет назад, во время Русско-турецкой войны 1787—1791 гг. в Керченском морском сражении русская эскадра под флагом контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова разгромила турецкий флот капудан-паши Хусейна.

19 июля 1920 года, 105 лет назад, при Военно-исторической комиссии был создан Архив Красной армии. С 1933 года — Центральный государственный архив Красной армии. С 1958 года — Центральный государственный архив Советской армии (ныне Российский государственный военный архив).

22 июля 1895 года, 130 лет назад, родился П.О. Сухой, авиаконструктор, один из создателей реактивной сверхзвуковой авиации, дважды Герой Социалистического Труда (1957, 1965), лауреат Сталинской, Ленинской и Государственной премий (1943, 1968, 1975).

22 июля 1935 года, 90 лет назад, родился В.Н. Лобов, советский военачальник, генерал армии (1989). Начальник Генерального штаба Вооружённых сил СССР (1991). Доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор. Член редакционной коллегии «Военно-исторического журнала».

27 июля (последнее воскресенье июля) — День Военно-морского флота.

28 июля 1900 года, 125 лет назад, родился адмирал В.Ф. Трибуц (1900—1977 гг.), командующий Краснознамённым Балтийским флотом в 1939—1947 гг.

В.Н. Лобов

Публикация Н.Л. Крыловой